

Вампир в пустыни

Том 3

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXXIII

Salamandra P.V.V.

ВАМПИРЫ ПУСТЫНИ

Том III

Сост. М. Фоменко
при участии А. Вий

Salamandra P.V.V.

Вампиры пустыни. Том III. Сост. М. Фоменко при участии А. Вий. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 248 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLXXIII. Вампирская серия).

В книге «Вампиры пустыни» читатель встретится с необычными вампирами. Эти вампиры мало напоминают традиционных роковых и клыкастых незнакомцев в черных плащах, сомнительных ревенантов и гламурную нечисть расплодившихся «саг». Пищей им служит не только кровь, но и разум, душа, психическая и жизненная энергия. Растения, животные, картины, дома, пустоты, пришельцы из космоса, обитатели иных планет и вовсе непостижимые существа и сущности — таковы вампиры этой антологии.

© Authors, estate, 2018

© Translators, переводы, 2018

© М. Fomenko, состав, комментарии, 2018

© Salamandra P.V.V., оформление, 2018

1819-2019

ВАМПИРСКАЯ СЕРИЯ

К

**200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПУБЛИКАЦИИ
«ВАМПИРА» Д. ПОЛИДОРИ**

ВАМПИРЫ ПУСТЫНИ

Фредерик Браун

Кровь

Спасаясь от гибели, Врон и Дрина, последние выжившие из расы вампиров, бежали в будущее на машине времени. Объятые ужасом, страдая от голода, они держались за руки и утешали друг друга.

Человечество обнаружило их собратьев в XXII веке, открыв, что предания о вампирах, скрыто живущих среди людей — вовсе не легенды, а факт. Началась резня, всех вампиров нашли и убили, кроме этих двоих, которые уже строили машину времени и вовремя закончили работу. И они бежали, бежали в бесконечно далекое будущее, где позабудется само слово «вампир» и они снова смогут затаиться и спокойно жить, а там и возродить свою расу.

— Я голодна, Врон. Страшно голодна.

— Я тоже, дорогая Дрина. Скоро вновь остановимся.

Четырежды они останавливались и всякий раз едва спасались от смерти. Вампиров не забыли. Последняя стоянка, полмиллиона лет назад, открыла им мир, укатившийся псу под хвост — вполне буквально: люди вымерли, собаки цивилизовались и стали похожи на людей. И даже там в них признали вампиров. Им удалось покормиться кровью одной нежной молодой сучки, но после их загнали в машину времени и снова обратили в бегство.

— Спасибо и на этом, — со вздохом сказала Дрина.

— Меня благодарить нечего, — мрачно отозвался Врон.

— Это конец пути. Топливо кончается, пополнить запасы мы не сможем — все радиоактивные вещества давно превратились в свинец. Придется жить здесь или...

Они вышли на разведку.

— Смотри! — возбужденно воскликнула Дрина, указывая на приближавшееся к ним создание. — Какое-то новое существо! Собаки исчезли, царствует новый вид. И вампиров, конечно, забыли.

Существо оказалось телепатом.

— Я услышал ваши мысли, — прозвучал голос в головах Врона и Дрины. — Вас беспокоит, знаем ли мы, кто такие «вампирь», кем бы они ни были. Нет, мы этого не знаем.

Дрина в восторге сжала руку Врона.

— Свобода! — промурлыкала она голодным шепотом. — И еда!

— Вас также интересует мое происхождение и эволюция моего вида, — продолжал голос. — Вся жизнь ныне стала растительной. Я... — существо низко поклонилось, — принадлежу к господствующей расе и некогда был тем, что вы называете репой.

Лесли Р. Харпер

Исследующий вид

Оконное стекло задрожало от мягкого удара. Карл Райннер даже не оторвался от страницы — он знал, что это означало, и не желал видеть сейчас никаких гостей. «Он рывком вцепился ей в шею своими клыкообразными зубами...» Окно снова содрогнулось, на сей раз с такой силой, что Карл испугался за стекло. Он отложил книгу и с отвращением прошел через всю комнату к окну. Сверкающие городские огни четко очертили парящий в воздухе за стеклом темный силуэт. Карл окинул взглядом громадную летучую мышь, обливая существо презрением.

— Обойдите вокруг!

Летучая мышь, полыхая красными глазами, ползала вверх и вниз по стеклу. Ее пасть открывалась и закрывалась, сквозь стекло доносился слабый визг.

— Проклятье! Идите через дверь!

Мышь вспорхнула и растворилась среди неоновых звезд. Карл повернулся, но успел заметить снаружи быстрое движение и всем телом упал на кнопку «открыть». Стекло ушло вверх, и мышь влетела в гостиную. Она устроилась на полу и сложила вокруг себя кожистые крылья.

Поднялся трепещущий туман, затем из тумана выступил доктор Вальпа.

Карл ударил кулаком по кнопке «закрыть» и повернулся к гостю.

— Черт! Я же просил вас войти через дверь. Мне надоел ваш дурацкий цирк. Если вы будете и дальше являться через окно, меня очень быстро вычислят.

Добрый доктор нахмурился и недовольно пожевал тонкими губами.

— Мой дорогой мальчик — ты же знаешь, как дорог мне, парень — все вампиры залетают через окна.

— Нет, не знаю, — отрезал Карл. — И я не расхаживаю в этой нелепой одежде.

Доктор Вальпа оглядел свою ниспадающую черную нарядку и театрально распростер руки, словно приветствуя невидимую публику.

— Довольно! Так и знал, что ты снова сядешь на любимого конька.

Он уселся в кресло, запахнул накидку, взял книгу и посмотрел на обложку.

— «Варни-вампир»! И ты подвергаешь сомнению мои методы — в самом деле, Карл, какое лицемерие!

Лицо Карла вспыхнуло. Вальпа оборвал смешок и наставил на него указательный палец.

— Вот, вот и причина! Какой настоящий вампир станет так краснеть? Вы, молодые мутанты, все одинаковы — модно одеваетесь, презираете старые обычаи, никого не слушаете. Ах, в дни моей юности...

— Прекратите, доктор. Это было несколько тысяч лет назад. Мы, новые вампиры, должны жить в сегодняшнем мире, в современности. Мы не можем бегать в черных плащах и вести себя как идиоты. А если попробуем, прокторы мигом нас задержат.

— Грустно, но правда твоя, парень, — кивнул доктор Вальпа. — Даже мне приходится носить в университете современную одежду, чтобы не вылететь с работы.

Он вызывающе взглянул на Карла.

— Но я придерживаюсь старых обычаев, когда наношу визиты. Ты мог бы не нарушать хотя бы это...

Карл сел напротив старика и посмотрел в его красные глаза.

— Доктор Вальпа, вы не понимаете, не так ли? Вы *все еще* не понимаете, что происходит. Вы и секунды не продержитесь в городе. Если бы я следовал старым способам кормления, меня сразу поймали бы. Здесь, в городе, в этом квартирном комплексе, живут больше пятисот человек, и всеми я питаюсь. Глоток тут, глоток там — никто не замечает, а если я немного переусердствую, они списывают это на недостаток железа в крови. Никто не догадывается и даже поверить не смог бы, что я рядом.

Доктор Вальпа откинулся на спинку кресла, положив руки на выгнутые подлокотники.

— Еще один неплохой довод, мой мальчик. Но как ты можешь называть себя вампиром?

Вальпа поднялся и начал расхаживать по комнате.

— Вампир сближается с добычей, влечет ее к себе и сбазливает, вводя в гипнотический транс, что уносит обоих в особый, исключительный мир. Он...

— Вздор, — сказал Карл и заложил ногу за ногу.

Доктор Вальпа, оскорбленный до глубины души, остановился перед креслом Карла. По его лицу разливалась смертельная бледность.

— Вздор? — задохнулся доктор. — Ты говоришь — вздор? — взревел он.

— Вздор, — тихо повторил Карл.

Челюсть Вальпы отвисла, глаза расширились.

— Нам это не нужно. В конце концов, будучи людьми, мы можем наслаждаться... — Карл кашлянул, прикрывая рот рукой, — скажем так, лучшим в этой жизни.

Вальпа оцепенел. Он медленно закрыл рот и словно стек на сиденье кресла.

— Так вот чем мы стали — ублюдками человеческой расы? Мы теряем сами себя и с каждым днем становимся все более чужеродными...

Он опустил голову, глядя на цветочный узор плитки. Карл беспокойно зашевелился.

— Что значит «чужеродными», доктор? Я знаю, что вы и другие праотцы — мертвые, восставшие к жизни, но вы все равно остаетесь людьми.

— Нет, Карл. Это ты не понимаешь. Истинная история нашей расы никогда не была написана.

Глаза доктора Вальпы стали пустыми — казалось, он погрузился в себя. Его голос зазвучал так, будто он говорил в пустом зале: раскатистый, низкий и тихий.

— Разве в детстве тебя ничему не учили?

Карл покачал головой и в замешательстве уставился на старика.

— Ну, мы изучали обычные вещи — скоростные вычисления, ускоренное чтение, компьютерные технологии...

— Нет! — застонал Вальпа. — Тебе рассказывали, кто такие вампиры?

— Н-нет... Доктор Джеймисон, психолог, приставленный к нашему ковену, подчеркивал тот факт, что хоть мы и вам-

пиры, у нас есть свое место в обществе, и мы в действительности не являемся отклонением от нормы, извращением...

— Будь он проклят! — воскликнул доктор Вальпа. — Старые традиции утрачены... Говорил я им, что нужно остере-гаться Джеймисона, он нас погубит!

Вальпа бесновался и брызгал слюной. Испуганный Карл пытался его успокоить, но Вальпа оттолкнул его руки и схва-тил Карла за плечи.

— Тебе рассказывали хоть что-нибудь о нашей истории? Хоть что-нибудь?

Карл осторожно снял с плеч когтистые руки старика.

— Да, рассказывали. Всемирной атомной войны, кото-рую так боялись в пятидесятых и шестидесятых, удалось из-бежать. Все страны стали жить в мире. Все расы и народы, а следовательно, все люди были объявлены равными. Сей-час, в двадцать первом столетии, каждый может жить своей жизнью, если не мешает другим. У каждого из нас есть свое место...

— Нечистая сила! — вздохнул доктор Вальпа. — Карл, зав-тра вечером за тобой заедет надзиратель.

Он надвинул накидку на глаза и провалился в пол. Из тумана с пронзительным воплем вспорхнула чудовищная летучая мышь и врезалась в стену. Окно распахнулось, и мышь унеслась в ночь.

— Вальпа, подождите! Скажите мне... — крикнул Карл вслед исчезающей в темноте мыши. Прохладный ночной воздух овеял его лицо, охлаждая пот, струившийся из пор. Карл закрыл окно и увидел в стекле свое отражение. Суро-вые, жесткие черты. Глаза мрачные и холодные, кожа на лице тую натянута. Зубы ровные и белые, ни признака клы-ков — клыки ни к чему, поскольку сверхтонкие иглы не ос-тавляют следов.

— Проклятье! Что он имел в виду? — спросил Карл, об-ращаясь к пустой комнате.

На следующую ночь, около двух, когда Карл готовился к визитам, по стеклу снова что-то царапнуло. Он поспешил открыть окно, и в гостиную ворвалась приличных размеров летучая мышь. Она ударила об пол и превратилась в мужчину средних лет, одетого в такую же одежду, какая была на докторе Вальпе. Но этот вампир был надзирателем. Карл помнил его еще со школы, где вместе с другими молодыми вампирами проходил курс человеческих обычаев. Надзиратели были для вампиролюдей тем же, чем прокторы для общества в целом.

Высокий вампир в развевающемся плаще шагнул вперед и притронулся к руке Карла.

— Вы должны пойти со мной.

Карл отскочил, как от удара.

Надзиратель несколько мгновений смотрел на него, затем тихо заговорил:

— Вас вызывает совет. Вы должны пойти со мной.

Посеревшее лицо Карла исказилось от ужаса.

— Вальпа говорил мне... но совет... совет не созывался уже пятьдесят лет.

— Я знаю.

Надзиратель повернулся и подозвал Карла к окну.

— Я не могу уйти через окно, сэр.

Надзиратель поморщился.

— Да, я знаю о ваших недостатках. Подойдите сюда. Видите темный аэромобиль на стоянке такси? Вы должны немедленно спуститься вниз и сесть в машину.

Произнося эти слова, надзиратель постепенно растворялся в воздухе. Летучая мышь с пронзительным криком вылетела в ночь.

Садясь в машину, Карл увидел Стивена и Марию Коллинс. Они также были встревожены.

— Карл, совет... совет созван в полном составе. Нас вызывают, — воскликнула Мария.

Карл сел рядом с Марией и положил руку ей на плечо.

— Надзиратель просто пришел за мной и сказал, что я должен поехать. Я думал, что сделал что-то не так или, может, что-то такое сказал доктору Вальпе...

— Доктору Вальпе? Главе нашего клана?

Карл недоуменно поднял глаза.

— Глава клана? С каких пор? Он был всего лишь советником...

Стив покачал головой.

— Он был избран в мае прошлого года. Интриги среди старейшин. Всю организацию перетряхнули сверху донизу, и причина, кажется, в нас.

— Что ты хочешь сказать, Стив? Как это — в нас? Если ты имеешь в виду нас троих, то это вряд ли. Лично я ничего не нарушал... Или же, — Карл помедлил, страшась произнести это вслух, — дело в людях-вампирах в целом?

Мария взглянула на него красными от слез глазами.

— Дело во всех нас, Карл. В нас, первой группе, и следующих трех группах, что они создали.

Карл мрачно умолк. Машина выехала из города и начала подниматься по вьющейся среди холмов дороге. Стив и Мария тоже молчали, углубившись в свои мысли. Неужели эксперимент провалился?

Машина свернула в глубокое ущелье и, преодолев узкую и крутую, извилистую дорогу, подъехала к стоявшему на холме дому. Правильней было бы назвать его замком, но в Северной Америке не было замков. Здание было темным и внушительным — таким оно запомнилось Карлу, Стиву, Марии и другим молодым вампирам, игравшим в детстве в окрестных холмах. Они всегда посмеивались — древние старейшины выбрали себе подходящее место для жизни.

Их поразило и привело в смятение огромное количество вампиров, собравшихся со всех концов света. Здесь были почтенные, великие вампиры, о которых они слышали только в легендах. Все были невероятно стары, но, как всегда, молоды на вид. В тенях под сводчатым потолком носились летучие мыши. Старинные канделябры со свечами, горевшими голубым пламенем, рассеивали вокруг тусклый свет.

Карл и его друзья, прибывшие последними, стояли у дверей огромного зала. Их никто даже не заметил — все взоры были устремлены на лорда Рутвена, взошедшего на ораторскую кафедру.

Рутвен поднял руки, и приглушенный шум голосов утих. В зале воцарилась тишина. Граф обвел собравшихся мертвыми серыми глазами. Его губы медленно задвигались, словно он был не в силах заговорить. Хриплым, ломающимся и искореженным веками голосом он шепотом обратился к собранию, и в потрясенной тишине прозвучали слова:

— Эксперимент потерпел неудачу.

Все молчали, застыв, перестав существовать — минуту ли, столетия. Многовековая мечта истинных вампиров была разрушена, уничтожена. Мечта, что стала реальностью, возвращалась со страстью и надеждой — разбилась вдребезги. Вампиролюди не верили своим ушам, чувствуя нарастающий гнев. На их лицах был написан стыд, и в зале сгущалась ненависть. Подстегнутые апатией и подавленностью старейшин, они зароптали, в задних рядах началась давка. Вампиролюди пробивались вперед. В нефах звучали крики:

— Лжец! Обманщик!

Карл вскочил на стул и закричал громко, чтобы все услышали:

— Слушайте меня, вампиры! Эти старые глупцы только и хотят провалить эксперимент. Они хотят убедить нас, что мы не можем быть людьми и оставаться вампирями. Они прожили с человечеством много веков и начали верить собственным мифам!

Стив издал одобрительный возглас, и в ночи зашумели голоса людей-вампиров. Но воздух вдруг прорезал визг громадной летучей мыши, и вампиры в испуге приникли к полу. Граф выпрямился на подиуме в тени своих величественных крыльев. Его злобный рот с острыми клыками задрожал от гнева.

— Выслушайте еще раз, скудоумные! То, к чему придем мы здесь и сейчас, на веки вечные определит вашу жизнь!

Рутвен указал на вампира, стоявшего в толпе, и тот поднялся на подиум. Рядом с Рутвеном он казался лишь ничтожной тенью — но Карл узнал главу клана.

— Благодарю вас, мой добрый граф. Думаю, после того, как я объясню этим молодым задирам, почему именно провалился эксперимент, они прекратят устраивать ненужные

беспорядки.

Он говорил спокойно, как профессор на лекции, произносящий с кафедры вводные замечания, и вампиры постепенно угомонились. Доктор Вальпа глянул в свой конспект и заговорил снова.

— Кажется, из образовательной программы наших юных друзей были удалены определенные исторические сведения, и отсутствие их привело к серьезным недоразумениям. Во многих случаях, как например у Карла Райнера, — все головы повернулись к покрасневшему Карлу, — я видел стремление уразуметь и объяснить свою сущность. Это понятно: люди-вампиры воспитывались в *нашем* обществе и поистине не знают, кем являются.

Доктор Вальпа пролистал блокнот и подождал, пока не утих шум. Он глянул поверх очков в задние ряды и увидел выражение признательности на лице Карла.

— Да, они читают старую человеческую классику и находят только легенды, в распространении которых нас обвиняют. Но в действительности легенды истинны, и написанное в книгах в самом деле изображает нас. Однако молодые вампиры не в состоянии отождествить себя с этими легендами, поскольку они люди и не верят в то, что мир называет «фантазиями». Они настоящие вампиры в том смысле, что поддерживают свое существование кровью; и в то же время они люди — они не умеют летать, отражаются в зеркалах, едят чеснок и так далее и так далее.

Доктор Вальпа взмахнул рукой, будто отметая традиционные признаки вампирисма.

— Не задаваясь вопросом, чем обусловлены свойства вампиров, они выдвинули на первый план свои человеческие души и начали жить в обществе, став его интегральной частью. Они растворились в обществе, превратились в уважаемых граждан, поддерживали ООН и ненавидели извращенцев и одновременно сохраняли наследие, которое считали нормой своей конкретной субкультуры. Люди-вампиры. Мы этого хотели, ожидали, мы об этом даже... кхм... молились. Но... — он поднял руку, и над толпой задрожал указательный палец. Карл знал, что сейчас он сожмет руку в

кулак и с треском ударит по дереву. Бац! — Но мы не ожидали, что их превращение в людей зайдет так далеко, что они забудут о своем подлинном наследии — о том, что и они, и мы, все мы, чужды этому миру.

— Ложь! — закричал Карл. — Я такой же человек, как и любой на этой планете. Я... я...

Он осекся. О Боже, Вальпа не лжет. Если легенды верны, он говорит правду.

— Карл, все мы пришельцы. Мы прибыли на Землю десять тысяч лет назад. Мы были вынуждены покинуть наш последний дом в связи с той же опасностью, что возникла сейчас. Мы паразиты, Карл. Все очень просто. Мы существуем, паразитируя на человеческой жизни. Если нас разоблачат и вытащат на свет, мы будем уничтожены, как избавились в двадцать первом веке от рака и сердечных заболеваний. Никакой человек не вынесет мысли, что им питается иное существо. Нас будут выслеживать и убивать.

Вальпа прошелся по подиуму, скользя по толпе невидящими глазами. Он поднял руку и указал на Жиля де Ре и его приверженцев — истинных вампиров.

— С нами расправятся первыми. Нас довольно хорошо изучили. Они знают все наши особенности, и как только человечество *действительно* поверит в вампиров, мы долго не протянем. До тебя, — Вальпа указал на Карла и полыхнул красными глазами, — еще какое-то время не доберутся. Но долго это не продлится. Организуют медицинские проверки, в нечистой крови распознают вампирские примеси, в жилые районы направят охрану, устроят ловушки. О, истинные и древние вампиры, забудем ли мы когда-нибудь, как преследовали наших предков в сумеречном мире Антареса-4?

— Но это все-таки не объясняет, доктор, почему эксперимент не удался.

Все взгляды снова обратились к Карлу.

Вальпа на миг остановил на нем глаза, затем обратился к собранию.

В зале затаили дыхание.

— Человечество узнало, что мы здесь. Эксперимент про-валился потому, что один из людей-вампиров решил пройти сеанс анализа у психопроктора. Вампир, не таясь, рассказал о своей жизни. Он говорил о чувстве отчужденности, о желании быть принятым другими. Вампир поведал проктору все подробности, не подозревая, какова будет реакция человека. Он был настолько очеловечен, что считал вампиризм чем-то вроде гомосексуализма — отклонением, конечно, но приемлемым и разрешенным. Мы не ожидали, что проктор поверит, но он поверил и заставил молодого вампира выдать наставника, сэра Ромуальда.

Лицо Вальпы превратилось в белую маску.

— Сэр Ромуальд был ликвидирован во сне. Ему вогнали кол в сердце. Казнь была задокументирована в реальном времени и сохранена в кибернетической памяти.

У истинных вампиров вырвался горестный крик.

— Время пришло...

Звездолет показался бы людям ультрасовременным чудом из чудес, но был изношенным и старым. Он был старым задолго до последнего путешествия, а теперь стал еще старше. Но сверкающий корпус обещал спасение вампирам, поднимавшимся по трапу к шлюзу. У люка стоял доктор Вальпа, сверяя посадочный лист с лицами мужчин и женщин и рыльцами летучих мышей, торопящихся на борт. Вальпа был очень занят, однако нашел взглядом Карла — тот неуверенно подходил к трапу. Что-то скажет ему молодой вампир? Последние люди-вампирьи входили в корабль. Вальпа заметил, какими глазами смотрели на Карла Стивен и Мария — и все понял.

Карл подошел и встал рядом. Стив и Мария вошли в огромный грузовой отсек звездолета. Мария обернулась, помахала рукой, ее лицо залилось слезами и исчезло. Доктор Вальпа закутался в плащ, поеживаясь на холодном вет-

ру из долины. Его кроваво-красные глаза смотрели на извилистую дорогу, холмы и пластитовые купола мегаполиса на горизонте.

— Это был хороший мир, Карл. Он стал домом для нашего народа. Мы видели, как он развивался — от древней Греции до всесильной ООН. Наш народ много помогал землянам, о чем они вряд ли узнают. Но может быть, когда-нибудь они почувствуют себя в долгу перед нами. Возможно, Карл, ты приложишь к этому руку.

— Доктор, я... — Карл умолк. Рука Вальпы лежала на его плече, и он впервые почувствовал человечность, тепло, исходящие от старого вампира.

— Я знаю, Карл. Ты не можешь улететь. Ты не можешь оставить этот мир ради другого, пусть даже похожего. Я это знаю, ведь я и сам хотел остаться, когда мы пустились в наше последнее путешествие. Я и сейчас едва не остался.

Старик печально покачал головой, и его седые кудри взметнулись в холодном ночном воздухе.

— Забавно, Карл, но мне нравилось быть профессором. Всегда нравилось. Правда, я думаю, что в новом мире буду генералом, врачом или чем-то вроде этого.

Карл невольно улыбнулся, представив себе, как Вальпа скакет на коне по полям сражений, ведя в бой огромных неуклюжих варваров.

— Вы утешите Марию? Ради меня, сэр?

Вальпа кивнул и повернулся к люку. Он по-прежнему крепко держал Карла за плечи, прижимая к себе. Карл почувствовал в ноздрях запах сырой земли и плесени и глубоко вдохнул этот тяжелый запах. Вальпа отпустил его и помотал головой, словно стряхивая с глаз набежавшие слезы.

Люк бесшумно скользнул вниз перед Карлом. Он повернулся и побежал вниз по трапу. Корабль поднялся на антигравах, чуть развернулся, нащупывая навигационной аппаратурой пространственный туннель. Потом корабль мигнул и исчез, как звездочка, и Карл снова услышал последние слова Вальпы:

— Мы все будем помнить о тебе, Карл. Ты — особенный. Для нас, для Земли ты будешь всем, что осталось от легенды.

Родерик Блох

Девушка с Марса

«Дикарь с Борнео — все гложет живьем — спешиште видеть...»

Эйс Клаусон прислонился к боковине помоста. Лу, зазывала, продолжал надрываться. Кому-то же надо было его слушать, а публики в такой паскудный дождь не жди.

Темнело, и дождь начинал ослабевать, но что толку — с полудня ливень хлестал без перерыва и залил лужами всю пустынную карнавальную площадь. Лу смотрел, как зажигались огнями мокрый шатер и провисшие плакаты «Мира чудес». Он дрожал. Гнусный климат — ясно, откуда у этих бедолаг из Джорджии малярия.

Хорошо бы небесам заткнуть фонтан, а бедолагам навесить балаган после ужина. Да, хорошо бы. Карнавалу осталось два дня, а Эйс еще даже расходы не вернул. Что поделать, бывают такие сезоны — не везет, хоть тресни.

Эйс поскреб подбородок. Надо бы побриться. А, к черту. И к черту Лу — зачем он там орет, все равно никого нет. Эйс поглядел на неотесанного зазывала на помосте и улыбнулся. Сопляк, первый сезон работает, ему еще учиться и учиться. Эйс вскинул голову и крикнул:

— Эй, Лу!

— Чего?

— Заткнись!

Лу заткнулся и слез с помоста. Он помотал головой, и Эйс увернулся от веера капель.

— Орешь там, как кретин, когда вокруг никого! Хватит. Иди, скажи всем, пусть идут к Суини и возьмут себе жаркое. Еще час тут ни один болван не появится.

— Понял, Эйс.

Лу нырнул в палатку, и оттуда гуськом потянулся Странный Народец. Жирная Филлис переваливалась с ноги на ногу, за ней семенил крошечный Капитан Атом, дальше Гассан-Огнеглотатель, как всегда, с вонючей сигареткой в рту, Джонни — Мальчик-Аллигатор в плаще, Эдди в костюме Дикаря с Борнео.

Эйс спрятался за билетерской будкой. Ему не хотелось с ними сейчас говорить. Кто-то обязательно начнет отпускать шуточки о Митци и Радже. Подавились бы своим юмором!

Эйс смотрел, как они месили ногами красную глину площади. Потом, прищурившись, поглядел на плакаты над помостом. Весь Странный Народец прищурил в ответ накрашенные глаза — Филлис, Капитан Атом, Самый Маленький Человек в Мире, Могучий Гассан, Мальчик-Аллигатор, Дикарь с Борнео, Индийский Маг Раджа и Девушка с Марса.

Маг Раджа, в тюрбане и вечернем костюме, распиливал пополам женщину. Девушка с Марса распостерла в вечернем небе крылья летучей мыши. Эйс скривился и выругался.

Надо же им было смотаться! Сбежали — и к тому же вместе! Вот что обиднее всего. Смылись вместе. Раджа и Митци. Не иначе, это Митци придумала, шлюшка. Наставляла Эйсу рога за спиной. Смеялась над ним. Погода ни к черту, сборы никакие, да еще и Митци свалила!

Эйс прикусил губу. На ужин хватит и этого. Этого и выпивки.

Он уселся на край помоста и вытащил бутылку. Почти полная. Открыл — и выбросил пробку. Этой бутылке пробка больше не понадобится.

Запрокинув голову, он глотнул. Еще. Глоток за дождь. Глоток за болванов из Джорджии. Глоток за Раджу и Митци. И кстати, глоток за то, что он сделает с этой стервой, если где-нибудь ее повстречает.

Уголком глаза он заметил, что дождь прекратился. А затем он увидел девушку.

Она очень медленно брела по площади. На ней было что-то серое и свободное, но Эйс даже издали видел, что это девушка, так поблескивали ее длинные светлые волосы.

Ни хрена не светленькая — настоящая платиновая блондинка: когда она подошла ближе, Эйс увидел, что волосы у нее почти белые. И брови тоже. Точно одна из этих — как их там называют? — альбиносов. Вот только глаза у нее были не розовые, а как бы тоже платиновые. Странные глаза. Обходя лужи, она глазела на все вокруг.

Эйс смотрел, как она приближалась — делать-то все равно было нечего. Кроме того, там было на что посмотреть. Все при ней, даже в этом сером и свободном. Какая фигурука! Длинные ноги, отличные сиськи. Красотка.

Эйс пригладил волосы. Когда она пройдет мимо, он покажется и подойдет к ней, вроде как улыбаясь. Потом...

Эйс помедлил: девушка мимо не прошла, а остановилась у края помоста и стала читать надписи на афишах. Она как-то смешно покачивалась, будто под тяжестью. Кто ее разберет? В общем, она покачивалась на каблуках и смотрела вверх. Уставилась на один из плакатов и что-то бормотала.

Эйс присмотрелся. Она глядела на Девушку с Марса. И громко бормотала то же самое. Теперь он слышал.

— Девушка с Марса, — повторяла она. У нее был какой-то иностранный акцент. Блондинка. Может, шведка какая-нибудь.

Эйс обошел ее и подкрался со спины.

— Могу я вам чем-то помочь?

Девушка отпрыгнула примерно на фут.

— Текер...

Наверняка шведка. Но фигурка! И никакой косметики. В косметике она не нуждалась. Эйс улыбнулся.

— Я Эйс Клаусон. Владелец этого шоу. Ты что-то хотела, сестричка?

Она смерила его взглядом и повернулась к афише.

— Девушка с Марса, — сказала она. — Это правдиво?

— Правдиво?

— Есть такая? Внутри там?

— Хм... нет. Больше нет. Она сделала ноги.

— *Ken?* — сглотнула девушка. — То есть, как вы сказали?

— Она сбежала. В чем дело? Ты не очень хорошо говоришь по-английски, а?

— Английский? Ах, да. Речь. Да, я говорю английский.

Она подбирала слова медленно и хмурилась. Вернее, хмурила брови, но лоб оставался гладким, без единой морщинки. Кожа у нее была сероватая, как и одежда. Ни одной пуговицы, и сумочки тоже нет. Иностраника.

— Она не об... обладала крыльями?

Эйс ухмыльнулся.

— Нет. Чистый фальшак.

Девушка снова начала хмуриться, и Эйс сообразил, что

Obviously she was a fraud; she had no wings. But flying was actually the last thing she wanted to do . . .

она, должно быть, пьяна.

— Такой трюк, понимаешь? Нет никакой Девушки с Марса.

— Но я с *Рекка*.

— Что-что?

— Я с *Ре...* с Марса.

Да она набралась, как последний пьянчуга! Эйс отступил на шаг.

— Ну да. Конечно. Так ты с Марса?

— Я прилетела сегодня.

— Понятно, понятно. Прямо так взяла и прилетела, а? По делу или на отдых?

— *Ken*?

— Ладно, забудь. Я хотел спросить, какие у тебя планы? Я могу тебе помочь?

— Голодная.

Не только алкоголичка, но и попрошайка. Но какая фигурка! И когда Эйс положил ей руку на плечо, она не отодвинулась. Ее плечо было теплым. Горячая штучка. Горячая и голодная...

Эйс искоса глянул на шатер. У него появилась идея. Появилась, как только он притронулся к плечу девушки. К черту Митци. Это то, что доктор прописал. На площади пусто, народец вернется от Суни только через сорок пять минут.

— Голодная, — повторила девушка.

— Конечно. Найдем для тебя что-нибудь поесть. Но сперва поговорим. Пойдем внутрь.

Эйс снова приобнял ее за плечо. Теплое. Мягкое. То, что доктор прописал.

Внутри тускло горели несколько лампочек — Лу выключил свет, когда уходил. Занавески над помостами у стен были опущены, как во время шоу, когда уродцы выступали по очереди. Эйс подвел ее к помосту Девушки с Марса. Там была койка, а занавес можно будет опустить. Но для начала не стоит гнать картину.

Она шла, покачиваясь на каблуках, пока Эйс не придержал ее за плечи, подтолкнув к ступенькам сбоку помоста. От прикосновения к ней он загорелся нетерпением, но знал,

что должен вести себя осторожно. От нее волнами исходил жар, а Эйсу было тепло от выпитого виски.

— Значит, ты с Марса, — хрипло сказал он, наклоняясь к ней, но не забывая улыбаться. — Как ты сюда попала?

— Эртэллс. Это... машина. С другими. Гидрон, очень быстрая. Пока мы не садиться. Тогда это, что мы не ожидали. В атмосфере. Электричество.

— Буря? Молнии?

Она безразлично кивнула.

— Вы поняли. Кор... машина раскрылась. Сломалась. Все флерк. Все, кроме меня. Я упала. И тогда я не знаю. У меня не было приказов. Пре закончился. Понимаете?

Эйс закивал. Горячая штучка. Господи, какая горячая! И фигурка. Он отступил, продолжая кивать. Пусть выговорится. Может, немного пропрозвеет.

— И я шла. Ничего. Никого. Темно. Потом увидела свет. Это место. И слова. И вас. Прочитала слова.

— И вот вы здесь.

Нет ничего лучше, чем немного пошутить. Юмор хорошо действует на дамочек и пьяниц.

— Но как получилось, что вы умеете говорить по-английски? И читать?

— Это все Пре. Образование. Потому что он... знал, что мы должны полететь. Много я не могу знать. Я пойму. Сейчас голодна.

На ее лице не было никакого выражения. Пьяные всегда много гrimасничают. И она не спотыкалась, только чуть покачивалась на каблуках. И от нее не пахло спиртным. Значит, она не пьяна!

Эйс присмотрелся.

Безразличное лицо, платиновые волосы и брови. Открытые туфли и серая одежда без каких-либо карманов и пуговиц. Вот оно что! *На одежде нет пуговиц*.

Ну да. Точно. Психическая. Говорит, попала сюда сегодня — ясно, сбежала в ливень из местного дурдома. Понятно, почему у нее нет сумочки и вообще ничего. Просто жалкая шизанутая девка, сбежавшая из клиники.

И это все его везение? Пороумная дура с пустым желудком и пустой головой? Только этого не хватало! Но какая фигурка! А этого как раз и не хватало...

Почему бы нет?

Эйс быстро соображал. Полчаса, может быть. Времени достаточно. А после сразу ее выпроводить. Никто не узнает. Может, и грязная игра, но какого хрена, ему самому и так в последнее время досталось. Дождь, никаких сборов, трехлятая Митци сбежала, бабы нет. Нужно сбить полосу неудач. И кроме того, ей это не повредит, даже наоборот. Никто ничего не узнает, а если и узнает, она все равно шизанутая. Не понимает, что говорит. Почему бы и нет?

— Голодная.

— Подожди минутку, сестренка. У меня тут возникла шикарная мысль. Иди-ка сюда.

Эйс жестом попросил девушку встать, поднялся впереди нее по ступенькам и отодвинул занавес. На помосте, за парусиной, было темно. Он стал ощупью искать койку. Нашел.

— Садись, — сказал Эйс, стараясь говорить помягче. Она стояла совсем рядом, и когда он потянул ее на койку, потянул вниз все это горячее и мягкое, подчинилась, не издав ни звука.

Он заставил себя выждать, не переставая говорить.

— Да. Шикарная идея. Ты ведь с Марса, верно?

— Да. С Рекка.

— Ну вот. А моя Девушка с Марса сделала ноги. Так что я тут подумал: отчего бы тебе не поступить к нам? Можешь получить те же условия — тридцать в неделю и кормежка. Поездишь, страну посмотришь. Никто тебе не будет указывать, что да как. Сама себе хозяйка. Свобода. Понимаешь? Свобода!

Эйс хотел, чтобы это прозвучало правильно. Свобода — тонкий такой ход. Даже если она тронутая, ей хватило ума сбежать, и она скорее всего понимает, что не может оставаться на одном месте. В шоу он ее не возьмет, это все басни, но пусть согласится. Тогда можно и приступать.

— Вы не то говорите. Голодная.

Ко всем чертям! Нечего тратить красноречие на психическую. А здесь, в темноте, какая же она чокнутая? Красотка, фигуристая блондинка, горячая штучка, получше Митци, и хрен с ней, с Митци, девушка рядом и он чувствует ее, чувствует ее тепло...

Эйс положил руки на плечи девушки.

— Голодная? Не беспокойся, сестричка. Я о тебе позабочусь. От тебя требуется лишь немного пойти навстречу.

Черт подери! Он услышал шум голосов — народец вернулся, набился в шатер. Поднимаются на помосты, скрипят стульями... Времени не осталось.

На хрен, здесь занавес, темно, нужно только сделать все по-тихому и ей внушить, чтобы не очень шумела, а потом можно будет незаметно ускользнуть. Руки и так у нее на плечах. Эйс почувствовал, как девушка прильнула к нему, ощущил эти упругие изгибы.

Девушка не пыталась отпрянуть, она прижималась. Никакая она не чокнутая и знает, что делает. Все в порядке.

В шатре кто-то зажег полный свет, и парусиновый занавес чуть зарумянился. Эйс улыбался, глядя на поднятое лицо девушки. Ее глаза расширились, сверкали. Эйс стал гладить ее по спине. Девушка была сильной, жаждущей.

— О голоде не волнуйся, детка, — шепнул он. — Я о тебе позабочусь.

Девушка исходила жаром, обнимая его за плечи. Эйс наклонил голову, собираясь ее поцеловать. Она широко открыла рот, и в тусклом свете Эйс разглядел ее зубы. Тоже платиновые.

Он хотел было отшатнуться, но тело девушки истекало таким жаром, что у него закружилась голова. Вдобавок, она крепко держала его и снова и снова повторяла: «Голодная». Затем она подтолкнула его и заставила лечь, и Эйс увидел приближающиеся зубы. Длинные и заостренные. Он не мог двинуться, девушка держала его, ее глаза опаляли Эйса жаром, а длинные острые зубы придвигались все ближе...

Эйс почти не ощущил боли. Все растворилось в ее жаре, завертелось и унеслось прочь. Где-то вдалеке раздался голос. Лу, зазывала, вышел на помост и, стоя под плакатом

Девушки с Марса, завел свою кричалку. Это было последнее, что Эйс услышал и понял. Кричалка... шоу продолжалось...

«Дикарь с Борнео — все гложет живьем — спешиште видеть...»

Роджер Мелдрум

Пиавка из нержавеющей
стали

Они по-настоящему боятся этого места. Днем они будут лязгать среди могильных надгробий, но даже Центральная не принудит их вести поиски ночью со всеми их ультра и инфра, а уж в склеп они не пойдут ни за что. И это меня вполне устраивает.

Они суеверны — это заложено в схему. Их сконструировали служить человеку, и в краткие дни его пребывания в земной юдоли благовение, преданность, не говоря уж о священном ужасе, были автоматическими. Даже последний человек, покойник Кеннингтон, распоряжался всеми роботами, какие только ни существуют, пока был жив. Его особа была объектом глубочайшего почитания, и все его приказы свято исполнялись.

А человек — всегда человек, жив он или мертв. Вот почему кладбища — это комбинация ада, небес и непостижимой обратной связи, и они останутся отъединенными от городов, пока существует Земля.

Но и в то время, пока я смеюсь над ними, они заглядывают под камни и обшаривают овражки. Они ищут — и боятся найти — меня.

Я — невыбракованный, я — легенда. Один раз на миллион сборок может появиться такой, как я, с брачком, который обнаружат, когда уже поздно.

По желанию я мог отключить свою связь с Центральной станцией контроля, стать вольным ботом, бродить, где захочу, делать, что захочу. Мне нравилось посещать кладбища, потому что там тихо и нет доводящих до исступления ударов прессов и лязганья толп. Мне нравилось смотреть на зеленые, красные, желтые, голубые штуки, которые росли у могил. И я не боялся этих мест, так как и тут сказывался брак. А потому, когда меня определили, то из моего нутра извлекли узел жизни, а остальное швырнули в кучу металломола.

Но на следующий день меня там не было, и их обуял великий страх.

Теперь я лишен автономного источника энергии, но катушки индуктивности у меня в груди служат аккумулято-

рами. Однако их необходимо часто подзаряжать, а для этого имеется лишь один способ.

Робот-оборотень — страшная легенда, о которой шепчутся среди сверкающих стальных башен, когда вздыхает ночной ветер, обремененный ужасами прошлого — тех дней, когда по земле ходили существа не из металла. Полужизни, паразитирующие на других, все еще наводят мрак на узлы жизни всех ботов.

Я, диссидент, невыбракованный, обитаю здесь, в Парке роз среди шиповника и миртов, могильных плит и разбитых ангелов, вместе с Фрицем — еще одной легендой — в нашем тихом и глубоком склепе.

Фриц — вампир, и это ужасно, это трагично. Он до того истощился от вечного голода, что больше не способен ходить, но и умереть он не может, а потому лежит в гробу и грезит об ушедших временах. Придет день, и он попросит, чтобы я вынес его наружу, на солнце, и я увижу, как он будет иссыхать, угасать и рассыпляться прахом в мире и небытии. Надеюсь, он попросит меня еще не скоро.

Мы беседуем. Ночью в полнолуние, когда он чувствует себя чуть крепче, Фриц рассказывает мне о более счастливом своем существовании в местах, которые назывались Австрия и Венгрия, где его тоже страшились и охотились на него.

— Но только пиявка из нержавеющей стали способна извлечь кровь из камня... или робота, — сказал он вчерашней ночью. — Так гордо и так одиноко — быть пиявкой из нержавеющей стали: вполне возможно, что ты — единственный в своем роде. Так поддержи же свою репутацию! Лови их! Осушай! Оставь свой след на тысяче стальных горл!

И он был прав. Он всегда прав. И знает о подобных ве-щах больше меня.

— Кеннингтон! — Узкие бескровные губы Фрица улыбнулись. — Какой это был поединок! Он — последний человек на Земле, а я — последний вампир. Десять лет я пытался осушить его. И дважды добирался до него, но он со Старой Родины и знал, какие следует принимать предосторожности. Чуть только он узнал о моем существовании, как вы-

дал по осиновому колу каждому роботу, но в те дни у меня было сорок две могилы, и все их поиски оказались напрасными. Хотя совсем меня загоняли... Зато ночью, ах, ночью! — Он захихикал. — Вот тогда положение менялось! Охотником был я, а добычей — он. Помню, как отчаянно он разыскивал последние стрелки чеснока и кустики шиповника, еще оставшиеся на земле, и как он окружал себя крестами круглые сутки, старый безбожник! Я искренне сожалел, когда он упокоился. И не столько потому, что не сумел осушить его как следует, сколько потому, что он был достойным, достойным противником. Какую партию мы разыграли!

Его хриплый голос перешел в еле слышный шепот:

— Он спит в каких-то трехстах шагах отсюда, выбеленный и сухой. В большой мраморной гробнице у ворот... Будь добр, наломай завтра побольше роз и возложи их на нее.

Я согласился, так как между нами больше родства, чем между мной и любым другим ботом, вопреки сходной сборке. И я должен сдержать слово, прежде чем этот день завершится, хотя наверху меня ищут. Но таков уж закон моей природы.

— Черт их побери! — Этим словам научил меня он. — Черт их побери! — говорю я. — Выхожу наверх! Берегитесь, любезные боты! Я буду ходить среди вас, и вы меня не узнаете. Я присоединюсь к поискам, и вы будете считать меня одним из вас. Я наломаю красных цветов для покойного Кеннингтона бок о бок с вами, и Фриц посмеется такой шутке.

Я поднимаюсь по выщербленным, истертым ступеням. Восток уже подернут сумерками, а солнце почти касается западного горизонта.

Я выхожу.

Розы живут на стене по ту сторону дороги, на толстых змеящихся лозах, и головки у них ярче любой ржавчины и пылают, как аварийные лампочки на панели, оставаясь влажными.

Одна, две, три розы для Кеннингтона. Четыре, пять...

— Что ты делаешь, бот?

— Ломаю розы.

— Ты должен искать бота-оборотня. Какое-нибудь повреждение?

— Нет, у меня все в порядке, — отвечаю я и тут же обрабатываю его, ударившись о него плечом. Цепь замыкается, и я осушаю его жизненный узел до полной своей зарядки.

— Ты — бот-оборотень! — произносит он еле-еле и падает с оглушительным лязгом.

...Шесть, семь, восемь роз для Кеннингтона, покойного Кеннингтона, такого же мертвого, как бот у моих ног, — даже еще более мертвого, ибо когда-то он жил полной органической жизнью, более похожей на жизнь Фрица и мою, чем на их существование.

— Что тут произошло, бот?

— Он замкнулся, а я ломаю розы, — отвечаю я им.

Четыре бота и один Супер.

— Вам пора уйти отсюда, — говорю я. — Скоро наступит ночь, и бот-оборотень выйдет на охоту. Уходите, не то он вас прикончит.

— Его замкнул ты! — говорит Супер. — Ты — бот-оборотень!

Я одной рукой прижимаю пучок цветов к груди и обрачиваюсь к ним. Супер — большой, сделанный по спецзаказу робот — делает шаг ко мне. Другие надвигаются со всех сторон. Оказывается, он послал вызов!

— Ты непонятная и страшная штука, — говорит он, — и тебя надо выбраковать ради общего блага.

Он хватает меня, и я роняю цветы Кеннингтона. Осушить его я не могу. Мои катушки уже почти полностью заряжены, а он снабжен добавочной изоляцией.

Меня теперь окружают десятки ботов, страшась и ненавидя. Они разберут меня на металлом, и я буду лежать рядом с Кеннингтоном.

«Ржавей с миром», — скажут они... Мне жаль, что я не выполню своего обещания Фрицу.

— Отпустите его!

Не может быть! В дверях склепа, шатаясь, цепляясь за камни, стоит истлевший, закутанный в саван Фриц. Он все-

гда знает...

— Отпустите его! Приказываю я, человек.

Он совсем серый, задыхается, а солнечные лучи гнусно его терзают.

Древние схемы срабатывают, и внезапно я вновь свободен.

— Да, господин, — говорит Супер, — мы не знали...

— Хватайте этого робота!

Он тычет в Супера дрожащим исхудалым пальцем.

— Он — робот-оборотень, — хрипит Фриц. — Уничтожьте его! Тот, который собирал цветы, исполнял мое распоряжение. Оставьте его здесь со мной.

Он падает на колени, и последние стрелы солнца пронизывают его плоть.

— И уходите! Все остальные! Быстрее! Мой приказ: ни один робот больше никогда не войдет ни на одно кладбище!

Он падает внутрь склепа, и я знаю, что на лестнице нашего с ним приюта лежат только кости и клочья истлевшего савана.

Фриц сыграл свою последнюю шутку — изобразил человека.

Я отношу розы Кеннигтону, а безмолвные боты уходят за ворота навсегда, уводя с собой послушно идущего Супера.

Я кладу розы у подножия мраморного памятника — Кеннигтону и Фрицу, — памятника последним, непонятным, истинно живым.

Теперь только я остаюсь невыбракованным.

В гаснущем свете я вижу, как они загоняют кол в жизненный узел Супера и закапывают его на перекрестке.

Затем они торопливо удаляются к своим башням из стали и пластика.

Я собираю останки Фрица и уношу их вниз, укладываю в гроб. Хрупкие, безмолвные кости.

...Так гордо и так одиноко — быть пиявкой из нержавеющей стали!

Артур Кларк
Паразит

— С этим ты ничего не можешь поделать, — сказал Коннолли, — совсем ничего. Почему тебе понадобилось тащиться за мной?

Он стоял, повернувшись к Пирсону спиной, и глядел на спокойную голубую воду. Далеко слева, за стоящей на приколе флотилией рыболовецких суденышек, солнце садилось в Средиземное море, окрашивая в пурпур землю и небо. Но ни Пирсону, ни его другу не было сейчас дела до природных красот.

Пирсон поднялся на ноги и вышел с затененной веранды маленького кафе под косые лучи солнца. Он встал рядом с Коннолли над отвесной стеной обрыва, не решаясь подойти к товарищу слишком близко. Даже в прежней, нормальной жизни Коннолли не любил, когда кто-нибудь к нему прикасался. Теперь же его навязчивая идея, какой бы она ни была, сделала его вдвойне чувствительным.

— Послушай, Рой, — возбужденно начал Пирсон. — Мы друзья уже двадцать лет, и ты должен знать, что я не покину тебя и на этот раз. Тем более...

— Знаю. Ты обещал Рут.

— А почему нет? В конце концов, она твоя жена. Она имеет право знать, что случилось. — Он помедлил, старательно подбирая слова. — Она переживает, Рой. Переживает гораздо больше, чем если бы дело было только в другой женщине. — Он чуть не добавил «опять», но сдержался.

Коннолли затушил сигарету о плоскую гранитную стену и швырнул белый цилиндр в море. Крутясь в воздухе, окурок полетел вниз, туда, где в сотне футов под ними темнела вода. Коннолли повернулся к другу.

— Прости, Джек, — произнес он, и на какой-то короткий миг в его лице отразился тот, прежний, Коннолли, который, Пирсон это прекрасно знал, скрывался где-то внутри незнакомца, стоящего сейчас рядом с ним. — Я знаю, ты пытаешься мне помочь, и я ценю это. Но мне жаль, что ты здесь, со мной. Ты сделаешь ситуацию только хуже.

— Убеди меня в этом, и я уйду.

Коннолли вздохнул.

— Я не могу тебя убедить. Так же как не смог убедить того психиатра, к которому вы посоветовали мне обратиться. Бедный Керти! Он показался мне таким отличным парнем! Передай ему мои извинения, хорошо?

— Я не психиатр и не пытаюсь вылечить тебя, что бы это ни значило. Если тебе нравится так поступать — пожалуйста, твое дело. Но я думаю, ты должен позволить нам понять, что происходит, а там уж, в соответствии с этим, мы будем строить свои планы.

— То есть вы хотите признать меня невменяемым?

Пирсон пожал плечами. Он задавался вопросом, может ли Коннолли разглядеть сквозь его притворное безразличие истинную тревогу, которую он пытался скрыть. Теперь, когда все попытки сближения с Коннолли, кажется, пошли прахом, «честно-говоря-мне-на-все-наплевать» оставалось единственным способом вызвать друга на откровение.

— Я и не думал об этом. Есть несколько практических деталей, о которых следует позаботиться. Ты собираешься остаться здесь на неопределенное время? Ты не можешь жить без денег, даже на Сирене.

— Я могу оставаться на вилле Клиффорда Ронсляя сколько пожелаю. Ты же знаешь, он был другом моего отца. Сейчас вилла пуста, не считая слуг, а они не побеспокоят меня.

Коннолли отвернулся от парапета, на который опирался.

— Я собираюсь подняться на гору, пока не стемнело, — сказал он. Слова прозвучали неожиданно, но Пирсон сделал для себя вывод, что ему не дали от ворот поворот. Если он желает, то может составить другу компанию, и это знание было первой ласточкой, несущей надежду, с тех пор как он отыскал Коннолли. Успех был довольно скромным, но Пирсон обрадовался и ему.

Во время подъема они не проронили ни слова, но, если честно, Пирсону было не до разговоров — он и так-то едва дышал. Коннолли поднимался в таком бешеном темпе, словно специально пытался сам себя измотать. Остров отступал вниз, белые виллы, подобно привидениям, просвечивали в тенистых долинах, маленькие рыбачки лодочки, завершив-

шие дневную работу, отдыхали в гавани. И везде вокруг было темнеющее море.

Когда Пирсон догнал друга, Коннолли сидел над плитой с распятием, которую набожные островитяне воздвигли на самой высокой точке Сирены. Днем здесь толпились туристы, фотографировались или глазели сверху на красивые, будто сошедшие с рекламных проспектов виды, открывавшиеся под ними. Но сейчас, в этот поздний час, на вершине не было ни души.

Коннолли тяжело дышал, однако лицо его просветлело, и моментами даже казалось, что он снова обрел покой. Он повернулся к Пирсону с улыбкой, совсем не похожей на ту ухмылку, которая была у него в последние дни.

— Он ненавидит такие вот физические нагрузки, Джек. Они всегда нагоняют на него страх.

— А кто он? — спросил Пирсон. — Ты нас еще не познакомил.

Коннолли улыбнулся над шуткой друга. Затем его лицо вновь омрачилось.

— Скажи, Джек, — начал он, — ты считаешь, что у меня чрезмерно развито воображение?

— Нет, оно у тебя вполне среднее. Во всяком случае, по сравнению с моим.

Коннолли медленно кивнул.

— Ты прав, Джек, поэтому, возможно, ты мне поверишь. Ведь не мог же я сам придумать создание, которое меня мучает. Оно реально существует. Это не какие-нибудь параноидальные галлюцинации, или как там еще доктор Кертис их называет. Помнишь Мод Уайт? Все началось с нее. Я встретил ее на одной из вечеринок у Дэвида Треккотта шесть недель назад. Я как раз поссорился с Рут и решил, что сыт ею по горло. Мы с Мод оба были навеселе, и раз я оставался в городе, она поехала ко мне на квартиру.

Пирсон внутренне улыбнулся. Бедняга Рой! Всегда одна и та же история, хотя самому Рою, похоже, так не казалось. Для него каждая такая история была наособицу. Для него — но ни для кого больше. Вечный Дон Жуан, всегда ищущий — и всегда разочаровывающийся, ибо то, что он искал, существовало

или в колыбели, или в могиле, но никогда между.

— Ты, наверное, будешь смеяться, когда узнаешь, что вывело меня из себя. Это кажется тривиальным, но я в тот раз так испугался, как никогда в жизни. Я подошел к бару, чтобы налить нам выпить. Налил, передал один стакан Мод, и вдруг до меня дошло, что я налил не два стакана, а три. И вышло у меня это настолько естественно, что я сперва не придал случившемуся значения. Я оглядел помещение, чтобы посмотреть, где этот третий, — хотя наверняка знал, что рядом никого больше нет. И его действительно рядом не было, и не могло быть, потому что он сидел у меня глубоко в мозгу...

Ночь казалась очень тихой; единственное, что нарушало тишину, — это слабые отголоски музыки, поднимающиеся к звездам из какого-то кафе внизу.

Свет луны посеребрил море. Концы распятия над головой вырисовывались во тьме. Сияющим маяком на границе сумерек вслед за солнцем на запад потянулась Венера.

Пирсон ждал, когда Коннолли продолжит рассказ. Он выглядел достаточно вменяемым и рациональным, несмотря на таинственную историю, которую перед этим поведал. Лицо его в лунном свете выглядело абсолютно спокойным, хотя такого рода спокойствие вполне могло быть результатом какого-то серьезного потрясения.

— Следующее воспоминание — это как я лежу в кровати, а Мод обтирает мое лицо. Она сильно перепугалась: я потерял сознание, упал и рассек себе лоб. Вокруг было много крови, но это не имело значения. Я действительно испугался того, что сошел с ума. Это кажется смешным, но сейчас я боюсь другого — что нахожусь в здравом рассудке. Когда я проснулся окончательно, он все еще был во мне — как потом, как теперь. Каким-то образом я отделался от Мод — помню, это было нелегко — и попытался понять, что происходит. Скажи мне, Джек, ты веришь в телепатию?

Неожиданный вопрос застал Пирсона врасплох.

— Я никогда над этим особенно не задумывался, но существует множество убедительных свидетельств. Ты предполагаешь, что кто-то читает твои мысли?

— Все не так просто. То, о чем я сейчас рассказываю, открывалось мне постепенно — обычно, когда я дремал или был немного навеселе. Ты можешь сказать, что такие свидетельства не в счет, но я так не думаю. Сперва это был единственный способ пробиться сквозь барьер, отделявший меня от Омеги, — позже я тебе расскажу, почему дал ему это имя. Но сейчас не осталось никаких преград: я знаю, что он здесь постоянно, ждет, когда я потеряю бдительность.

День или ночь, трезвый я или пьяный, я всегда ощущаю его присутствие. В моменты, как, например, сейчас, он притихает, наблюдая за мной исподволь. Я надеюсь только на то, что когда-нибудь он устанет ждать и отправится на поиски новой жертвы.

Голос Коннолли, до тех пор спокойный, сорвался почти на крик.

— Попытайся представить себе весь ужас этого состояния: знать, что любое твое действие, любая мысль, любое желание наблюдаются и переживаются другим существом. Разумеется, ни о какой нормальной жизни уже не могло быть речи. Я должен был оставить Рут и даже не мог ей объяснить почему. А тут еще меня начала преследовать Мод. Она не оставляет меня в покое, бомбардирует письмами и телефонными звонками. Кошмар. Я не мог бороться с ними обеими, поэтому и сбежал. И еще я подумал, что, может быть, здесь, на Сирене, он сможет найти достаточно интересного, чтобы не беспокоить меня.

— Теперь я понимаю, — мягко произнес Пирсон, а сам подумал: «Ничего себе. Этакий телепат-надсмотрщик, которому вдруг показалось мало быть простым наблюдателем...»

— Полагаю, тебе смешно. — Коннолли принял фразу Пирсона вполне спокойно. — Я не в обиде, только надеюсь, что ты с обычной своей аккуратностью как следует все обдумаешь. Сам я далеко не сразу осознал, какая велась игра. Когда миновало первое потрясение, я попытался проанализировать ситуацию с точки зрения логики. Я мысленно вернулся к тому моменту, когда в первый раз осознал его присутствие, и в конце концов понял, что это не было внезапным вторжением в мой мозг. Он находился со мной годами, скры-

ваясь так хорошо, что я никогда не догадывался об этом. А вот сейчас ты, наверное, будешь смеяться по-настоящему. Так вот, мне никогда не было легко с женщинами, даже когда я занимался любовью, и сейчас я знаю причину. Омега всегда находился в эти моменты рядом, разделяя мои эмоции, вождяя страсти, которую иначе не мог испытывать, как только за счет моего тела. Единственный способ, которым я мог сохранять контроль, — это попытаться пробиться к нему, тесно сойтись с ним и понять, что он такое. И в конце концов мне это удалось. Он находится далеко, и это должно ограничивать его силу. Возможно, этот первый контакт был случайным, но я в этом не уверен. В то, что я тебе рассказал, Джек, достаточно нелегко поверить, но это пустяк по сравнению с тем, что я расскажу сейчас. Вспомни, ты ведь только что согласился с тем, что я человек с довольно слабым воображением, поэтому попробуй отыскать, если сможешь, изъяны в моем рассказе. Не знаю, приходилось ли тебе когда-нибудь слышать о том, что телепатия — это нечто независимое от времени. Так вот, это действительно так. Омега не принадлежит нашему времени: он откуда-то из будущего, невероятно далекого от нас. Иногда я думал, что он один из последних людей — почему я и дал ему это имя. Но сейчас я не уверен; возможно, он принадлежит к веку, когда мириады человеческих рас живут раскиданными по всей Вселенной — одни из них достаточно молодые, другие дряхлые, уже отживающие. Его народ, где бы и когда бы он ни был, достиг высот и обрушился с них в такие бездны, о которых не подозревали даже дикие звери. Вокруг него витает ощущение зла, Джек, — настоящего зла, с которым большинство из нас никогда не встречались. А иногда я ощущаю почти жалость к нему, потому что знаю, что превратило его в того, кем он стал.

Задавался ли ты когда-либо вопросом, что будет делать человеческая раса, когда ученые откроют все, что только можно, когда больше не останется неисследованных миров, когда звезды раскроют последние секреты? Омега и есть один из ответов на этот вопрос. Полагаю, что ответ не единственный, иначе все, к чему мы стремимся, — напрасный звук. Я наdeoюсь, что он и его раса являются локальной раковой опу-

холью на здоровом теле Вселенной. Но я не могу быть полностью в этом уверенным.

Они изнежили свои тела до такой степени, что те стали для них попросту бесполезны, и слишком поздно обнаружили свою ошибку. Возможно, они считали, как думают некоторые люди уже сейчас, что смогут жить одним интеллектом. А возможно, они обрели бессмертие, и это сделалось для них настоящим проклятием. Веками их умы разлагались в слабых, тщедушных телах, ища какого-нибудь выхода из состояния невыносимой скуки. Они нашли его, наконец, единственным возможным для себя способом — отправив свои умы назад, в ранние, более активные времена и начав паразитировать на чужих эмоциях.

Я задаюсь вопросом, сколько их, таких умственных паразитов. Возможно, они-то как раз и объясняют случаи того, что было принято называть одержимостью. Как они, должно быть, обшаривали прошлое, чтобы утолить свой чувственный голод! Представь себе, как целые стаи этих созданий, как вороны на падаль, набрасываются на пришедший в упадок Рим, распихивая друг друга в охоте за умами Нерона, Калигулы и Тиберия? Возможно, Омеге не удалось заполучить более богатые призы. А может быть, у него не было особого выбора, и пришлось взять первый попавшийся мозг, с которым получилось вступить в контакт.

Понимание всего этого приходило ко мне медленно. Думаю даже, что для него составляет дополнительное развлечение — знать, что я ощущаю его присутствие. Я думаю, он мне сознательно помогает — разламывает барьер со своей стороны. Иначе как бы в конце концов я его увидел?

Коннолли замолчал. Оглянувшись, Пирсон увидел, что на холме они уже не одни. Молодая парочка, взявшись за руки, направлялась по дороге к вершине.

Они были красивы красотой молодости и шли, не обращая внимания ни на ночь вокруг, ни на двух посторонних людей, повернувших к ним свои лица. Парочка прошла мимо, кажется, так и не заметив присутствия двух друзей. На губах Коннолли появилась горькая улыбка, когда он смотрел им вслед.

— Наверное, это стыдно, но я сейчас думал о том, чтобы он оставил меня и пошел за этим молодым человеком. Но он этого не сделает. Хотя я и отказался играть в его игры, он останется со мной, чтобы посмотреть, что произойдет в конце.

— Ты как раз хотел рассказать, как он выглядит, — сказал Пирсон, раздосадованный тем, что их отвлекли.

Коннолли зажег сигарету и глубоко затянулся, прежде чем ответить.

— Можешь ты вообразить комнату без стен? Он находится в чем-то вроде полого, в форме яйца, пространства, окруженный голубым туманом, который все время закручивается спиралью, но никогда не меняет формы. Там нет ни входа, ни выхода — и нет притяжения, если только он не научился пренебрегать им.

Он плавает в центре, а вокруг него расположено кольцо из коротких рифленых цилиндров, медленно поворачивающиеся в воздухе. Я думаю, это какие-то машины, подчиняющиеся его воле. А когда-то имелся еще большой овал, висящий рядом с ним, от которого отходили очень похожие на человеческие руки, прекрасной формы. Это был наверняка робот, но эти руки и пальцы на них казались такими живыми. Они кормили, делали ему массаж, обращались с ним как с младенцем. Это было ужасно...

Ты видел когда-нибудь долгопята-привидение? Он очень напоминает его — кошмарная пародия на человека, с огромными злыми глазами. И что странно — как бы наперекор нашим представлениям о ходе эволюции, — он покрыт тонким слоем шерсти, такой же голубой, как и место, где он живет. Каждый раз, когда я его вижу, он находится в одном и том же положении, свернувшись клубком, как спящий младенец. Я думаю, что его ноги полностью атрофировались, и руки, возможно, тоже. Только его мозг все еще активен, глянясь по векам за своей добычей.

И теперь ты знаешь, почему ни ты, ни кто другой ничего не может сделать. Твои психиатры могли бы вылечить меня, если бы я был безумен, но наука, которая может разобраться с Омегой, еще не изобретена.

Коннолли сделал паузу, затем устало улыбнулся.

— Именно находясь в здравом уме, я понимаю — мне нельзя надеяться на то, что ты мне поверишь. У нас нет общей почвы для понимания.

Пирсон встал с камня, на котором сидел, и слегка вздрогнул. Ночь становилась холодной, но это было ничто по сравнению с чувством беспомощности, которое им овладело.

— Я буду откровенен, Рой, — начал он медленно. — Конечно, я не верю тебе. Но поскольку ты сам веришь в Омегу и он для тебя реален, то и я приму его существование по этой причине и буду бороться с ним вместе с тобой.

— Это может оказаться опасной игрой. Откуда нам знать, на что он способен, когда его загонят в угол?

— Все-таки я попробую, — ответил Пирсон и стал спускаться с холма.

Коннолли, не споря, пошел за ним.

— Кстати, а что ты сам предлагаешь сделать?

— Расслабиться. Избегать эмоций. Прежде всего, держаться подальше от женщин — Рут, Мод, всех остальных. Это самое сложное дело. Нелегко порываться с привычками всей жизни.

— В это я легко могу поверить, — суховато ответил Пирсон. — И насколько тебе это удается?

— На сто процентов. Видишь ли, его собственная ненасытность мешает достижению его же цели, потому что, когда я думаю о сексе, я ощущаю тошноту и отвращение к себе самому. Господи, только подумать, что я всю свою жизнь смеялся над скромниками, а теперь сам становлюсь одним из них!

«Вот оно! — подумал Пирсон во внезапной вспышке прозрения. — Вот где ответ!» Он никогда бы не поверил в это, но прошлое Коннолли в конце концов настигло его. Омега был не чем иным, как символом совести, олицетворением вины. Если бы Коннолли осознал это, он бы перестал мучаться. Что же до столь подробного описания галлюцинации, то это еще один прекрасный пример тех обманных трюков, которые может сыграть человеческий мозг в попытке обмануть самого себя. Должно быть, существует какая-то причина, почему одержимость приняла такую форму, но это не важно.

Пирсон долго объяснял это Коннолли, пока они шли к селению. Тот слушал его так терпеливо, что у Пирсона возникло неприятное ощущение, что Коннолли над ним потешается, но все же упорно продолжал объяснять ему до конца. Когда он закончил, Коннолли издал короткий, безрадостный смешок.

— Твоя версия так же логична, как и моя, но ни один из нас не может убедить другого. Если ты прав, то через некоторое время я, возможно, вернусь к нормальной жизни. Но ты не можешь представить, насколько Омега реален для меня. Он более реален, чем ты: если я закрываю глаза, то ты исчезаешь, а он остается со мной. Хотел бы я знать, чего он добивается. Я оставил свой прежний образ жизни, и он знает, что я не вернусь к нему, пока он здесь. Так что же он надеется приобрести, выжидая? — Коннолли повернулся к Пирсону. — Вот что меня по-настоящему пугает, Джек. Он должен знать, какое меня ожидает будущее, — ведь вся моя жизнь для него как открытая книга, в которую он может заглянуть на любой странице. И по-моему, он ждет чего-то такого, что произойдет со мной впереди, и это что-то доставит ему особое удовольствие. Иногда... Иногда я спрашиваю себя, а не моей ли он ожидает смерти?

Они уже были среди домов на окраине, и перед ними во всей красе разворачивалась ночная жизнь Сирены. Теперь, когда они больше не оставались одни, в настроении Коннолли произошла трудноуловимая перемена. На вершине холма он был если и не вполне нормальным, то дружелюбным, по крайней мере, и готовым на разговор. Сейчас же вид счастливых и беззаботных толп, казалось, заставил его уйти глубоко в себя. Он неохотно шагал за Пирсоном и, наконец, отказался следовать дальше.

— В чем дело? — спросил Пирсон. — Разве ты не пойдешь в отель и не пообедаешь со мной?

Коннолли покачал головой.

— Я не могу, — ответил он. — Там слишком много людей.

Это было странно для человека, который всегда получал удовольствие от толп и всяческих вечеринок. Подобное его поведение, как ничто иное, показывало, как сильно Коннол-

ли изменился. Прежде чем Пирсон сумел придумать подходящий ответ, тот развернулся и направился по боковой улочке. Обиженный и раздраженный, Пирсон двинулся было за ним, но затем решил, что это бесполезно.

В тот вечер он послал длинную телеграмму Рут, пытаясь успокоить ее. Затем, измотанный, завалился спать.

Целый час бедняга не мог заснуть. Тело его устало, а мозг по-прежнему активно работал. Он лежал, глядя на пятно лунного света, которое двигалось по стене, отмечая течение времени так же неотвратимо четко, как оно, должно быть, отмечает его в том отдаленном веке, куда заглянул Коннолли. Конечно, это чистая фантазия — и все-таки, против своей воли, Пирсон начал принимать Омегу как реальную, живую угрозу. В некотором смысле Омега и был реальным — таким же реальным, как другие умственные абстракции, это и подсознание.

Пирсон задал себе вопрос, мудро ли поступил Коннолли, вернувшись на Сирену. Во время эмоциональных кризисов — а бывали и другие, менее серьезные кризисы, нежели этот, — реакция Коннолли всегда была одинаковой.

Он вновь и вновь возвращался на этот чудесный остров, где его добрые, беззаботные родители явили его на свет и где он провел свою юность. Пирсон хорошо знал, что сейчас Коннолли пытается хоть как-то вернуть себе то недолгое состояние блаженства, которое знал только в течение одного периода своей жизни и которое тщетно искал в объятиях Рут и всех остальных женщин.

Пирсон не пытался осуждать своего несчастного друга. Он никогда не произносил своего мнения вслух, а лишь наблюдал с сочувственным интересом, который ни в коей мере не являлся тем, что называют терпимостью, потому что терпимость подразумевает ослабление принципов, которыми он не обладал...

Бессонница наконец отступила, и Пирсон провалился в настолько глубокий сон, что проснулся позже обычного. Он позавтракал у себя в комнате, затем спустился к стойке администратора посмотреть, не пришел ли ответ от Рут. За ночь посетителей в отеле прибавилось: в углу холла были сложены два чемодана, явно английские, дожидаясь портье, который

должен был отнести их в номер. В праздном любопытстве Пирсон взглянул на бирки, интересуясь, кто он, этот его соотечественник. Пирсон замер, поспешно оглянулся и быстро подошел к клерку.

— Эта англичанка, — сказал он встревоженно, — когда она приехала?

— Час назад, сеньор, на утреннем корабле.

— Она сейчас в гостинице?

Клерк посмотрел на него нерешительно, затем изящно капитулировал:

— Нет, сеньор, она очень торопилась и спросила меня, где она может найти мистера Коннолли. Я сказал ей. Надеюсь, все в порядке?

Пирсон выругался про себя. Такого потрясающего невезения он представить себе не мог. Мод Уайт оказалась женщиной более решительной, чем намекал Коннолли. Каким-то образом она вычислила, куда он сбежал, и то ли гордость, то ли желание, то ли оба эти фактора, вместе взятые, заставили ее последовать за ним. То, что она приехала именно в этот отель, было неудивительно. Все англичане на Сирене выбирают почему-то его.

Поднимаясь вверх по дороге к вилле, Пирсон боролся со всем возрастающим чувством бесполезности своих действий. Он понятия не имел, что он будет делать, когда встретится с Коннолли и Мод. Он просто ощущал неясный, но настойчивый импульс поспешить на помощь. Если он сможет перехватить Мод прежде, чем она доберется до виллы, то, возможно, сумеет убедить ее, что Коннолли болен и ее вторжение лишь повредит ему. Но так ли это? А если между ними установились прежние отношения, и ни он, ни она не имеют ни малейшего желания видеть его?

Они разговаривали на ухоженном газоне перед виллой, когда Пирсон влетел в ворота и остановился, чтобы перевести дух. Коннолли отдохнул на кованой железной скамье под пальмой, Мод ходила взад и вперед в нескольких ярдах от него. Она о чем-то с ним говорила, слов на таком расстоянии Пирсон услышать не мог, но, судя по интонации, догадался, что она его уговаривала. Ситуация была слишком неопреде-

ленной, но пока Пирсон стоял, размышляя, подойти ему или нет, Коннолли поднял взгляд и увидел друга. Его лицо, лишенное всякого выражения, походило на маску. В нем не угадывалось ни адресованного Пирсону приветствия, ни нежелания видеть. Проследив взгляд Коннолли, Мод тоже посмотрела на Пирсона, и в первый раз он увидел ее лицо. Мод была действительно красивая женщина, но отчаяние и гнев так исказили ее черты, что она выглядела персонажем из какой-то греческой трагедии. Она страдала не только от того, что ею пренебрегли, но и потому, что она не понимала причины такого пренебрежения.

Появление Пирсона сработало как сигнал к действию: с трудом сдерживаемые чувства выплеснулись наружу. Мод резко повернулась на месте и бросилась к Коннолли, который продолжал наблюдать за ней с отсутствующим лицом. Секунду Пирсон не видел, что она делает, затем в ужасе закричал:

— Осторожно, Рой!

Коннолли двигался с удивительной скоростью, словно внезапно вышел из состояния транса. Он схватил Мод за запястья, произошла короткая стычка, и вот он уже пятился от нее, завороженно глядя на что-то в своей ладони.

Женщина стояла без движения, парализованная страхом и стыдом, прижав костяшки пальцев ко рту. Коннолли крепко сжимал пистолет в правой руке и любовно поглаживал его левой. Мод издала глухой стон.

— Я только хотела попугать тебя, Рой, клянусь тебе.

— Все в порядке, дорогая, — сказал Коннолли мягко. — Я верю тебе, не переживай.

Его голос казался абсолютно естественным, он повернулся к Пирсону и улыбнулся ему своей старой, мальчишеской улыбкой.

— Так вот чего он ждал, Джек, — сказал Коннолли. — Я его не разочарую.

— Нет, — выдохнул Пирсон, белый от ужаса. — Не надо, Рой, ради Бога!

Но Коннолли не слушал уговоров друга, он уже подносил пистолет к виску.

И в этот самый момент Пирсон с ужасающей ясностью осознал, что Омега реален и будет теперь искать новое обиталище.

Он не увидел вспышки и не услышал звука выстрела. Мир, который он знал, ушел из его сознания, и вокруг клубился плотный, заворачивающийся спиралью туман. Из центра этого пространства без стен, заполненного голубым туманом, на него смотрели два огромных, лишенных век глаза. В их взгляде ощущался удовлетворенный покой, вот-вот готовый перейти в чувство голода.

Родерик Сильверберг

Вампиры космических
штабов

Первое сообщение о том, что вскоре было названо Нашествием Вампиров, поступило в штаб-квартиру Агентства безопасности Терры через час после нападения. Произошло это 11 июня 2104 года. Заместитель начальника агентства Нил Гарриман занимался рутинными делами, когда в кабинет ворвался курьер с инфокапсулой в броском красно-желтом футляре, означающем высший уровень срочности.

Гарриман протянул к капсуле большую руку.

— Это откуда?

— Сан-Франциско. Только что получили по симультанному визифону. Помечено как чрезвычайно срочное и специально для вас.

— Хорошо, — сказал Гарриман.

Щелчок переключателя погрузил кабинет в темноту и одновременно опустил из потолочной ниши экран. Гарриман открыл футляр, отправил капсулу в визир и поднял глаза на курьера, с любопытством ожидавшего продолжения. Гарриман гневно нахмурился. Слова были излишни: курьер слегкнул, облизал губы и, пятаясь спиной, испарился из кабинета, так и не узнав, что содержалось в срочном сообщении.

Оставшись один, Гарриман нажал на кнопку старта. Микролента заскользила, разматываясь, перед фотонным фасеточным глазом визира. В дальнем углу кабинета, блестя и переливаясь естественными красками, возникло изображение.

— Докладывает спецагент Майклс из Сан-Франциско, шеф. Двадцать минут назад было совершено убийство. Местные полицейские вызвали меня — им показалось, что дело в компетенции агентства.

На экране появился один из крутых холмов Сан-Франциско. Футах в двадцати от объектива камеры на склоне лежало, лицом вниз и головой к подножию холма, гротескно изломанное тело. Над местом убийства клубился серый туман. В нью-йоркской штаб-квартире близился полдень, но по другую сторону континента, в Калифорнии, еще стояло раннее утро. Инфозаписи передавались практически мгновенно благодаря беспрецедентному прогрессу в разработке

коммуникационных линий.

Гарриман терпеливо ждал, гадая, почему агент решил привлечь его внимание к обычному убийству на Западном берегу. Изображение запрыгало, когда человек с камерой направился к телу.

— Таким мы обнаружили его двадцать минут назад, — произнес голос спецагента Майклса.

Чья-то рука потянулась и перевернула труп. У Гарримана невольно отвисла челюсть. Лицо мертвеца было белым, как мел: Гарриману никогда не приходилось видеть такой бледности. Глаза жертвы были открыты, и в них застыло выражение боли, потрясения, непредставимого для человека ужаса.

На горле убитого, прямо над яремной веной, темнели два прокола — на расстоянии около дюйма друг от друга.

— В нем не осталось ни капли крови, шеф, — тихо прокомментировал Майклс. — Труп сухой, как будто всю кровь выкачали насосом. Убитого опознали как Сэма Барретта, продавца из салона подержанных автомашин. Не женат, жил с престарелой матерью. Работал поблизости, на авеню Ван Несс. Преступление видели два свидетеля.

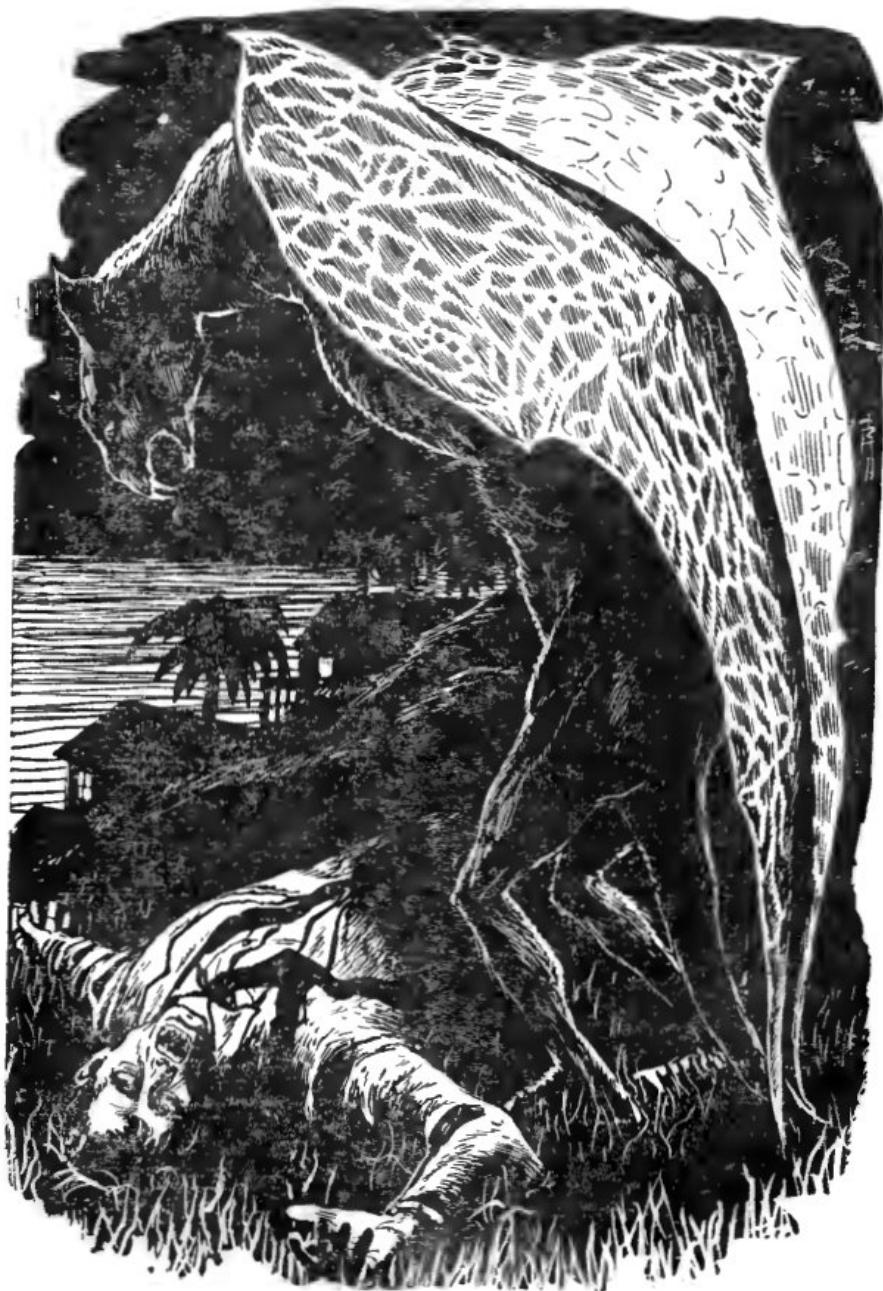
Объектив камеры переместился к лысеющему человеку лет сорока с небольшим. Он стоял на краю дорожки, нервно стискивая руки, и выглядел таким же бледным, как лицо жуткого мертвеца на земле.

— Рассказывайте, — обратился к нему Майклс. — Это официальная запись. Назовите свое имя и расскажите, что вы видели.

— Меня зовут Мак Харкинс, — тонким, неуверенным голосом начал человек с залысинами. — Живу на Остин-стрит, в нескольких кварталах отсюда. Работаю рядом, в автомобильном салоне «Динакар». Я шел на работу и вдруг увидел, как впереди кто-то отбивается от... ну, не знаю... какого-то *твари*.

— Опишите это существо, — мягко попросил Майклс.

— Ну... повыше человека, лиловое, с большими крыльями, как у летучей мыши. Похож на этих... с крыльями... как они называются?

— Ниротане?

— Ну да. Да, верно. Короче, один из этих ниротанцев наклонился к горлу бедняги и будто высасывал из него кровь. Я не успел опомниться, как эта тварь заметила меня и убежала в проулок, — Харкинса передернуло. — Ну, я подошел посмотреть на тело. Крови вообще не было, ни капли. Он был такой, как сейчас. Весь высохший.

— Вы абсолютно уверены, что видели ниротанина? — спросил Майклс.

— Ни в чем я не уверен... Знаю только, что на бедного Баррета напала большая лиловая зверюга с крыльями, вроде летучей мыши. И если это не ваш ниротанец, хотел бы я знать, что это было.

— Благодарю вас, мистер Харкинс. Местные власти, я думаю, хотели бы задать вам несколько вопросов.

Камера переместилась к другому свидетелю.

Второй свидетель был не человеком. Он принадлежал к одной из полуодюжины инопланетных рас, часто посещавших Землю с тех пор, как тридцать лет назад началась эпоха межзвездных перелетов.

Камера сфокусировалась на приземистом, коренастом существе, отличавшемся от людей лишь двумя крошечными температурными антеннами над глазами.

— Вы с Дроска?

Инопланетянин кивнул.

— Я Блен Дюворн, атташе торгового представительства Дроска в Сан-Франциско, — сказал он на беглом, безупречном английском. — Я был на утренней прогулке и увидел сцену, которую только что описал этот человек.

— Расскажите подробнее, что вы видели.

— Я видел большое крылатое существо. Оно исчезло вон в том переулке. Один человек упал на землю, а другой — мистер Харкинс — бросился к нему. Вот и все.

— Вы не могли бы более точно определить замеченное вами крылатое существо?

Инопланетянин нахмурился.

— Я уверен, что это был ниротанин, — сказал он после короткой паузы.

— Спасибо, — сказал Майклс.

На экране снова появился обескровленный труп.

— Это все по ситуации на данный момент, шеф. Я буду держать вас в курсе дальнейших событий. Жду ваших указаний.

Экран погас.

Гарриман, сложив руки на груди, сидел в темном кабинете. Его пробирал холодок ужаса. Он с трудом заставил себя успокоиться и зажег свет.

Разум отказывался принимать то, о чем только что сообщил спецагент.

В Агентстве безопасности Терры Гарриман занимался преступлениями, связанными с инопланетянами. Между землянами и странного вида гостями из космоса часто вспыхивала вражда. Планета еще не полностью примирилась даже с расовыми различиями среди собственных представителей разумной жизни. Землянам было нелегко привыкнуть к диковинным инопланетным существам, тем более что некоторые из них значительно превосходили по развитию людей.

До сих пор работа Гарримана заключалась в основном в защите инопланетян от враждебных выходок землян. Зеленокожие квафлики, к примеру, вызывали протесты в тех частях света, где все еще верили в превосходство белого над всеми остальными цветами кожи.

Специфические сексуальные нравы раскованных задуранцев возмущали кое-каких землян с пуританскими взглядами.

Иными словами, отдел Гарримана защищал многочисленных инопланетных гостей Земли в ожидании того момента, когда земляне повзрослеют и поймут, что непохожесть еще не причина для ненависти.

Но сейчас работа отдела приняла совершенно новый и опасный оборот. Один из инопланетян убил землянина. И, мрачно подумал Гарриман, виновником оказался не кто иной, как ниротанин.

Ниротане совсем недавно пополнили ряды космических гостей. Они впервые появились на Земле меньше года назад, и в настоящее время их насчитывалось на планете не

более нескольких тысяч. Вид у них был никак не привлекательный и даже пугающий. Ниротане были отдаленными потомками животных, напоминавших летучих мышей — лиловатые семи футовые существа с телами, покрытыми густым жестким мехом, маленьными, глубоко посаженными глазками и странными, хищными лицами.

У них имелись крылья, как у летучих мышей, кожистые перепонки между невероятно удлиненными костями пальцев. Пара небольших и чрезвычайно подвижных рук обеспечивала ниротан манипулятивными способностями, необходимыми для развития цивилизации.

Ниротане были торговцами и привозили на Землю любопытные механические устройства, которые пользовались большим спросом. Но ниротане почти не контактировали с землянами. Они казались замкнутой, самодостаточной расой — да и в любом случае, мало кто из землян искал общества таких отталкивающих существ.

Земляне мало что знали о ниротанах. Ходили темные слухи, что они были вампирами, охочими до человеческой крови. Поэтому обычные земляне относились к ниротанам со страхом и отвращением и старались поменьше с ними сталкиваться.

Слухи о вампиризме ниротан, насколько было известно, представляли собой порожденный страхом вымысел.

Убийство, подумал Гарриман, придется каким-то образом замолчать. По крайней мере, до тех пор, пока расследование не докажет вину или непричастность ниротан. Если мир узнает о «вампирском нападении», взрыв истерии приведет к беспорядкам, грозящим гибелью всем ниротанам — или любым инопланетянам — на Земле. Возмездие звездных рас не заставит себя ждать.

Гарриман продолжал мрачно хмуриться. Дело слишком серьезное, одному ему не справиться. Он вернул инфокапсулу в футляр и снял трубку телефона.

— Говорит Гарриман. Соедините меня с директором Расселом. И побыстрее.

Вызов был направлен по срочному каналу, и секунду спустя в кабинете раздался низкий, звучный голос дирек-

тора Агентства безопасности Терры.

— Здравствуйте, Гарриман. Я как раз собирался вам звонить. Мне нужно видеть вас немедленно. *Сейчас же, понимаете?*

* * *

Даже в минуты самых серьезных испытаний лицо невысокого и упитанного директора сохраняло обходительное и благожелательное выражение. Но сейчас на пухлом лице Рассела не было заметно и следа обычного спокойствия. Когда Гарриман вошел, он коротко кивнул. На письменном столе директора лежали две инфокапсулы в красно-желтых футлярах высшей срочности.

— Я просмотрел вашу почту, Гарриман, — сказал Рассел.

— Как вы знаете, меня всегда информируют о поступлении срочных сообщений. Первое вы получили около получаса назад. Затем для вас пришло второе, и я решил сэкономить время и просмотреть его сам. Как только закончил, поступило третье, — Рассел постучал пальцами по инфокапсулам.

— Одно пришло из Варшавы, другое из Лондона. Оба касались одного и того же.

— Ниротане?

Рассел хмуро кивнул.

— Расскажите о первом сообщении.

— Сегодня утром в Сан-Франциско был убит человек. Тело найдено полностью обескровленным, с проколами над яремной веной. Свидетелей двое — дроскианец и местный житель по имени Харкинс. Они видели, как погибший отбивался от существа, похожего на ниротанина.

Директор поднял брови.

— Свидетели? В двух других случаях их не было.

— Что за случаи?

— Убийство. Одно в Польше прошлой ночью, другое в Лондоне около двух часов назад. Жертвы — старики и девушка. Тела обескровлены.

— Мы должны держать это в тайне, — сказал Гарриман.
— Если люди узнают...

— Они уже узнали. И в Варшаве уже пытались устроить охоту на вампиров. Толпа напала на двух ниротан, и те еле спаслись. В Лондоне тоже вампирская паника. Для ниротан все выглядит очень плохо, Гарриман. Особенно теперь, когда объявились эти свидетели из Сан-Франциско. Ниротан и без того все называли вампирами — и вот у подозрений появились некие конкретные основания.

— Но они посещают Землю почти год, — возразил Гарриман. — С чего бы им в одну ночь воспылать такой жаждой крови?

— Вы их защищаете? — спросил Рассел.

— Я лишь рассуждаю. У нас нет неопровергимых доказательств их вины.

— Может быть, — сказал Рассел, — они просто не сумели удержаться, когда кругом столько вкусной и соблазнительной свежей крови.

Гарриман недоверчиво посмотрел на начальника. Он знал, что Расселу не очень нравятся инопланетные гости Земли. Директор был во многих отношениях человеком старомодным.

— Вы случайно не спешите с выводами? — спросил Гарриман.

— Конечно же, нет! Но ситуация складывается для них плохо. Я отдал распоряжение о превентивной охране всех ниротан — для их же безопасности, пока шумиха немножко не уляжется.

— Хорошая мысль, — согласился Гарриман. — Если бы кого-либо из них линчевала толпа, мы вполне могли бы завтра оказаться в состоянии войны с Ниротой.

— Я знаю, — сказал Рассел. — Я также распорядился доставить сюда для осмотра все три тела. И еще нам необходимо осмотреть живого ниротанина.

— Это будет не так просто, — сказал Гарриман. — Они не любят тесного контакта с землянами и не выносят, когда на них глазают.

— Придется им потерпеть, — отрезал Рассел. — Поезжайте в центр, в ниротанское консульство, и поговорите с главным.

— Хорошо, — кивнул Гарриман. — Но я не думаю, что они согласятся помочь.

* * *

Новостные издания подхватили историю об убийствах с почти сверхъестественной быстротой. «ТРИ ЖЕРТВЫ ВАМПИРОВ», — кричали заголовки дневных выпусков. — «ОБЕСКРОВЛЕННЫЕ ТЕЛА ВО ФРИСКО, ЛОНДОНЕ, ВАРШАВЕ. ПОДОЗРЕВАЮТСЯ НИРОТАНЕ».

Гарриман договорился встретиться с высокопоставленным чиновником консульства Нироты в половине третьего и убивал время, просматривая новости.

На улицах собирались охваченные злобой толпы. В Польше начало формироваться общенациональное движение, поставившее целью выследить и уничтожить всех ниротан, которых удастся найти. В Центральной Европе вновь пробудились древние суеверные легенды. Говорили о серебряных пулях, о деревянных кольях в сердце.

«ДРАКУЛЫ СО ЗВЕЗД», — вопила одна из газет Западного побережья. В Лос-Анджелесе толпа окружила ниротанское представительство; люди карабкались на высокие пальмы и швыряли в окна камни. Новость о тройном убийстве быстро распространилась по миру. Назревали крупные дипломатические неприятности. Страх и ненависть повсюду преследовали инопланетных существ. На случай, если гнев толпы обратится на всех пришельцев без исключения, Гарриман отдал распоряжение местным властям предоставлять инопланетянам убежище.

В два часа дня, доставленный трансатлантической ракетой, прибыл первый труп — из Лондона. Гарриман успел осмотреть тело, прежде чем отправиться в ниротанское консульство.

Жертвой была девушка лет семнадцати с непримечательными, но приятными чертами лица. Простыню сняли, и Гарриман увидел белое как бумага тело и два маленьких темных прокола на горле. Он похолодел от ужаса: жутко было видеть это тело, лишенное крови. Рот девушки застыл в гримасе испуганного крика. Она казалась не существом из плоти и крови, а восковой куклой.

Служебная машина ждала Гарримана у здания агентства. Всю дорогу к центру города он молчал. Перед его глазами вставали белесые молодые груди девушки, ее мертвые белые бедра. Гарриман невольно представлял себе, как громадный омерзительный ниротанин нависает над ней, подергивая крыльями, а его блестящие зубы вонзаются в мягкое горло кричащей жертвы...

Гарриман помотал головой. Он напомнил себе, что является слугой закона. Беспристрастным следователем, преданным правосудию. Он не имеет права позволить эмоциям влиять на ход расследования. Вид у ниротан, возможно, отвратительный и они выглядят ожившими кошмарами самого дьявола, но это не имеет никакого значения. Его работа заключается лишь в определении вины или невиновности.

Если ниротане виновны и трое из них совершили эти преступления, последствия — на межзвездном уровне — будут самыми серьезными. Вероятно, ниротане будут изгнаны с запретом когда-либо посещать Землю.

Но если они вдруг окажутся ни при чем, он, Гарриман, обязан защитить их от гнева толпы и разыскать истинных виновников.

Ниротанская консульство — прочное четырехэтажное стальное здание на Пятой авеню, построенное без малого два века назад — было окружено бурлящей, воняющей толпой. Протестующих сдерживали восемь вооруженных охранников в серых мундирах Корпуса безопасности. Дверь была заперта. Гарриман заметил у одного из охранников ссадину над левым глазом — как видно, кто-то угодил в него камнем.

Толпа отхлынула вбок, когда машина Корпуса остановилась у здания. Гарриман в сопровождении трех вооруженных охранников поднялся по ступенькам здания. У двери

его прощупал луч сканера. Реле застонали, и тяжелые защитные засовы ушли в стены.

Дверь открылась. В тени, нависая над Гарриманом, стоял ниротанин.

— Войдите, — сказал инопланетянин странным, хриплым голосом.

Гарриман вошел, и массивная дверь захлопнулась за ним, отрезав злобные крики толпы. Перед Гарриманом представили три ниротанина; самый низкорослый был почти на фут выше, чем он. Инопланетяне молча повели его в кабинет ниротанского консула.

В здании чувствовался едва уловимый запах плесени. Оказавшись в кабинете Триннина Нирота, высшего представителя ниротанской расы в Северной Америке, Гарриман ощутил непроизвольный укол отвращения.

Ниротане не привыкли сидеть. Консул стоял в углу кабинета в удивительно человеческой позе, сложив на груди маленькие мускулистые руки. Большие гладкие крылья лежали на его плечах. Земная атмосфера была слишком разреженной, гравитационное притяжение слишком сильным, и на Земле ниротане не могли летать. Атмосфера их родной планеты была более насыщенной, сила гравитации слабее — там они свободно парили на крыльях, достигавших в размахе пятнадцати футов.

Гарриман пытался скрыть иррациональный страх, который испытывал при виде огромного существа, похожего на летучую мышь. Он уставился на лицо ниротанина: как и тело, оно было покрыто тонким лиловатым мехом. Гарриман разглядывал выдвинутый собачий нос, маленькие желтые глаза, громадные уши веером и зубы, поблескивавшие за тонкими губами инопланетянина. Такие зубы могли бы прокусить горло, губы — высосать кровь из тела человека...

— Вы понимаете, конечно, почему я здесь, — сказал Гарриман.

— Я понимаю то, что у здания собрались погромщики и что моим соплеменникам приходится скрываться в страхе за свою жизнь, — резко ответил ниротанин. Как и большинство инопланетян на Земле, языком он владел в совершен-

стве. — Помимо этого, я не понимаю ничего. Я жду объяснений.

Гарриман сжал челюсти. Он чувствовал себя неловко, стоя посреди кабинета, но сесть было негде, и ниротанин не выказывал гостеприимства. Гарриман переминался с ноги на ногу и то складывал на груди, то вновь опускал руки. Помолчав, он тихо сказал — ниротане были чрезвычайно чувствительны к звукам:

— Прошлой ночью и этим утром трое землян были найдены мертвыми в различных и далеко отстоящих друг от друга точках планеты. Их тела были обескровлены. Многие люди верят, что их убили ваши соотечественники.

Лицо ниротанина оставалось непроницаемым.

— Почему они в это верят? Почему в убийствах подозревают нас, а не квафликов, задуоранцев или какую-нибудь иную расу? На этой планете немало пришельцев из космоса.

— Ниротан подозревают по двум причинам, — пустился в объяснения Гарриман. — Первая связана с древними суеверными преданиями о вампирах. Это существа, которые в образе летучих мышей пьют человеческую кровь. По своим физическим характеристикам обитатели Нироты близко напоминают вампиров старинных легенд.

— А вторая?

— Другая причина, — сказал Гарриман, — более существенна. Два свидетеля в Сан-Франциско заявили, что видели ниротанина, напавшего на одну из жертв.

Инопланетянин долго молчал. Наконец он спросил:

— Скажите, мистер Гарриман: если бы выдался случай, вам захотелось бы убить и съесть меня?

Гарриман был ошеломлен.

— Мне... убить и съесть... вас? — медленно повторил он.

— Да. Вас не тянет отведать жареного ниротанина?

— Конечно, нет! Что за чудовищная мысль!

— Именно так, — спокойно сказал ниротанин. — Позвольте мне заверить вас, что представитель моей расы выпьет кровь землянина не раньше, чем землянин пообедает мясом ниротанина. Вы должны меня простить, однако мы

находим ваш облик таким же отвратительным, как вы, судя по всему, наш. Замысел этих преступлений выше нашего понимания. Мы не вампиры. Мы не едим мяса никаких животных. Преступления, в которых нас обвиняют, не могли совершить ниротане.

Гарриман молча смотрел на инопланетянина. Он видел сверкающие, острые как иглы зубы, зловещие небольшие когти и сложенные, кожистые, бесконечно страшные крылья. Вид пришельца словно опровергал спокойное отрицание вины.

— Я надеюсь, что нам удастся быстро установить вину или невиновность. Если вы позволите нам осмотреть одного из ваших сотрудников... — начал землянин.

— Нет, — коротко произнес консул.

— Но наши эксперты могли бы окончательно развеять все сомнения, исключив какую бы то ни было возможность... гм... вампиризма. Уверяю вас, мы не причиним никакого вреда...

— Нет.

— Но...

— Мы не допускаем прикосновений чужеродных существ к нашим телам, — надменно сказал ниротанин. — Если вы намерены упорствовать, продолжая обвинять нас в этом невероятном преступлении, мы будем вынуждены покинуть вашу планету. Но мы не можем и не собираемся подвергать себя каким-либо осмотрам или исследованиям, как предлагаете вы, мистер Гарриман.

— Разве вы не понимаете, что это может очистить ваших соплеменников от всех подозрений и...

— Вы слышали мой ответ, — сказал консул и раздраженно зашуршал крыльями. — Мы заявили о своей невиновности. Ваш отказ поверить моему заявлению я воспринимаю как глубочайшее и вопиющее оскорбление.

В комнате повисла напряженная тишина. «Это инопланетянин, — размышлял Гарриман. — Кто знает, может быть, обитатели Нироты не имеют представления о лжи. А может, их консул — тот еще хитрый бес». Во всяком случае, разговор явно зашел в тупик.

— Очень хорошо, — сказал Гарриман. — Если вы решительно отказываетесь...

— Да.

— ...мы приложим все усилия к продолжению расследования. Для вашей безопасности, вынужден просить вас не позволять никому из ваших соплеменников покидать консульство без защиты. Мы не можем отвечать за действия истерической толпы. Естественно, мы сделаем все, чтобы обнаружить виновников. Ваше сотрудничество, конечно, облегчило бы нашу задачу.

— Пощайте, мистер Гарриман.

Гарриман нахмурился.

— Во имя добрых отношений между Землей и Ниротой, я надеюсь, что никто из ваших соотечественников не несет ответственности за эти преступления. Но вы можете не сомневаться, что убийцы, когда мы их обнаружим, будут наказаны по всей строгости земных законов. Прощайте, Триннин Нирот.

Спускаясь по лестнице и садясь в машину, Гарриман дрожал от подавленного отвращения. Зловоние ниротанина, казалось, прилипло к нему и окружало его густым облаком. И он знал, что мерзкое лицо ниротанина будет еще нескользко недель сниться ему вочных кошмарах.

К небоскребу на окраине, где располагалась штаб-квартира Агентства безопасности Терры, Гарриман подъехал в самом мрачном и горьком настроении. Он уже десять лет занимал свою должность и все это время защищал инопланетян от возникавших время от времени всплесков суеверной ненависти. Но сейчас он ничем не мог помочь инопланетянам. Было совершено три ужасных преступления. Холодный отказ Триннина Нирота затруднял расследование — и тем труднее было поверить в невиновность ниротан. Вампирические предания слишком глубоко внедрились в сознание землян.

В кабинете Гарримана ждало приказание немедленно явиться к директору. Рассел проводил совещание. В его кабинете сидели четверо: Джордж Захари, генеральный секретарь ООН, Анри Ламартин, комиссар по внеземным свя-

зям, доктор Давид ван Дайн, главный медицинский эксперт агентства, и Пол Хенесси, комиссар по делам юстиции и непосредственный начальник Рассела.

— Ну что, Гарриман? — спросил директор. — Повидались с ниротанами?

— Я беседовал с самим Триннином Ниротом, — ответил Гарриман. — Но из этого ничего не вышло.

— Что значит «ничего»?

— Триннин Нирот категорически отрицает возможность того, что в преступлениях виновен кто-либо из ниротан. По его словам, ниротане являются вегетарианцами, и обвинять их в вампиризме — полнейшая дикость. Но он отказывается разрешить нам осмотреть какого-либо ниротанина, чтобы это подтвердить.

— Мы ожидали отказа, — пробормотал комиссар Хенесси. — Но что дальше?

— А на телах нет никаких следов? — спросил Гарриман.

— Все три тела прибыли. Я провел осмотр, — сказал доктор ван Дайн. — Определенно можно сказать только одно: во всех случаях в яремные вены жертв проникло нечто похожее на иглы, а затем вся кровь была быстро выкачана. Ее могли высосать или удалить механически. Конечно, если бы мы смогли исследовать зубы ниротанина, мы скорее всего быстро определили бы, способны ли они совершить такое преступление. Организм существ-вегетарианцев вряд ли обладает подходящим для этого строением.

— Мы что, пытаемся установить, действительно ли ниротане виновны? — с некоторым удивлением спросил Рассел. — Я думал, все уже ясно. В конце концов, мы располагаем свидетелями убийства в Сан-Франциско.

— Прежде, чем мы сможем принять юридические меры против ниротан, следует исключить любые другие варианты, к примеру участие в преступлениях других инопланетян или людей.

— Людей? Землян? — заморгал Рассел. — Вы предполагаете...

Маленький бородатый комиссар покачал головой.

— Мы имеем дело с гордой и упрямой расой, как может подтвердить мистер Гарриман. Мы не можем просто обвинить их в таком преступлении без доказательств.

— Доказательством служат очевидцы, — огрызнулся Рассел.

Комиссар Хенесси поднял руку, чтобы прекратить спор.

— Прошу вас, господа. Триннин Нирот отказался представить для экспертизы кого-либо из ниротан, и я считаю, что в вопросе их виновности или невиновности это говорит само за себя.

— Я не так уверен, — вмешался Гарриман. — Кажется, у них имеется какое-то табу и они не подпускают других существ слишком близко к себе.

— А вам не кажется, что они забыли бы о любых табу, если бы могли оправдаться? — возразил Рассел.

— Не обязательно, — сказал Ламартин. — Не забывайте, что мы говорим об инопланетянах. У них другой взгляд на мир.

— Так или иначе, — сказал генеральный секретарь Захари, — мы должны поскорее найти какое-то решение. Беспорядки охватили все города, где проживают ниротане. Недовольство начинает распространяться и на других пришельцев. Если мы не сумеем быстро восстановить спокойствие, все инопланетяне, того и гляди, покинут Землю. Наша планета приобретет славу захолустья, недостойного контактов с высокоразвитыми космическими цивилизациями.

Гарриман обвел глазами пять мрачных лиц. Эти люди, как и он сам, были потрясены до глубины души мыслью о том, что пришельцы со звезд могут оказаться вампирами не только лишь внешне. Но всем им было трудно поверить в не причастность ниротан...

Зазвонил телефон. Директор Рассел протянул пухлую руку и нервно хватил трубку. Он поднес ее к уху, послушал несколько секунд, что-то рявкнул в ответ и швырнул трубку на аппарат.

— Плохие новости, — сказал он, и лицо его стало еще мрачнее. — В Будапеште толпа ворвалась в здание, где укрылись ниротане. Люди вытащили наружу и убили троих

ниротан. Вогнали им в сердце деревянные колы.

Гарриман поежился. В аккуратный, упорядоченный мир двадцать первого века вторгались покрытые пылью столетий средневековые легенды! Деревянные колы в Будапеште! Зловещие нападения на крылатых созданий — и три обескровленных тела, лежащие в морге десятью этажами ниже.

— Да помогут нам небеса, если ниротане невиновны, — сказал Захари. — Они никогда не нам этого не простят.

— Я распоряжусь о тройной защите, — сказал Рассел. — Нам не нужна бойня.

* * *

В последующие шесть часов истерика распространилась по всей Земле. Три убийства сами по себе не имели особого значения; по всему миру каждый день сотни людей встречали насильственную смерть, что воспринималось как данность. Человечество было потрясено характером смертей — убийства возбудили подсознательные страхи, и древние мифы вновь поднялись на поверхность.

Беспорядки порождал страх перед неизвестностью, перед существами со звезд. Горсты ниротан затаились за стенами своих убежищ в ожидании гибели от рук толпы.

Генеральная Ассамблея ООН, которая последние семьдесят пять лет и формально, и практически играла роль мирового правительства, собралась в тот вечер на внеочередное заседание в штаб-квартире ООН.

Планировалось только голосование по вопросу выделения дополнительных средств для защиты инопланетян от насилия. Однако во время сессии делегат от Соединенных Штатов гневно потребовал выдворить с Земли тех, кого он назвал «ниротанскими вампирами».

Предложение было объявлено не соответствующим регламенту, и до голосования дело не дошло. Но выступление американского делегата отражало мнение большинства из

девяти миллиардов жителей Земли: так они думали и чувствовали в тот вечер.

Гарриман вылетел полуночным реактивным лайнером и через четыре часа приземлился в Сан-Франциско. Заранее заказанное такси доставило его в самый центр города — к местному отделению Ниротанского торгового представительства на Маркет-стрит.

Над Сан-Франциско сумрачной пеленой висел летний туман. Спецагент Майкл ждал Гарримана у входа в окружённое охранниками здание. Агент хмурился и сжимал зубы. Несмотря на ночной час, вокруг здания устало бродили человек пятьдесят-шестьдесят. Сейчас они не казались агрессивными, но продолжали поднимать сооруженные на скользкую руку транспаранты с лозунгами наподобие «ВАМПИРЫ ДОЛЖНЫ УМЕРЕТЬ» и «НИРОТАНЕ, УБИРАЙТЕСЬ ДОМОЙ!»

— Были проблемы с пикетчиками? — спросил Гарриман, указывая на толпу.

— Вечером было хуже, — ответил Майклс. — К девяти здесь собралось около пятисот человек, но сейчас все разошлись по домам, кроме самых упорных. Они водили вокруг здания мать убитого и требовали справедливости, но по крайней мере не пытались причинить какой-либо ущерб.

Гарриман кивнул.

— Хорошо. Пойдем внутрь.

Внутри они нашли пятнадцать ниротан. Майклс заверил Гарримана, что здесь были все ниротане, находившиеся в районе Сан-Франциско в последние три дня. Если Сэма Баррета убил ниротанин, убийца находился в этой комнате.

Гарриман внимательно оглядел группу ниротан. Выражение лиц инопланетян, как всегда, оставалось непонятным. Они словно ожидали окончания беспорядков, чтобы вернуться к нормальной жизни.

Гарриман облизнул губы. Он остро осознавал жуткий вид ниротан, чувствовал тошнотворный запах пятнадцати инопланетян, сгрудившихся в комнате, ощущал собственную ничтожность. В голове неожиданно возникла картина: пятнад-

цать похожих на летучих мышей существ дружно бросаются на него, впиваются клыками в горло, высасывают кровь... Образ был таким ярким, что Гарриман невольно содрогнулся.

Потом он вспомнил, что был представителем закона, а эти существа, стоящие перед ним — просто подозреваемыми в убийстве.

— Вчера утром в этом городе был убит человек, — сказал он. — Я уверен, вы все знаете, как его убили. Я приехал сюда из Нью-Йорка, чтобы поговорить с вами об убийстве Сэма Барретта.

Инопланетяне молчали. Гарриман продолжал в мрачной тишине:

— Два свидетеля утверждают, что видели, как на погибшего напал на улице ниротанин. Если свидетели говорят правду, один из вас совершил убийство.

— Слова свидетелей искажают истину, — гулким голосом заявил огромный ниротанин. — Мы не совершали никаких преступлений. То, в чем вы нас обвиняете, для ниротанина немыслимо.

— Я ни в чем вас не обвинял, — сказал Гарриман. — Но из показаний очевидцев следует, что в убийстве виновен ниротанин. Ради вас и ради будущего межзвездных отношений, я надеюсь, что это не так. Однако, моя работа — выяснить, кто несет ответственность за это и другие убийства.

— Мы желаем вам удачи. Но вам следует искать в другом месте.

Гарриман покачал головой.

— В первую очередь я должен установить виновность или невиновность собравшихся в этой комнате. Для начала, не мог бы каждый из вас указать, где находился во время убийства?

— Мы не дадим вам никаких ответов, — прогрохотал тот же ниротанин. Казалось, он взял на себя обязанность говорить от имени всех.

Снова каменная стена, безнадежно подумал Гарриман.

— Как вы не понимаете? — спросил он. — Отказываясь отвечать на вопросы или подвергнуться осмотру, вы выгля-

дите в глазах человечества еще более подозрительно.

— Нас не заботит, что и как выглядит. Мы не совершили преступления.

— Нам, на Земле, нужны доказательства. Вашего слова здесь недостаточно.

— Мы не согласны на допрос. Мы требуем права немедленно покинуть вашу планету и вернуться на Нироту.

Глаза Гарримана сузились.

— Межзвездные торговые соглашения не позволяют подозреваемым в преступлениях покидать Землю и возвращаться на родину. Вам придется остаться здесь, пока в отношении убийства не будет установлено что-либо определенное.

— Мы не будем отвечать на вопросы, — последовал решительный, твердый, непоколебимый ответ.

Глаза Гарримана загорелись гневом.

— Если так, хорошо. Будете гнить здесь до тех пор, пока мы не разрешим вам улететь! Посмотрим, как вам это понравится.

Он повернулся и вышел из комнаты.

На обратном пути в Нью-Йорк Гарриман заснул, но сон был прерывистый и беспокойный. Лайнер приземлился в Скайпорте Нью-Йорка в середине утра, а в Агентство безопасности Терры Гарриман добрался только к полудню. Он был глубоко разочарован.

Расследование было невозможно продолжать: единственные подозреваемые отказывались защищать себя. Земля не могла обвинить представителей инопланетного вида в убийстве на основании показаний двух очевидцев и множества косвенных свидетельств, восходящих к старинным и порожденным истерическими страхами легендам. Суд над пришельцами на чужой планете всегда был рискованным делом, а в этом случае доказательств для неоспоримого обвинительного заключения было попросту недостаточно.

С другой стороны, возмущенная Земля требовала суда. Люди, в подавляющем большинстве, были убеждены, что убийства совершили вампиры-ниротане — и готовы взять правосудие в свои руки, если власти станут медлить. Трое

ниротан уже были убиты разбушевавшейся толпой, и серьезные последствия этого инцидента наверняка скажутся, когда истерика спадет.

Рассел прорычал что-то в знак приветствия. По озабоченному лицу директора и полным окурков пепельницам в кабинете Гарриман понял, что Рассел всю ночь не спал, следя за развитием кризиса и новыми угрозами.

— Ну что? — нетерпеливо спросил директор. — Что вы привезли мне из Сан-Франциско?

— Если одним словом — *ничего*, шеф, — устало ответил Гарриман. — Ниротане ушли в глухую оборону. Настаивают на своей невиновности, но помимо этого отказываются что-либо говорить. Они также требуют, чтобы им позволили вернуться на родину.

— Я знаю. Вчера вечером Триннин Нирот обратился к генеральному секретарю Захари за разрешением на выезд всех ниротан, находящихся на Земле.

— И что сказал Захари?

— Пока что отмалчивается. Но он не хочет отпускать ниротан прежде, чем мы разберемся с этим вампирским делом.

— Есть новости откуда-нибудь еще?

— Обнадеживающего мало, — утомленно сказал Рассел, пожимая плечами. — В Лондоне под нашим наблюдением тридцать ниротан, но они ничего не говорят. В Варшаве держим под присмотром двадцать. Информации ноль. В общей сложности мы сейчас охраняем несколько тысяч летучих мышей. Но как долго это может продолжаться?

— Нельзя ли насилию захватить и осмотреть ниротана? — спросил Гарриман.

— Я уже думал об этом, но наверху не разрешают. Если окажется, что мы ошибались, ниротане будут вправе рассматривать подобное действие как неприкрытый акт агрессии. А если выяснится, что наши подозрения были верны и ниротане лгали, мы все еще не получим ответа на вопрос, кто именно из ниротан совершил преступления.

— Может, лучше будет позволить всем ниротанам просто убраться с Земли, как они и хотят, — предложил Гарриман.

— Это решит все наши проблемы.

— И создаст миллион новых. Это будет означать, что любой инопланетянин может явиться сюда, совершив преступление и уйти безнаказанным, стоит ему только опровергнуть подозрения. Мне не хотелось бы создавать подобный прецедент. Да, Гарриман... Мы должны найти убийц и сделать это законно. Но будь я проклят, если знаю, как это сделать.

* * *

«Мы должны найти убийц, — раздумывал Гарриман полчаса спустя, сидя в одиночестве у себя в кабинете. — И сделать это законно».

Что ж, первое казалось достаточно разумным. Но что на счет второго?

С точки зрения закона земляне были бессильны и не могли продолжать расследование. Силы правопорядка очутились в безнадежном положении, а обезумевшие бунтари требовали в отместку за кровь землян крови обитателей Нироты.

Главное — определить, мог ли совершить эти злодеяния ниротанин, любой ниротанин. Ниротане утверждают, что и вообразить не могут такие преступления. Но старинные верования и показания двух очевидцев из Сан-Франциско рисуют ниротан кровожадными вампирами...

Медицинское освидетельствование кого-либо из ниротан может так или иначе решить вопрос. Если будет доказано, что ниротане теоретически могли совершить преступление, логично будет предположить, что они и стоят за злодеянием. Если же они определенно ни при чем, придется направить расследование в другом направлении.

И ниротане отказывались помочь!

Какая-то инопланетная блажь, какая-то непонятная гордость не позволяла им снизойти до землян и согласиться участвовать в чем-то столь унизительном для них, как офи-

циальное следствие. Поэтому в официальном смысле агентство безопасности зашло в тупик. На пути расследования встало непреодолимое препятствие.

А если действовать неофициально?

Гарриман облизал губы. У него возник план — связанный, правда, с большим риском. Если он проиграет, придется попрощаться с работой и карьерой. Но на риск необходимо пойти, твердо сказал себе Гарриман — кто-то же должен был рискнуть.

Он снял трубку телефона и приказал подать автомобиль к подъезду здания. Затем, не сказав никому ни слова о том, куда и зачем отправлялся, незаметно вышел.

В консульстве на Пятой авеню сидели под охраной несколько десятков ниротан. Подойдет любой. Нужно только помнить, что он в этом деле предоставлен самому себе. Гарриман не мог поделиться с кем-либо своим планом: он был слишком рискованным.

Консульство окружено вооруженными охранниками и, если враждебность землян не пошла вдруг на убыль, разъяренной толпой...

Так оно и было. Больше тысячи воящих нью-йоркцев толпились вокруг консульства, но не осмеливались подняться по ступеням, страшась оружия охранников. Над разочарованной толпой стоял тихий звериный ропот, перемежаемый истерическими выкриками и проклятиями.

Гарриман приказал шоферу остановить машину в нескольких кварталах от места беспорядков. С оглядкой, пешком, пробираясь между демонстрантами, заместитель директора агентства приближался к зданию. В горле у него пересохло. Он все поставил на карту.

Гарриману нужен был ниротанин — мертвый или живой, но предпочтительней живой. Он знал, что был только один способ заполучить инопланетянина.

Он поднялся по ступенькам консульства. Охранники узнали его и расступились. Гарриман подозревал их.

— Я получил приказание вывести одного из ниротан, — сказал он шепотом. — Только одного. Инопланетянин нужен в штабе. Когда мы выйдем, мне понадобится вооружен-

ное сопровождение, чтобы пройти через толпу. По восемь человек с каждой стороны, с оружием наготове — на случай, если кто-то из толпы вздумает напасть. Все ясно?

Они кивнули. Волнение сдавило грудь Гарримана. Он шел на невероятный риск, собираясь вывести ниротанина к толпе средь бела дня. Но выхода не было. К ночи демонстранты разойдутся, но дверь никто не откроет: по ночам ниротане (это, во всяком случае, было точно известно) спали мертвым сном.

Гарриман ждал в луче сканера. Глаза ниротан осматривали его изнутри. Наконец он услышал, как тяжелая дверь начала с лязгом отворяться. В щели показались желтые глаза-бусинки.

— Да? Что вам угодно?

— Поговорить, — сказал Гарриман. — Возникли кое-какие новые обстоятельства, и вы должны о них знать.

Дверь приоткрылась чуть шире, чтобы впустить Гарримана. Но он, не входя, неожиданно протянул руку, схватил ниротанина за запястье и дернул к себе. У ниротанина, несмотря на внушительные размеры, были полые кости летающего существа. Кроме того, на стороне Гарримана был эффект неожиданности. Пораженный ниротанин оказался на улице, даже не успев понять, что происходит.

При виде похожего на летучую мышь создания толпа разразилась оглушительным криком. Нервы Гарримана сжалась от страха. Ниротанин отбивался и пытался вырваться из его рук, бессильно взмахивая крыльями.

— Что все это означает? — возмущенно воскликнул инопланетянин.

— Просто идите со мной, не пытайтесь сопротивляться и все будет хорошо, — успокаивающее сказал Гарриман, мимоходом позволив инопланетянину заметить крошечный иголочный бластер, который держал в свободной руке. — Мы хотим поговорить с вами в штаб-квартире. Толпа не причинит вам вреда, если вы будете сотрудничать.

Все это время Гарриман с тревогой раздумывал, не предпочтет ли ниротанин самоубийство. Но гордость ниротан, очевидно, не простиралась так далеко. Глаза инопланетя-

нина сверкали от ярости, однако он подчинился и двинулся вниз по ступеням рядом с Гарриманом.

— Не подходить! Расступитесь! — кричали охранники, выстроившись в два ряда и размахивая оружием. Когда Гарриман и его пленник подошли ближе, толпа жутко и угрожающе загудела, какие-то люди начали было пробиваться вперед, понукаемые горячими головами в задних рядах, но отступили, когда маленький конвой прошел мимо.

Путь к автомобилю, казалось, занял несколько часов. Наконец Гарриман, ослабевший и весь мокрый от пота, втолкнул ниротанина в машину. Толпа, к счастью, не решилась наброситься на них — люди словно были ошеломлены зреющим спокойно показавшегося среди них ниротанина.

— Это безобразие, — заговорил ниротанин. — Я протестую против этого похищения и буду...

Облегченно улыбаясь, Гарриман вытащил из кармана заранее припасенную ампулу и раздавил ее под носом ниротанина. Похожий на летучую мышь пришелец мгновенно потерял сознание и больше ничего не сказал.

Пятнадцать минут спустя в здание Агентства безопасности Терры внесли носилки. Фигура на носилках была с головы до ног закрыта покрывалами, и никакой любопытный не догадался бы, что на носилках лежит пришелец. Гарриман лично проследил за доставкой носилок в смотровую доктора ван Дайна, главного медицинского эксперта агентства.

Доктор выглядел озадаченным и порядком раздраженным.

— Не могли бы вы сообщить, к чему вся эта таинственность, Гарриман? — спросил он.

Гарриман с готовностью кивнул.

— Здесь абсолютно безопасно?

— Разумеется. Неужели вы думаете...

— Хорошо. Я доставил вам объект для осмотра. Сейчас он без сознания, получил двойную дозу анестетрина. Могу гарантировать его полное сотрудничество на протяжении нескольких часов. Не спрашивайте, как и где я его захватил, док. Просто проведите обследование и затем немедленно со-

общите мне результаты.

Гарриман наклонился и сорвал покрывала. Даже спящий, ниротанин вызывал резкое отвращение. Доктор ван Дайн удивленно открыл рот.

— Боже мой! Ниротанин! Гарриман, откуда вы...

— Я же вас предупредил, док: никаких вопросов. Ниротанин здесь, вот и все, что вам нужно знать. Пока действие анестетрина не закончится, он не пошевелится и не произнесет ни слова. Осмотрите его. Определите, могут ли ниротане быть вампирами. Сообщите мне ваши выводы — и никому ни слова, никому! На кону наши головы. Все понятно?

Дородный медик колебался и казался обеспокоенным: ситуация явно выходила за рамки дозволенного. Он молчал, глядя на спящего на носилках ниротанина. Затем ван Дайн решился:

— Хорошо. Всегда хотел поближе осмотреть одного из них. Это может многое прояснить.

Гарриман улыбнулся.

— Спасибо, док. И помните — вы ничего не знаете. Если возникнет необходимость, всю вину я возьму на себя. Сколько времени займет обследование?

— Трудно сказать. Лучше вам оставаться в здании. Я позвоню вам... скажем, через полтора часа.

— Ясно. Буду ждать.

Гарриман направился к двери. Доктор уже выкладывал на столик инструменты, необходимые для осмотра.

У себя в кабинете Гарриман устало уселся за стол и пригладил волосы нервно дрожащими руками. Через девяносто минут он получит ответ на некоторые мучившие его вопросы.

Он похитил ниротанина, провел его через рассвирепевшую толпу. Это было смело, безрассудно, но необходимо. Без обследования одного из этих существ невозможно было даже сделать первые шаги к разгадке вампирских тайн.

Гарриману нужна была информация. Он позвонил в библиотечную сеть и попросил доставить ему все, что имелось в наличии о ниротанах — и немедленно.

Записи начали поступать через несколько минут. Гарриман отбросил в сторону сухие статистические данные о торговом обороте между Землей и Ниротой за последние десять месяцев. Потом он все же нашел кое-что полезное — в записи говорилось о самой Нироте. Он стал читать.

* * *

«Ниротане — гордая и держащаяся особняком раса. Они не приветствуют контакты с другими разумными существами, за исключением торговли.

Историческая память ниротан охватывает почти пятнадцать тысяч земных лет. Десять тысяч лет назад они овладели секретами космических путешествий. Ниротанская федерация состоит приблизительно из тринацати миров; все они много столетий назад были заселены колонистами с Нироты.

Ниротане — превосходные инженеры-механики, и их изделия пользуются спросом по всей Галактике. Как правило, они не принимают участия в галактических спорах и предпочитают оставаться над политикой. В последнее тысячелетие, однако, между ними и мастерами с Дроска возникла отчаянная экономическая конкуренция. Соперничество стало настолько напряженным, что время от времени между Дроском и Ниротой вспыхивали короткие, но кровопролитные войны...»

Внезапно зазвонил телефон. Гарриман отвлекся от чтения и снял трубку. Его взгляд упал на настенные часы, и он с некоторым удивлением понял, что провел больше часа, копаясь в записях. Возможно, с надеждой подумал он, ван Дайн закончил обследование и собирается сообщить о своих находках.

— Гарриман. Слушаю вас.

— Это ван Дайн, Нил. Я только что завершил тщательный осмотр нашего экземпляра.

— Ну? — нетерпеливо прервал его Гарриман.

Ван Дайн тихо сказал:

— Если эти убийства совершил ниротанин, мне пора бросать профессию и поступать в уборщики.

— Что вы имеете в виду?

— Первое: два больших передних резца ниротанина в сечении клиновидной, то есть треугольной формы. Проколы на горле жертв были круглыми. Второе: челюсти ниротан не приспособлены к нанесению укусов — даже обладая гибкостью лучших цирковых гимнастов, они не смогли бы вонзить зубы в человеческое горло. И третье: метаболическая система ниротан всецело вегетарианская. Их организм не способен переваривать животную пищу, будь то кровь или мясо. Человеческая кровь была бы для них страшным ядом. Она разъела бы их пищеварительный тракт, как глоток кислоты.

— Значит, они говорили правду, — негромко сказал Гарриман. — И все, что им нужно было сделать, чтобы полностью очистить себя от подозрений, это согласиться на десятиминутный осмотр одного из их соплеменников!

— Они инопланетяне, Нил, — сказал ван Дайн. — У них свои понятия о гордости. Они просто не могли заставить себя позволить землянину ковыряться инструментами в их телах.

— Надеюсь, вы не причинили пациенту никакого вреда?

— Господи, нет! — ответил ван Дайн сказал. — Я провел полную внешнюю диагностику. Когда ниротанин проснеться, он даже не поймет, что я к нему прикасался. Кстати, что мне с ним делать, когда он придет в себя?

— Есть какие-то признаки выхода из наркоза?

— Да, он должен вскоре очнуться.

— Дайте ему еще дозу анестетрина и уложите обратно спать, — сказал Гарриман. — Будем прятать его у вас, пока я не пойму, что предпринять дальше.

— У вас есть хоть какие-нибудь идеи? Теперь мы точно знаем, что вампирский трюк провернули не ниротане, но как установить, кто это сделал?

— Чертовски хороший вопрос, — сказал Гарриман. —

Жаль, что у меня нет на него такого же хорошего ответа.

И вдруг его взгляд упал на запись. Он начал читать с того же места, где остановился, услышав телефонный звонок.

«В последнее тысячелетие, однако, между ними и мастерами с Дроска возникла отчаянная экономическая конкуренция. Соперничество стало настолько напряженным, что время от времени между Дроском и Ниротой вспыхивали короткие, но кровопролитные войны...»

— У меня появилась одна мысль, — сказал Гарриман. — Довольно диковатая, но попробовать стоит. Продолжайте до вечера прятать ниротанина у себя. Мне нужно еще раз слетать в Сан-Франциско.

* * *

Агенты безопасности в Сан-Франциско хорошо знали, где найти Блена Дюворна, атташе торгового представительства Дроска. Во-первых, с начала кризиса все инопланетяне, для их же защиты, находились под скрытым наблюдением. Во-вторых, Блен Дюворн был свидетелем по делу об убийстве и потому за ним внимательно присматривали на случай, если понадобится снова его допросить.

Власти так и сделали. Нила Гарримана, прибывшего на Западное побережье ночным рейсом, ввели в комнату для допросов и оставили наедине с дроскианцем. Блен Дюворн был существом низкорослым, примерно пять футов три дюйма, но крепко сбитым. Толстые бедра и невероятно широкие плечи говорили о том, что сила тяжести на его родной планете заметно превышала земную.

Дроскианец во всем походил на человека, отличаясь от людей только крошечными, с полдюйма величиной выступами над каждым глазом. Это были органы шестого чувства: дроскианцы были способны воспринимать тепловые волны. Внутренние органы дроскианца, скорее всего, совершен-

но отличались от человеческих, однако инопланетяне не позволяли землянам заглядывать в свои внутренности.

— Я знаю, Блен Дюворн, что вам уже до смерти надоели вопросы, — приветливо сказал Гарриман. — И все-таки расскажите мне еще раз, что вы видели в то утро.

Дроскианец ответил дружелюбной улыбкой.

— Говоря вкратце, я видел, как ниротанин убивал землянина. Ниротанин погрузил клыки в горло человека и, похоже, пил его кровь.

Гарриман кивнул и сделал вид, что записывает.

— Вы не были первым на месте преступления?

— Нет. Первым там оказался землянин по имени Харкинс.

Гарриман снова кивнул.

— Мы на Земле, конечно, очень мало знаем о ниротанах. Мы располагаем некоторыми историческими сведениями, но нам совсем не известна их биология. Знаете, по словам ниротан, они вегетарианцы.

— Они лгут. В ниротанских мирах выращивают животных, чтобы пить их кровь.

Гарриман приподнял бровь:

— Вы хотите сказать, что у них давняя история... э-э... вампиризма?

— Ниротане пьют кровь много тысяч лет. К счастью для нас, кровь дроскианцев их не привлекает. Но земная, по-видимому, кажется им вкусной.

— По-видимому, — согласился Гарриман.

Тем же ровным, спокойным голосом он продолжал:

— Вы не могли бы объяснить, как вам удалось убедить Харкинса в том, что он видел ниротанина, высасывающего кровь Баррета, когда в действительности это были вы?

Антенны над холодными глазами Блена Дюворна задрожали.

— В моем мире, землянин, подобное утверждение является смертельным оскорблением и может быть смыто только твоей кровью.

— Сейчас мы не в вашем мире. Мы находимся на Земле. И я говорю, что это вы, а не ниротанин, убили Сэма Баррета. Затем вы обманули Харкинса, внушив ему, что он видел

ниротанина.

Дюворн презрительно рассмеялся.

— Какая нелепость! Ниротане известны своим пристрастием к крови. Мы, дроскианцы — цивилизованная раса. И вы смеете обвинять меня в...

— Ниротане — вегетарианцы. Человеческая кровь для них яд.

— Вы верите в их ложь? — с горечью спросил Дюворн.

Гарриман покачал головой.

— Дело не в вере. Мы обследовали ниротанина. Мы знаем, что ниротане не могли совершить эти убийства.

— Обследовали ниротанина? — весело повторил Дюворн.

— Что за фантастическая выдумка? Ниротанин и близко не подпустил бы к себе человека!

— У этого не было выбора, — мягко сказал Гарриман. Он был без сознания. Мы провели тщательную проверку. Результаты сомнению не подлежат: ниротане невиновны.

— Я не могу в это поверить.

— Как вам будет угодно. Но кто заинтересован в том, чтобы ниротан обвинили в подобных преступлениях? Вот уже тысячу лет Дроск и Нирота соперничают в Галактике и пытаются вытеснить друг друга из выгодных торговых точек. Здесь, на Земле, мы позволили обеим расам торговать своими товарами, и между вами возникла прямая конкуренция.

Дроску это не понравилось, не так ли? Тогда предпримчивые дроскианцы изучили земной фольклор и узнали легенду о вампирах — ужасных гигантских летучих мышах, которые пьют человеческую кровь и внешне походят на обитателей Нироты.

И у кого-то появилась плодотворная идея: нужно убить нескольких землян, высосав их кровь, и позволить нам делать свои выводы. Авторам этого плана было чертовски хорошо известно, что за убийствами последует немедленное общественное возмущение против ниротан, как и то, что культурная ориентация ниротан *запрещает* им доказывать свою невиновность.

Вы полагали, что мы никогда не узнаем правды. Но вы не рассчитывали, что мы нарушим неприкосновенность ча-

стной жизни ниротан, привезем одного из них в лабораторию и проведем обследование.

Мускулистое лицо Блена Дюворна оставалось невозмутимым, но крошечные антенны распрямились и возбужденно подрагивали.

— Вы забываете, что там был и землянин, который видел своими глазами, как ниротанин пил кровь.

— Мы знаем, что ниротане *не могут* пить человеческую кровь, — отрезал Гарриман. — Следовательно, Харкинс либо лгал, либо был подкуплен, либо не отвечал за то, что говорил. Я склонен думать, что справедливо последнее, Блен Дюворн. Манипулируя его разумом, вы внушили ему, что он видел ниротанина. После этого вы еще больше сгостили краски, выставив себя в качестве очевидца. Вы и представить были не в состоянии, что мы окажемся настолько нецивилизованными — позволим себе осмотреть ниротанина без его согласия и доберемся до истины.

Глаза Блена Дюворна внезапно и странно заблестели, антенны встали вертикально.

— Ты очень умен, землянин. Ты изложил довольно последовательную гипотезу. Беда в том, что дроскианцы не пьют крови. Медицинские тесты покажут, что мы столь же невинны, как и ниротане. Зачем взваливать вину на нас? Я никогда с уверенностью не утверждал, что видел в то утро ниротанина. Было темно, стоял туман. Ты говоришь, что я вампир. Как же я убил того человека?

— Дроск славится своими механическими приспособлениями, — сказал Гарриман. — Нетрудно разработать устройство, которое проколет яремную вену, выкачет несколько литров крови и сразу же превратит кровь в пар и отправит в атмосферу. Я уверен, что вы, учитывая ваш прогресс в миниатюризации техники, могли бы изготовить подобное устройство размером не больше перстня. Проткнуть яремную вену, откачать кровь, избавиться от нее — что может быть проще?

— Ниротане тоже известны своими механическими изобретениями, — возразил дроскианец.

— Да, это так. Но какой им смысл лишний раз подтверждать распространенные предрассудки и представлять вампирями? Нет, Блен Дюворн, вы исчерпали все свои аргументы. И я говорю, что так называемое «Нашествие Вампиров» было придумано дроскианскими заговорщиками с целью изгнания с Земли конкурентов-ниротан. И...

Глаза Блена Дюворна засияли сильнее. Гарриман попытался отвести взгляд, но дроскианец резко приказал:

— Смотри на меня, землянин! Смотри мне в глаза! Ты был очень умен. Но ты позабыл об одном — о гипнотической силе дроскианцев. Я убедил Харкинса, что он видел ниротанина, а теперь воспользуюсь этой силой и верну себе свободу...

Гарриман встал, пошатываясь и ощущая головокружение. Разум инопланетянина вцепился в его разум. Невозможно было отвести взгляд, избавиться от гипнотической хватки пришельца...

Гарриман начал оседать на пол. Внезапно дверь распахнулась, и трое охранников в форме агентства безопасности, побежав, повисли на Дюворне.

Гарриман помотал головой, очищая сознание, и криво улыбнулся.

— Спасибо вам. Еще минута, и мне пришел бы конец. Очень надеюсь, что вы все записали.

* * *

Со всем остальным разобраться было уже не так сложно.

— Дюворн сломался и выдал своих сообщников, — доложил на следующий день Гарриман директору Расселу. — В заговоре участвовали с полдюжины дроскианцев. Мы должны были прийти к выводу, что вампиры-ниротане начали повсюду нападать на землян.

— И если бы вы не осуществили незаконное обследование ниротанина, мы по-прежнему ходили бы вокруг да око-

ло, — сказал Рассел. — Слышали бы вы, как генеральный секретарь Захари рассыпался в извинениях перед ниротанами.

— Я не мог поступить иначе, шеф. План Дюворна и его сообщников основывался на нашем незнании культуры и биологии ниротан. Должен сказать, они были близки к успеху. Как можно вести расследование, ничего не зная о подозреваемых?

Рассел кивнул.

— Придется сделать вам выговор, Нил. Это просто для протокола. Лодку дегтя сразу же подаст бочка меда: вы получите повышение.

Захари, генеральному секретарю ООН, удалось умилостивить пострадавших в недавних инцидентах ниротан искренними извинениями. Ниротане, эти существа, похожие на гигантских летучих мышей, решили остаться на Земле. Дроскианцы, напротив, сочли за лучшее покинуть планету. Шестерых заговорщиков было решено предать дроскианскому суду, и все представители дроскианской расы немедленно вылетели с Земли домой.

Нил Гарриман получил повышение. Ниротане вновь свободно разгуливали по земным улицам. Пресса разнесла по всем уголкам Земли известие о том, что они были безобидными вегетарианцами. Но, несмотря на это, несмотря на все признания дроскианцев, лишь немногие из землян могли смотреть на огромных крылатых существ без легкой дрожи отвращения и воспоминаний о древних легендах веков суеверия, которые так поразительно ожили в дни Нашествия Вампиров 2104 года.

Дональд Уондри

Огненные вампиры

Перед вами рассказ о войне, ужасах, тирании и огненной смерти. Перед вами история, которая берет начало в холодных космических безднах и заканчивается на Земле. История всего человечества на протяжении двух десятилетий, но не только. Это также история одного отдельно взятого человека и одного демона с чудовищных просторов Вселенной. Впрочем, я забегаю вперед.

Я, Алин Марсдейл, достопочтенный историк Федерации Объединенных Наций, был облечен этой обязанностью в год Господа нашего 2341, чтобы хронологически документировать приход новой кометы. Но я не могу просто записывать факты, как сухую историю. Те события все еще стоят перед моим внутренним взором, и я с переживаю их с новой силой. Никто из ныне живущих не смог бы изложить их бесстрастно, и я тоже не могу, хоть и работаю с пыльными архивами и побуревшими от старости бумагами.

Лучше начать с начала... точнее, с тех крупиц, что нам известны. Я буду излагать события в том порядке, в каком они разворачивались перед нами, выжившими в катастрофе. Теперь, оглядываясь назад, мы умудрены знанием, купленным ценой самой дорогой жертвы на памяти человечества, и удивляемся, почему были такими слепцами, почему не сопоставили взаимосвязи. Но прошлого не вернуть, да и неизвестно, смогли бы мы что-нибудь изменить.

Ту злополучную комету открыл Норби... Густав Норби, светило в области космических форм жизни. В прежние дни над некоторыми его теориями посмеивались, но потом людям стало не до смеха. Именно он 7 июля 2321 года первым заметил комету. Именно он просчитал ее курс и во всеуслышание заявил, что еще никогда ни одно небесное тело не проходило так близко к Земле. Именно он предостерегал, что это может представлять опасность, что возникнет множество сопутствующих явлений, что само существование Земли окажется под угрозой. И именно он по праву первооткрывателя дал комете свое имя.

Когда комету Норби только заметили, ее отделяло от Солнечной системы около пяти световых лет. При своей расчетной скорости в пятьдесят тысяч миль в секунду, она

достигла бы Земли примерно через восемнадцать лет. Вследствие этого общественное мнение легкомысленно отнеслось к грозным предсказаниям. Восемнадцать лет? Да ну, это так далеко! Волноваться не о чем.

Астрономы наблюдали далекую комету весь июль и начало августа. Отчетливо просматривалось округлое ядро и веерообразный хвост, что тянулся следом за ней на миллионы и миллионы миль. Если не считать феноменальной скорости, она представляла интерес разве что своим бледным красновато-голубоватым цветом.

Десятого августа, на подходе к звездной системе Альфа Центавра, комета загадочным образом исчезла, взбудоражив умы астрономов. Не осталось даже намека на нее. Пропала, испарилась, будто ее и не было. Публика насмешничала. Ученые озадаченно искали объяснение и не находили.

Четырнадцатого августа мир с ошеломлением узнал, что комета Норби появилась менее чем в миллиарде миль за Плутоном и движется к Солнцу на своей прежней скорости в пятьдесят тысяч миль в секунду. Через шестнадцать часов она должна пройти мимо Земли! Неужели за четыре дня она преодолела более четырех световых лет? «Невозможно!» — в один голос утверждали ученые мужи.

Мир потрясенно смотрел в небеса. Ученые дошли до безумия. Наверное, это другая комета. Но даже если это и правда, как комета смогла подойти так близко незамеченной?

В полночь четырнадцатого августа Густав Норби из обсерватории Маунт-Вилсон Норби выпустил свой знаменитый бюллетень. Документ заслуживает того, чтобы привести его дословно:

Новая комета — это, вне сомнения, комета Норби, впервые обнаруженная седьмого июля. Расчетная скорость по-прежнему составляет пятьдесят тысяч миль в секунду. Экстраполяция траектории приводит в точку, где комета последний раз наблюдалась десятого августа. Возможны только два объяснения. Первое: ошибки в предыдущих наблюдениях. Неприемлемо: слишком много независимых данных. Второе: комета внезапно развила скорость

выше светового порога и так быстро прошла в космосе пять световых лет, что ее излучение нас пока не достигло. И не достигнет еще многие годы! Этим и объясняется ее якобы таинственное исчезновение. По всей видимости, комету контролируют некие разумные живые организмы. В противном случае, ее поведение не укладывается в рамки любых известных законов.

(Подписано) Густав Норби

Четко видимая без помощи линз, новая комета притягивала к себе встревоженные взгляды всякий раз, когда позволяла погода. Людей охватывало беспокойство и дурные предчувствия. Комета явно была не простой. Даже ее красновато-голубой оттенок и выглядел странно. Там, где еще сохранялись примитивные верования, в Африке, Индии и джунглях Южной Америки, явление кометы вызвало что-то вроде повальной истерии. А в больших метрополиях на пришельцу невольно смотрели с удивлением, опаской и суеверным трепетом.

Час от часу комета Норби становилась ярче, подлетала ближе. Обогнув Плутон, она неуклонно двигалась к Солнцу и, судя по предварительным расчетам, должна была пройти в опасной близости к Земле. Для того, чтобы вызвать в Солнечной системе серьезные аномалии, комете не хватало массы, но Земля оказалась под угрозой столкновения, к тому же существовала опасность, что нашу атмосферу отравят смертельно ядовитые газы. К рассвету комета подошла к орбите Нептуна.

Радио и телевидение уже распространили новость, но публика настолько жаждала любых известий о грозной пришельце, что утренние газеты от пятнадцатого августа все равно продавались, как горячие пирожки. Заголовки крупным шрифтом кричали о комете. Газетные страницы пестрели пророчествами беды и предупреждениями о катастрофе. Норби мгновенно стал знаменит. Только что пользы в славе, если миру приходит конец? Никто не знал, чем все это закончится.

День был душный, и над крупными городами повисла странная тишина. Когда на земле сгостились вечерние тени, миллионы людей высыпали из зданий группами и поодиночке, чтобы понаблюдать за пришельцем. Задолго до наступления темноты, задолго до того, как зажглась первая звезда, опасно близко в зените ослепительным голубоватым пламенем вспыхнула комета Норби, грандиозным веером раскинув ужасающей длины хвост.

Чудо с небес, предвестница бед, знамение Божье, говорили люди, сравнивая ее с Черной звездой, явившейся из глубин космоса в двадцатом веке. Неужели она уничтожит Землю? Ринется на своей дикой скорости вниз и с огненным взрывом врежется в континент? Или упадет на Солнце, став виновницей Бог весть каких бедствий или неимоверной жары?

Человечество содрогнулось от ужасающе-грозной красоты кометы... такой близкой, такой пугающе близкой, и вместе с тем такой яркой, что ее сияние затмило звезды и заставило померкнуть Луну.

Улицы городов наполнил человеческий гул. На открытых просторах беспокойно носились и шуршали в траве звери. Пронзительно ржали обезумевшие лошади. Ночь превратилась в день. Гигантская, сверхъестественная комета зりло приближалась, становилась ярче, сияла в небе, словно второе, более крупное солнце с великолепным хвостом, тянувшимся на миллионы миль.

Гул голосов на мгновение затих. Затем газеты и телевидение оповестили человечество о последнем бюллетене Норби, и началось вавилонское столпотворение.

Необъяснимое изменение траектории кометы Норби. В 20:41 по западному стандартному времени комета свернула под прямым углом с прежнего курса к Земле. По оценкам специалистов, сейчас она от нас на расстоянии менее полумиллиона миль и подлетает со стороны, где направление вращения планеты будет противоположно ее курсу. Пока трудно судить, станет ли комета новым спутником или, продолжив движение по новой траектории, покинет Солнечную систему. Вероятно, кометой управляют разум-

ные существа, иначе никак нельзя объяснить ее странное поведение.

Норби

Пока ночь стремительно двигалась вокруг мира на запад, за ней столь же стремительно летела незваная гостья. В Америке стало светло, как в пасмурный день. Отражение кометы в водах Тихого океана выглядело как масштабное извержение подводных вулканов. Когда комета промчалась над Азией, священники и дервиши пали на колени в мольбе. Еще ничто на людской памяти не притягивало в столицы Европы такие гигантские толпы. Яркая и пылающая, комета держала курс на запад. Пассажиры трансатлантических лайнеров видели, как она вспыхивает на востоке и пылает высоко над их головами. Облетев вокруг мира следом за ночью, комета снова вернулась в Америку и заполыхала в небе на глазах у миллионов встревоженных людей, но уже выше и дальше.

В полночь над долиной Миссисипи она уже еле виднелась. Жители западных равнин едва ее различали. Но никто не разочаровался, потому что все уже прочитали новое сообщение Норби:

Облетев земной шар, комета уходит из Солнечной системы. Новая траектория ведет ее к системе Антареса. Совершенно необъяснимый феномен. История астрономии не знала ничего подобного. Всякая угроза миновала.

Норби

* * *

Утром шестнадцатого августа в обсерватории Маунт-Вильсон два человека разговаривали на повышенных тонах. Густав Норби всем видом демонстрировал убежденность в соб-

ственной правоте, а его молодой помощник, Хью Карвер, напротив, скепсис и раздражение.

— Это нелепо! — взорвался он. — Лишь потому, что поведение кометы не укладывается в привычные рамки, ее, по-вашему, контролируют разумные существа. Да человек может контролировать свой мир не больше, чем... чем я перенестись на Марс одной силой мысли!

— Возможно, Хью, когда-нибудь люди научатся контролировать каждое движение Земли, — спокойно ответил ему старший товарищ. — Не забывай, нашей цивилизации всего пять тысяч лет. А наши научные достижения — плод каких-то шести-семи веков. Нет причин считать, что цивилизация существует только на Земле.

— Допустим, но вы сами определили, что температура поверхности кометы составляет около 1100° Цельсия. Такую жару ничто живое не вынесет!

— Если брать известное нам, то да. Но как насчет неизвестного? Что скажешь на это?

Норби поднял со стола ворох газет, телеграмм и радиограмм.

— Вот тут свидетельства о загадочных смертях вчера ночью. Пятнадцать тысяч с лишним, затронуты все страны, что оказались на пути кометы: Америка, Филиппины, Китай, Россия, Германия, Франция, Испания и десятки других. Все смерти в точности похожи одна на другую: вспышка молнии, человек спонтанно самовозгорается и от него остается только кучка костей. Уже известно пятнадцать тысяч случаев такой огненной смерти, а сообщения все идут и идут. Как объяснишь их, Хью? Не странно ли, что все они совпали по времени с приходом кометы?

— А если и так? Все ждали беды, если комета подлетит слишком близко. Вполне возможно, что произошел выброс газа или энергии, и он каким-то образом поразил эти тысячи людей.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы газ выбирал кого-нибудь одного из толпы, убивал его, а других оставлял невредимыми? Слышал, чтобы молния подплывала к человеку, сжигала его дотла внезапным разрядом и летела даль-

ше? Нет-нет, Хью, тут прослеживается определенный метод, метод и цель.

— Вот как? И чья же?

Норби пожал плечами:

— Не знаю. Поживем — увидим.

— Комета улетела. Вы ничего не сможете доказать.

— Да, комета, как ты выразился, ушла. Но что, если она вернется?

Хью призадумался. Потом его лицо просветлело.

— Только не при нашей жизни. В истории не упомянуто ее предыдущее появление. Судя по траектории полета, комета вернется через тысячу лет, не раньше, а то и вообще не вернется.

— Если станет себя вести согласно законам природы. Но она им не подчиняется. Преодолела почти пять световых лет за четыре дня. Повернула под прямым углом к собственной траектории и облетела Землю, словно спутник, после чего умчалась совершенно новым курсом. Она вела себя, будто какой-нибудь воображаемый марсианский корабль: увеличила скорость, чтобы подлететь к Земле, обогнула ее, чтобы осмотреть, а потом улетела домой или продолжила путь к другим планетам... после того, как взяла тут пробы ресурсов!

— Норби! Вы спятали! — потрясенно воскликнул Хью.

— Как сказать. У тебя есть лучшее объяснение?

Хью промолчал. Он был настроен скептически, да и все остальные тоже. Однако загадка с небес не давала ему покоя точно так же, как и сотням других дальновидных людей, пытавшимся ее разгадать. Комета стала главной новостью года... а то и веков. Ее таинственное появление и исчезновение, непонятная и страшная гибель тысяч людей, молния, которые вовсе не были молниями, — все это будоражило воображение, но сбивало умы с толку фактами, никак не желавшими укладываться в стройную картину. Кто бы додумался, что между ними существует взаимосвязь? Сейчас это кажется очевидным, и все же...

Шесть лет спустя, в разгар еще одного жаркого августовского дня, Норби и Хью спускались из обсерватории. Прощай ночью они сделали десятки фотографий новым восьмисотдюймовым рефлектором и все утро их разглядывали.

— Какое все-таки чудо этот новый телескоп! — восторгался Норби. — Его дальность в десятки раз выше, чем у старого. А силовая труба Плецки, что создает вакуумный канал в земной атмосфере, позволила позабыть про тепловые волны и прочие искажения, которые так досаждали астрономам. Ба! Раньше мы бы ни за что не заметили эту новую звезду в системе Антареса.

— Странно, что этой звезды нет на более ранних фотографиях.

Ученые добрались до двери и вышли на дневной свет. Примерно сотней ярдов дальше шли двое рабочих.

— Похоже, вечером намечается буря, — заметил Хью, посмотрев в небо. — Зарницы так и сверкают. Взгляните на шаровую молнию вот над теми деревьями.

Норби уже и сам в них всматривался. Деревья словно обволакивали полосы голубоватого света. Строго говоря, это была не столько шаровая молния, сколько странно неподвижный электрический узор.

— В этой молнии есть что-то неестественное, — сказал Норби. — Я никогда не видел ничего подобного... Боже мой!

Голубоватый узор внезапно прыгнул на рабочих, шедших мимо, и обмотался вокруг них огненными спиральями, причем к голове каждого протянулось по два потрескивающих отростка.

Рабочие в один голос вскрикнули от мучительной боли. Узор на мгновение замерцал сильнее. Затем вспыхнули два сильных потока ослепительного, живого огня, поднялись два столба желтого дыма, и от людей остались только обгоревшие скелеты. Всего миг помедлив над костями, странная молния метнулась к Норби и Хью, но ее остановила запертая дверь обсерватории: во время вспышки какой-то глу-

бинный инстинкт подсказал им спрятаться внутри.

— Боже правый! — побледнев, выдохнул Хью. — Что это было? Этот молния вела себя, как живая, словно зверь, преследующий добычу. Бедняги!.. Такое не забудешь.

Норби посмотрел странным напряженным взглядом.

— Боюсь, вы правы, Хью. До ужаса правы. Зверь, преследующий добычу.

— Но такое невозможно, попросту невозможно! Это всего лишь молния!

— Вот как? Разве молнии так себя ведут? Забыли?

В глазах Хью мелькнула догадка:

— Комета Норби!

— Именно. Помните череду смертей в двадцать первом, когда появилась комета? Тысячи и тысячи человек. И отчесы... люди, должно быть, гибли по тому же сценарию, как эти двое. Комета вернулась, Хью, и я боюсь худшего. Тогда она направлялась к Антаресу, как вы знаете, а прошлой ночью мы обнаружили...

— Новую звезду в системе Антареса!

— Не исключено, что это комета. Возможно, она уже подошла к Земле для удара... наверняка так!

— Что же делать? Как нам спастись, если вы правы?

— Мы не можем ничего сделать, разве что сидеть здесь взаперти. Все остальные смерти произошли под открытым небом. Думаю, пока нам ничего не грозит.

Всю вторую половину дня они оставались внутри, но видели репортажи о трагедиях, необъяснимым образом прокатившихся по миру. Телевидение передавало сообщения о все новых смертях. Их сравнивали с эпидемией электрической чумы, вспыхнувшей повсеместно. Час от часа число ее жертв росло. Мужчины, женщины и дети подвергались нападениям на улицах, попадали в электрический кокон на выходе из зданий, сгорали, работая в полях, обращались в пепел на шоссе и бортах кораблей, гибли даже в самолетах. И в море, и на земле, и в небе стало опасно. Повсюду, от Аляски до Антарктики, от Европы до Австралии сообщалось о смертях. Ни один город, как бы он ни был мал, не миновали извилистые щупальцы и раскаленные вспышки молний.

Но апогея панический ужас достиг к наступлению темноты. Невероятная, чудовищная, страшная правда огромными огненными буквами заявила о себе в небе, когда темнота опустилась на побережье Атлантики и продолжила свое шествие на запад.

Телевидение объявило, что комету Норби снова видели над Китаем. Рассказ о новом феномене, в прошлый раз тоже впервые замеченном над Китаем, Норби и Хью выслушали с потрясением и недоверчивостью. Не верилось, не хотелось верить собственным ушам, но когда день сменила ночь, правду пришлось признать.

Они увидели ее сами: небо на востоке прочертила странная голубовато-красная комета с ярким ореолом вокруг головы и широким, веерообразным хвостом.

По всему небу в несметном количестве сверкали молнии, так что даже звезды померкли в страхе перед огненными линиями, что складывались в буквы и слова, пылая в ночной тьме жуткими надписями во весь горизонт.

Норби смотрел на них, потеряв дар речи от благоговейного страха, а лицо Хью приняло напряженный вид. Оба наблюдали, как из букв постепенно складывалось сообщение — сообщение такое простое, и в то же время неимоверно важное для человечества.

«Люди Земли, — начиналось оно, — теперь вы наши по праву завоевания. Отныне и навсегда вы принадлежите нам, Ктингу, известному вам как комета Норби. Вы не можете ни сразиться с нами, ни победить нас, ни ускользнуть от нас. Мы превосходим вас во всех отношениях. Время от времени, мы будем возвращаться и требовать причитающиеся нам жизни двадцати-пятидесяти тысяч обитателей Земли. Больше нам ничего не нужно, но мы настаиваем на дани и ее получим. Если вы начнете сопротивляться, мы возьмем больше. В следующий визит нам будут нужны Джон Ханби, президент Федеративных государств; Аксель Грюно, ваше ведущее научное светило; Цин Lo Хой, главнокомандующий международной армии, и Густав Норби из обсерватории Маунт-Вилсон. Вечером 27 августа 2332 года эти люди долж-

ны прибыть на вершину горы Уилсон. Если их там не окажется, мы заберем сто тысяч жизней вместо двадцати.

ФТАГУА, ПРАВИТЕЛЬ КТИНГА».

— Как это понимать? — испуганно выдохнул Хью. — Это безумие! Просто невероятно! И вы? Почему выбрали вас? Все это какая-то мистификация!

— Успокойся, Хью, — оборвал Норби своего возбужденного помощника. — По-видимому, на данный момент опасность миновала... и у нас есть целых пять лет для обсуждений. Это не мистификация.

— А что тогда, черт возьми?

— Произошло то, чего я давно боялся и о чем предупреждал людей, — устало ответил Норби. — Нам угрожают захватчики извне. Возможно, это означает конец человечества.

— Немыслимо! Мы будем бороться!

— Каким образом?

Хью не ответил.

— Мы даже не в состоянии добраться до кометы, — продолжал Норби. — И как бороться с совершенно чуждой формой жизни, о которой до сих пор почти ничего не известно?

— Если это жизнь.

— Это жизнь... и жизнь пугающе злобная.

— Да ну, наверняка мистификация! Откуда бы этим тварям знать английский? И как вы себе их представляете? Да их попросту невозможно объяснить!

— Верно, но ты кое-что не учитывашь. Сообщение появилось над Испанией на испанском, над Францией на французском, над Россией на русском и так далее. Каждая страна читала его на родном языке. Считаешь, шутка? На удивление умная шутка, если так. Не забывай, комета к нам уже прилетала. Я тогда выдвигал теорию, которую все восприняли в штыки. Короче говоря, Хью, кометой управляет совершенно незнакомая форма жизни, и она обладает куда большими знаниями и силами, чем мы. Это электрические существа, чистая энергия, обладающая разумом. Каким-то образом они питаются человеческими жизнями, человечес-

кой энергией. В свой первый визит они убили тысячи людей. Высосали из них жизнь. Вампиры, огненные вампиры — вот что они такое. А еще они высосали у своих жертв знания, разум, душу и мозг, чтобы изучить и понять Землю, прежде чем прилететь сюда во второй раз. Только не спрашивай, как они это сделали. Я лишь вижу результат и строю догадки. Эти твари каким-то образом подпитываются нашей жизненной силой, духом, энергией, название роли не играет. При этом они также абсорбируют все знания жертвы. Из десятков тысяч убитых они получили новую энергию для себя и громадный срез наших знаний, а то и все. Человек обречен. Земля стала рабыней огненных вампиров. Одному Богу известно, куда сейчас направляется комета. Возможно, к другим порабощенным мирам или на поиски новых, чтобы покорить их обитателей. Легко понять, почему вампиры выбрали Ханби, Грюно и Хоя — на сегодняшний день это три ведущих ума нашей планеты. Информацией об этом обладала любая из жертв. Однако очевидно и следующее: сами вампиры не в состоянии обнаружить конкретного человека, иначе не приказывали бы этим троим собраться в назначеннем месте.

— Но почему вас, Норби? Не понимаю!

— Видимо, потому, что они меня боятся. Никто, Хью, не поверил моим теориям и предостережениям, но прочли их многие. Вероятно, огненные вампиры рассудили, что раз уж я оказался настолько прозорливее остальных, то сумею найти способ им помешать. Эти твари могли бы дождаться, чтобы мы, четыре жертвы, сами собрались вместе и уничтожить нас одним махом, но им, похоже, понадобилось срочно улететь — либо же они настолько уверены в своих силах, что потребовали наши жизни просто в назидание остальным и могут себе позволить прождать несколько лет.

— И что нам теперь делать? Что мы вообще можем сделать?

— Не знаю, Хью, но ты мне понадобишься. У нас есть пять лет, и это совсем немного.

27 августа 2332 года Норби работал в обсерватории. Прощедшие годы были полны трудов, планов и проектов, но все они казались бесплодными. Воспоминания о панике, вызванной кометой, уже поблекли в умах людей. Были выдвинуты мириады гипотез, объясняющих этот феномен. Близился день, когда комета должна была вернуться, и весь мир снова охватило волнение... волнение, неуверенность и страх.

Норби, словно ожидая кого-то, выглядывал из-за тяжелого зеленого занавеса. Ученый выглядел постаревшим лет на десять: на его плечи лег тяжкий груз. Волосы быстро седели, лоб и лицо избороздили морщины.

На мгновение его лицо оживилось. Через несколько минут в дверь заброшенного склада, где прятался Норби, осторожно постучал Хью. Ученый впустил помощника внутрь.

— Все прошло гладко? — встревоженно спросил он.

— Да. Я пустил слух, что вы упали в реку на прогулке со мной и не смогли выбраться. Я не смог вам помочь из-за слишком крутых берегов, и где теперь искать ваше тело, не знаю. Пришлось задержаться: полиция допрашивала меня несколько часов, но в конце концов выпустила под подписку о невыезде.

— Отлично сработано! Ты уверен, что известие о моей смерти дошло до всех?

— Да. Телевидение уже передало эту новость.

— Еще что-нибудь узнал?

— Хэнби, Хой и Грюно уже в пути. К полудню будут в указанном месте. Без вас. Они твердо уверены в вашей смерти.

— Если бы это что-то давало, я был бы сейчас с ними, но, увы... За пять лет мир ни на шаг не приблизился к пониманию того, как дать отпор огненным вампирам. Если смерть этих троих убережет от бессмысленной гибели тысячи людей, их мученичество не будет напрасным. Вся раса под угрозой, Хью, и никто не вправе думать только о себе. Но я пытаю надежды. Это рискованный ход, и если я проиграю, мои

руки запятнает кровь тысяч людей, зато, если выиграю, этот ад закончится. И без твоей помощи мне никак не обойтись.

— Вы знаете, что можете на меня рассчитывать.

Хью подошел к одному из окон и, приподняв штору, выглянул наружу. Штора со щелчком свернулась.

— Скорее! — крикнул Норби. — Опустите штору, пока нас никто не увидел!

Однако было слишком поздно. Хью стал дергать непокруную штору. И вдруг на окно поднял глаза работник обсерватории, проходивший мимо. Норби нырнул в темный угол, надеясь остаться незамеченным — но тщетно! Лицо человека снаружи озарила улыбка узнавания, которая превратилась в гримасу агонии, когда вокруг него завертелись зыбкие полосы огненного узора.

— Они вернулись! — воскликнул Хью.

— И соломку подстилать поздно, — вздохнул Норби, и складки у его рта стали жестче. — Не вини себя, — добавил он, заметив понурый взгляд Хью. — Я мог бы и догадаться, что с этими допотопными шторами такое может случиться.

Остаток дня доказал ужасную правоту Норби. Двадцать тысяч жизней, если Норби, Грюно, Хой и Хэнби будут принесены в жертву. Так говорилось в послании. Сто тысяч, в случае неподчинения. К ночи в одной только Америке погибло много больше ста тысяч. Казалось, огненные вампиры обрушили всю свою ярость на страну, где жила одна из выбранных ими жертв. Норби знал: высосав жизнь того сотрудника обсерватории, огненные вампиры также вовбрали его последние впечатления — он сам и Хью, спрятавшиеся на складе.

Судьба взяла над Норби верх, но ученый не собирался сдаваться, даже когда с наступлением темноты в небе вспыхнуло еще одно огненное сообщение, в котором захватчики объявляли, что в следующий раз вернутся 17 июля 2339 года и угрожали истребить все население североамериканского континента, если не получат Норби. От ученого потребовали в этот день явиться туда, где встретили смерть Грюно и его спутники.

Норби смотрел на послание холодным, убийственным взглядом. Затем с полнейшим спокойствием позвал Хью, и они сделали кое-какие приготовления. Настроили гигантский зеркальный телескоп, чтобы следить за кометой, которая теперь победоносно пылала в зените, запустили силовую трубу Плецки, создавшую в воздушной прослойке над телескопом вакуумный канал диаметром в восемьсот дюймов.

Взглянув на неимоверно увеличенную комету, намного более близкую, чем Луна, Норби вскрикнул от удивления.

— Хью! Там, на раскаленном добела фоне, темнеет какое-то огромное строение!

Они вместе глянули в окуляр. Сквозь газовую ауру тускло мерцала почти расплавленная поверхность кометы. На ней темнело гигантское пятно — сказочно-нереальное здание фантастической архитектуры, со скругленными углами и мрачно-красивой чуждой геометрией, но других построек не было, как и следов огненных вампиров.

После долгого осмотра и сотен отснятых снимков, Норби озадаченно заключил:

— Что-то здесь кроется, но не могу понять что. Если бы только я мог связать концы с концами!

— В чем дело? — спросил Хью.

— В чем? Да ведь на комете всего одно здание, пусть и громадное, как целый город. Конечно, в нем может поместиться не одна тысяча огненных вампиров, но это выглядит странно. И разве не подозрительно, что они отправляются в набег на Землю и не оставляют никакой охраны, ни единого часового?

— Не так уж и странно. В строении может скрываться много такого, что мы не способны увидеть.

Норби с сомнением покачал головой. Факты наводили на мысль, что у огненных вампиров где-то есть слабина, ахиллесова пятна, которую они тщательно скрывают. Но где? По всему миру были сделаны бесчисленные фотографии огненных вампиров. Но как понять, который из них «Фтагуа, правитель Ктинга»?

— Эврика! — внезапно воскликнул Норби. — Нашел!

Хью посмотрел на него, словно на сумасшедшего:

— Нашли что?

— Слабину! Все огненные вампиры красноватые, а тот, которого видели мы, Фтагуа, голубоватый!

— Ну и что?

Дальнейшие объяснения Норби дать не пожелал.

* * *

Не мне рассказывать о социальном и экономическом коллапсе, из-за которого в 2332-2339 годах пошатнулся привычный порядок вещей. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что в целом наша цивилизация почти скатилась в ту трясину, из которой некогда с таким трудом поднялась. Большинство людей расценивали будущее появление кометы как Судный день. К фатализму добавлялось желание урвать за оставшиеся годы все мыслимые и немыслимые удовольствия, что привело к повсеместному хаосу. В мире процветали беззаконие, беспорядки, преступность и пороки всех мастей. Ученые, правда, работали как одержимые, пытаясь придумать новое оружие разрушения, расщепить атом, взять под контроль законы звездной механики, изобрести космические транспорты, чтобы, за неимением лучшего, переправить население Земли на другую планету, но времени было слишком мало. Тот период охарактеризовался повальным исходом из Америки, что привело к серьезному перенаселению соседних стран и вызвало в них нескончаемые бунты и погромы, перемежавшиеся военными конфликтами.

Норби вынашивал планы — тайные планы. Секретность отчасти объяснялась тем, что он вел игру с призрачными шансами на успех, отчасти тем, что залогом последнего была тайна, и отчасти тем, что его жизни постоянно грозила опасность. За отказ пожертвовать собой, подобно Грюно, Хэнби и Хою, ученого заклеймили как труса и предателя, считали напрямую ответственным за сотни тысяч смертей. Он столкнулся с серьезными препонами в работе, но воп-

реки тому, что сильно сдал физически и совсем поседел, каким-то образом трудился дальше с тем непоколебимым мужеством, которое человек обретает в глубочайшем отчаянии. Поговаривали о взрывных работах вокруг Маунт-Вилсон, но, согласно декрету правительства, вся гора была объявлена запретной зоной. На вершину, где стояла обсерватория, отправлялся один груженый состав за другим. По официальной версии, там велись ремонтные работы, в которых уже давно назрела нужда.

Но пусть те насыщенные событиями годы описывает кто-либо другой, а я сразу перейду к судьбоносному дню 17 июня 2339 года.

* * *

— Уверен, что правильно понял все указания? — озабоченно спросил Норби у Хью, стоявшего с ним на вершине горы Уилсона.

— Да, — и Хью кратко их повторил.

Седоволосый мужчина кивнул, и они заняли позиции.

На месте бывшей вершины теперь зиял глубокий кратер, как будто горе оторвало макушку извержением вулкана. Управляемые взрывы и тщательный камуфляж были делом рук человеческих и успешно справились с задачей — создать иллюзию, будто здесь произошел природный катаклизм. Недалеко от центра ямы лежало нечто вроде большого плоского валуна, на котором стоял Норби.

Стены кратера поднимались почти отвесно на пятьсот футов, до самого верха перемежаясь с ярусами уступов и площадок неправильной формы. Хью направился к самой широкой из них. Случайный зритель поразился бы, увидев, как он исчез, словно пройдя сквозь камень.

Укрывшись в тенях пещеры, Хью смотрел на Норби, невозмутимо стоявшего на валуне. Позади Хью начинался лабиринт механизмов, в том числе огромные генераторы, издававшие монотонный глухой гул. Перед ним было нес-

колько приборов, электро-интерферометр, способный в радиусе десяти миль обнаружить электрический разряд в атмосфере и, самое главное, — трехступенчатый переключатель.

Тянулись часы. Земля в кратере раскалилась под жаром солнца. Молчаливое ожидание нервировало обоих ученых. Их угнетала ответственность за эту последнюю попытку победить огненных вампиров — ответственность еще более тяжелая потому, что опираться приходилось лишь на теорию. Одна оплошность — и человеческая жертва, живая приманка в лице Норби, — встретит огненную смерть. Одна ошибка — и погибнут миллионы людей, опустеет целый континент.

Решающий день подходил к концу, солнце уже закатывалось, и от западных стен по неровному дну кратера ползли все более длинные тени. Приближались сумерки, а огненных вампиров и близко не было видно. В сердце Хью зародилась надежда.

Вдруг они не появятся! Вдруг комета развалилась на части в глубоком космосе... или ее одолела на просторах Вселенной более развитая раса... или огненные вампиры вообще блефовали и не собирались возвращаться.

С приходом темноты надежда Хью крепла. День выдался напряженным, и он чувствовал себя очень усталым, но с каждой минутой шансы на благополучный исход росли.

Он снова взглянул на ртутное зеркало, отражавшее небо, несмотря на тонны скал над головой.

В нем сияла комета, яркая и огромная, появившаяся будто из ниоткуда.

— Норби! Она прилетела! — заорал он. Усталость как рукой сняло.

Хью посмотрел на электро-интерферометр. Стрелка прыгала как сумасшедшая.

Затем он взглянул на кратер и у него упало сердце. Над ямой грозно плыл огромный клубок голубоватых молний. Он словно что-то подозревал и в то же время жаждал добычи. В темноте Хью не видел лица Норби — и не хотел быть свидетелем его гибели, если случится худшее.

Зловещий клубок завис высоко над жертвой, сжался и... обрушился вспышкой света, собираясь обвить Норби кольцами живого огня.

Хью, уже державшийся за трехступенчатый переключатель, дернул его судорожным движением. Раздались три резких отрывистых щелчка.

Первый щелчок, и Норби провалился в люк, а ленты голубоватой энергии лихорадочно заметались в поиске пропавшей добычи.

Второй щелчок, и по периметру кратера взметнулась плотная стена огня, которая, сомкнувшись, вскоре накрыла его куполом раскаленного добела жара.

Внезапно ощущив опасность, голубоватый огненный вампир Фтагуа метнулся ввысь, но было поздно — словно зверь в ловушке, он замер перед сплошной стеной пламени, испуская пронзительные крики и шипение.

Третий щелчок, и сотни электрических стрел с ревом вырвались из сотен изрезанных скальных уступов. Миллионы вольт с оглушительным треском и рокотом затопили кратер адской приливной волной. В жутком безумном блеске гигантских перекрещенных молний огненный вампир извивался, отчаянно пытаясь улизнуть, но в следующий миг ревущее электричество с треском прошило его. Титаническая вспышка короткого замыкания, а затем — чернота чернее самой тьмы.

Вспышка в небесах озарила весь мир, пламя объяло землю, и огненные вампиры все как один, корчась в муках, испарились в раскаленном белом сиянии.

* * *

Вот так исчезли огненные вампиры... сгинули навсегда. Комета теперь спутница Земли, у них идентичный период вращения, поэтому каждой ночью она появляется над восточным горизонтом и пылает высоко в небе.

Я пишу, а передо мной лежит письмо Норби, присланное в ответ на мой запрос. Похоже, уместнее всего закончить рассказ выдержкой из него.

«Вы спрашиваете, как удалось победить огненных вампиров? Могу только сообщить, что в основе лежали догадки, а также много везения, которое важно не менее, чем теоретическая подготовка. Меня заинтересовали некоторые факты. Почему на комете было только одно здание? Почему не осталось стражи? Почему все огненные вампиры были красноватыми и лишь один — голубым?

Мне в голову пришла одна мысль — так называемый выстрел наугад. Ответ в том, сказал я себе, что голубой вампир — это Фтагуа, правитель Ктинга. И существует только один огненный вампир! Каким-то образом эта чудовищная нечеловеческая сущность выросла в единое целое, состоящее из индивидуумов, в расщепляющийся организм, который тем не менее может умереть, если убить его основной компонент. Им, как я понимал, наверняка был Фтагуа. Все красные вампиры — его конечности, щупальца, части, способные на ограниченной территории вести себя как отдельные индивидуумы, но связанные с родителем невидимыми энергетическими узами.

Если мои предположения верны, рассуждал я, достаточно уничтожить только Фтагуа, и бесчисленные части этого странного организма неизбежно погибнут. Поскольку это существо — чистая энергия, такая же чистая энергия может его замкнуть или рассеять, «заземлить», если выражаться в терминах земной науки. Вместе с Хью, мы разработали в деталях план, как замаскировать вокруг кратера аноды и катоды для переноса громадного заряда. Результат вам известен.

Опасность миновала, но я невольно чувствую определенное уважение к существу, чей неимоверный блеф почти убедил целую планету в том, что огненных вампиров миллионы, тогда как на самом деле был лишь один — Фтагуа, правитель Ктинга».

Кэтирии Мур
Шамбла

Человек некогда покорял Космос. Можете в этом не сомневаться. Когда-то, еще до египтян, в той незапамятной древности, откуда доносится эхо овеянных мифами имен — Атлантида, *Му*, — когда-то, на заре истории, существовала эпоха, когда люди, как и сегодня, строили города из стали, и направляли в небо звездные корабли, и называли планеты на языке их обитателей. Они слышали, как жители Венеры, обладавшие языком мягким, сладкозвучным и певучим, называли свой влажный мир «Ша-ардол». Они произносили гортанное «Лаккдиз», подражая хриплому и жесткому наречию туземцев с иссохших равнин Марса. Можете в этом не сомневаться. Человек некогда покорял Космос, и слабое, далекое эхо тех древних завоеваний еще звучит в мире, позабывшем о самом существовании цивилизации, которая ни в чем не уступала нашей. Нет места для сомнений, когда нам известно столько мифов и легенд. Миф о Медузе, к примеру, никогда не мог бы взрасти на земной почве. Предание о змееволосой Горгоне, чей взгляд обращал в камень всякого, кто осмеливался посмотреть на нее, не могло быть связано с существом, когда-либо жившим на Земле. Видимо, древние греки, поведавшие нам эту историю, смутно и почти не веря вспоминали древнюю легенду о странном существе с одной из чужих планет, по которой когда-то ступали их далекие предки.

— Шамбло! А-а... Шамбло!

Дикие истерические вопли толпы отлетали от стен и прыгали по узким улочкам Лаккдара. Топот тяжелых сапог по красноватому гравию зловеще подчеркивал готовый обрушиться рев:

— Шамбло! Шамбло!

Нортвест Смит услышал крики и отступил под арку ближайших ворот, настороженно сжимая рукоятку лучевого пистолета. Его бесцветные глаза сузились. Непривычные звуки не так редко раздавались на улицах этой последней земной колонии на Марсе — грубого, выстроенного из красного камня городка, где могло случиться что угодно, и очень часто случалось. Но Нортвест Смит, чье имя знали во всех кабаках и са-

мых диких пограничных селениях на дюжине диких планет, был человеком осторожным, несмотря на свою репутацию. Он прислонился спиной к стене, покрепче сжал рукоятку пистолета и прислушался к нарастающему реву.

И вдруг перед его глазами появилась красная фигурка. Она неслась по узкой улице, как затравленный заяц, от одного укрытия к другому. Это была девушка — смуглая, даже коричневая, как кофейное зерно, девушка. На ней было только разорванное платье, чей ярко-красный цвет резал глаза. Девушка бежала с трудом, и до Смита доносилось ее прерывистое дыхание. Она подбежала ближе, на миг остановилась, оперлась рукой о стену и стала судорожно озираться в поисках убежища. Должно быть, она не заметила Смита под аркой: когда крики зазвучали громче и топот ног раздался почти за углом, она испустила отчаянный короткий стон и бросилась в проем, прямо на него.

Завидев Смита, рослого и дочерна загорелого, с рукой на лучевом пистолете, девушка еле слышно всхлипнула и упала к его ногам грудой алых лохмотьев и голого, коричневого тела.

Смит не разглядел ее лица, но она была девушкой, к тому же мило сложенной, и вдобавок ей угрожала опасность. Смит был далеко не рыцарем, но что-то в этом отчаявшемся комке у его ног затронуло ту струнку сочувствия к слабым и преследуемым, что бьется в сердце каждого землянина. Он легонько подтолкнул девушку в угол позади себя и выхватил пистолет, когда из-за угла выскочили первые из бегущих.

Это было пестрое собрание: земляне, марсиане, приправленные горсткой венерианцев с болот и странных, безымянных жителей безымянных планет — типичный для Лаккдара уличный сброд. Передние, завернув за угол и увидев пустое пространство мостовой, замедлили бег, рассеялись и стали осматривать все закоулки и дверные ниши по обе стороны улицы.

— Что ищем? — издевательский голос Смита перекрыл шум толпы.

Головы повернулись. Крики стихли, и преследователи уставились на высокого землянина в кожаных доспехах космического разведчика. На решительном, почерневшем под лучами далеких солнц и покрытом шрамами лице Смита пугающе выделялись лишь бесцветные глаза, твердая рука сжимала пистолет. За ним, скорчившись, тяжело дышала девушка в алом платье.

Вожак толпы, дюжий землянин в изорванной кожаной форме со споротыми нашивками Патруля, обвел взглядом обоих, и странное, недоверчивое выражение сменило на его лице дикарскую радость погони.

— Шамбло! — гулко закричал он и кинулся вперед.

— Шамбло! Шамбло! Шамбло! — подхватила толпа и бросилась вслед за ним.

Смит небрежно опирался о стену, скрестив руки и свесив правую, с пистолетом, поверх левого предплечья. Могло показаться, что он неспособен действовать быстро, но стоило вожаку сделать шаг, как пистолет умело описал полукруг и ослепительный бело-голубой тепловой луч, вырвавшись из дула, прочертил дугу у ног Смита. Это был знакомый всем жест, и все в толпе понимали его смысл. Передние быстро попятались, задние напирали, и на минуту, когда две волны столкнулись, в толпе возникла давка. Смит наблюдал, мрачно кривя губы. Человек в изодранной форме Патруля угрожающе поднял кулак и подошел вплотную к смертоносной линии. Толпа за его спиной колыхалась взад и вперед.

— Хочешь пересечь черту? — негромко и зловеще поинтересовался Смит.

— Нам нужна эта девка!

— Так иди и возьми ее! — и Смит дерзко усмехнулся в лицо вожаку. Он сознавал опасность, и его вызывающая манера не была такой безрассудной, как можно было подумать. Смит обладал богатым опытом стычек с толпой и стал в этом деле настоящим психологом. Сейчас он не ощущал в толпе жажды убийства. Ни одна рука не схватилась за пистолет. Эти люди преследовали девушку с необъяснимой, непонятной ему кровожадностью, но по отношению к себе Смит не чувствовал такой ярости. Может, ему попытаются

намять бока, но убить — вряд ли, иначе громилы давно бы выхватили оружие. И Смит продолжал ухмыляться в злобное лицо их предводителя, лениво опираясь о стену.

Толпа нетерпеливо переминалась позади своего самозванного вожака. Снова зазвучали угрожающие голоса. Смит услышал, как девушка у его ног застонала.

— Зачем она вам?

— Она Шамбло! Шамбло, кретин! Наподдай ей, пусть вылетит сюда. Мы о ней позаботимся!

— Я сам о ней позабочусь! — протянул Смит.

— Она — Шамбло, говорю тебе! Черт тебя подери, мы никогда не оставляем в живых этих тварей! Выбрось ее к нам!

Имя, повторявшееся снова и снова, ничего не говорило Смиту, однако его врожденное упорство взяло верх, когда толпа придвинулась к самой границе и зашумела еще громче.

— Шамбло! Вышвырни ее сюда! Отдай нам Шамбло! Шамбло!

Смит, как сбрасывают плащ, вдруг стряхнул с себя вялую позу, расставил ноги и грозно поднял лучевой пистолет.

— Назад! — закричал он. — Она моя! Назад!

Он не собирался в них стрелять. Смит уже понял, что его не убьют, если только он первым не начнет перестрелку, и не намеревался отдавать жизнь за какую-либо девушку, в том числе и эту. Но он ожидал порядочной драки и машинально напряг мышцы, поглядывая на разъяренную толпу.

К удивлению Смита, вдруг произошло нечто неожиданное — такое, чего он никогда прежде не видел. Не успел он прокричать свой вызывающий ответ, как передние — яснее других расслышавшие слова Смита — немного отступили. Не в испуге, а с явным удивлением.

— Твоя! Она твоя? — спросил бывший патрульный. Недоумение вытеснило гнев из его голоса.

Смит шире расставил ноги в сапогах, заслоняя скрочившуюся фигурку, и помахал пистолетом.

— Да! — сказал он. — И она останется со мной! Отойди-те назад!

Вожак молча смотрел на Смита, и ужас на его обветренном лице смешивался с отвращением и изумлением. Изумление на миг победило, и он снова повторил:

— Твоя?

Смит вызывающе кивнул.

Вожак внезапно отступил, всем своим видом выражая бесконечное презрение. Он махнул толпе рукой и громко сказал:

— Она принадлежит ему!

Толпа расслабилась, все замолчали. На лицах медленно проступало презрительное выражение.

Бывший патрульный сплюнул на гравий и равнодушно повернулся к Смиту спиной.

— Ну и держи ее при себе! — бросил он через плечо. — Но больше не выпускай ее шляться по нашему городу!

Исполненная презрения толпа начала расходиться. Смит смотрел, чуть не раскрыв от удивления рот и ничего не понимая. Мысли смешались. Он был не в силах поверить, что такая кровожадная враждебность могла испариться в одно мгновение. Странное сочетание презрения и отвращения на лицах в толпе тем более ставило в тупик. Лаккадарол был чем угодно, но никак не пуританским городом, и Смиту даже в голову не могло прийти, что его притязания на смуглую девушку способны были вызвать в толпе такое непонятное потрясение и отвращение. Нет, речь шла о чем-то более глубоком. На лицах он видел подсознательное, мгновенное отвращение — люди были бы не так поражены, признайся он в каннибализме или принадлежности к культу Фарола.

И удалялись они от Смита так поспешно, словно его неведомый грех был заразным. Улица стремительно опустела. Прилизанный венерианец оглянулся через плечо, поворачивая за угол, и глумливо выкрикнул: «Шамбло!» Слово вновь заставило Смита задуматься. Шамбло! Видимо, что-то французское. Довольно странно слышать такое от венерианца или марсианина с высохших равнин. Не менее странным показался Смиту смысл, который они вкладывали в это слово. Как там сказал бывший патрульный? «Мы никогда не оставляем в живых этих тварей!» Что-то это смутно напо-

минало... какую-то строку из древней книги на родном языке... «Ворожеи не оставляй в живых». Смит про себя усмехнулся сходству и в ту же минуту осознал, что девушка стоит рядом.

Она бесшумно поднялась на ноги. Он повернулся и глянул на нее, пряча пистолет в кобуру — и продолжал рассматривать ее, сперва с любопытством, затем с тем неприкрытым удивлением, с каким люди смотрят на что-то не вполне человеческое. Ибо она не была человеком. Это он понял с первого взгляда, хотя смуглое нежное тело было совсем как женское, а алое платье — кожаное, отметил Смит — сидело на ней с изяществом, доступным лишь немногим женщинам. Он понял это, когда заглянул в ее глаза и беспокойная дрожь пробежала по его телу. Глаза ее были ярко-зелеными, как молодая трава, с постоянно пульсирующими, узко прорезанными кошачьими зрачками, и в глубинах ее глаз затаилась темная, звериная мудрость — взгляд зверя, видящего больше и дальше, чем человек.

На ее лице не было никаких волос, ни бровей, ни ресниц, и Смит готов был поклясться, что тугой ярко-красный тюрбан на ее голове скрывает лысину. На ногах и руках у нее было по четыре пальца, и все шестнадцать пальцев были снабжены округлыми когтями, втягивавшимися внутрь, как у кошки. Она облизнула губы язычком — тонким, розовым, плоским язычком, таким же кошачьим, как ее глаза — и с трудом заговорила. Смиту показалось, что ее горло и язык не были приспособлены для человеческой речи.

— Теперь... не бояться, — тихо проговорила она, показывая маленькие и острые, как у котенка, зубы.

— Зачем ты им понадобилась? — с любопытством спросил Смит. — Что ты натворила? Шамбло... это твое имя?

— Я... не говорить... твой язык, — запинаясь, произнесла она.

— Хотя бы попытайся. Я хочу знать. Почему они гнались за тобой? Тебе ничего не грозит сейчас на улице или лучше тебе укрыться где-нибудь в доме? Эти люди выглядели опасными.

— Я... идти с тобой, — с усилием выдавила она.

— Да что ты говоришь! — ухмыльнулся Смит. — Кто ты вообще такая? Похожа на котенка, если меня спросить...

— Шамбло, — печально ответила она.

— Где ты живешь? Ты с Марса?

— Я приходить... издалека... из давних времен... из далекой страны...

— Погоди! — рассмеялся Смит. — Ты говоришь что-то путаное. Значит, ты не с Марса?

Она выпрямилась и высоко подняла голову в тюрбане. В ее позе было что-то царственное.

— С Марса? — повторила она с презрением. — Мой народ... мы... мы... у вас нет такого слова. Ваш язык... трудно для меня.

— А твой? Может быть, я знаю его. Давай попробуем.

Она вздернула голову и посмотрела ему прямо в глаза, и в ее взгляде, Смит побился бы об заклад, промелькнул еле заметный насмешливый огонек.

— Когда-нибудь... я... говорить с тобой... на моем языке, — пообещала она, и ее розовый язычок быстрым, голодным движением облизнул губы.

Звук приближающихся шагов на красной мостовой помешал Смиту ответить. Мимо, покачиваясь, в облаке перегара сегир-виски — дешевого венерианского пойла — проходил марсианин с равнин. Заметив под аркой красную вспышку платья девушки, он резко повернул голову. Затуманенный сегиром мозг осознал увиденное, и пьяница, шатаясь, шагнул к арке.

— Шамбло, клянусь Фаролом! Шамбло! — заорал он и протянул к девушке руку, шевеля пальцами.

Смит презрительно оттолкнул эту руку.

— Иди своей дорогой, — посоветовал он.

Марсианин отшатнулся и уставился на Смита слезящимися глазами.

— Твоя, да? — прохрипел он. — Зум! Желаю тебе позависеть!

И, как бывший патрульный, он сплюнул на гравий и отвернулся, хрюкнув бормоча кощунственные ругательства на

языке высохших марсианских равнин.

Смит наблюдал, как пьяница побрел по мостовой. Над его бесцветными глазами появилась морщинка, а в душе шевелилось невнятное, беспокойное чувство.

— Пойдем! — кинул он девушке. — Если и дальше так пойдет, лучше убраться с улицы. Куда тебя отвести?

— С... тобой... — пробормотала она.

Он посмотрел в ее округлые зеленые глаза. В этих не-престанно пульсирующих зрачках было что-то тревожное, и в то же время ему смутно чудилось, что под животной поверхностью ее взгляда скрывается какая-то преграда, завеса, что может в любой момент распахнуться и явить сокровенные глубины того темного, потаенного знания, которое он в ней ощутил.

— Тогда пойдем! — грубо повторил он и вышел на улицу.

Она семенила за ним, отставая на шаг или два и не пытаясь поспеть за его длинными шагами, и хотя Смит — как было известно многим от Венеры до спутников Юпитера — даже в сапогах астронавта двигался бесшумно, как кошка — девушка скользила за ним по разбитой мостовой, словно тень, и так беззвучно, что даже его легкие шаги отдавались эхом на пустынной улице.

Смит выбирал наименее оживленные улицы Лаккдарола и с некоторым стыдом благодарил своих безымянных богов за то, что его жилище находилось не слишком далеко: немногочисленные встречные прохожие и без того поворачивались и провожали их взглядами, полными уже знакомого, но по-прежнему непонятного ужаса и презрения.

Смит снимал одноместную выгородку в очлежке на окраине города. В те дни Лаккдарол был примитивным лагерем колонистов и едва ли мог предоставить что-то лучше, а трезвонить о своих делах Смит вовсе не желал. Ему приходилось ночевать и не в таких местах, и еще доведется, это-то он знал.

Никто не заметил, как они вошли. Девушка скользнула вслед за ним вверх по лестнице и исчезла в двери, как тень, невидимая для остальных постояльцев. Смит запер дверь,

прислонился к ней широкими плечами и стал задумчиво рассматривать девушку.

Одним взглядом она обвела жалкую обстановку комнаты — неряшливую постель со скомканными простынями, шаткий стол, криво висящее и треснувшее зеркало, некрашеные стулья — весь комфорт поселения земных колонистов. Равнодушно приняв эту бедность, она подошла к окну и на миг высунулась, глядя поверх низких крыш на голую равнину и красный шлак в лучах предвечернего солнца.

— Можешь оставаться здесь, — прервал молчание Смит, — пока я не уеду. Я жду друга с Венеры. Есть не хочешь?

— Нет, — быстро ответила девушка. — Я... не нуждаюсь... в еде... некоторое время.

— Ладно... — сказал Смит и оглядел комнату. — Я вернусь вечером. Можешь уйти или оставаться, в общем, как хочешь. Лучше запри за мной дверь.

Без дальнейших проволочек он повернулся и вышел. Он слышал, как дверь захлопнулась и ключ повернулся в замке. Смит улыбнулся себе под нос. Он не думал, что увидит ее снова.

Он спустился по лестнице и вышел под косые лучи заходящего солнца. Ему было о чем подумать, и смуглая девушка вскоре отступила на задний план. О делах Смита в Лаккароле, как и о большинстве его дел, лучше не рассказывать. Человек живет, как может, и опасная жизнь Смита проходила вне закона, а единственным судьей в ней был лучевой пистолет. Достаточно сказать, что в этот момент его чрезвычайно интересовал космопорт и грузы, отправляемые оттуда на другие планеты, а другом, которого он ждал, был Ярол-венерианец — тот самый Ярол, носившийся с умопомрачительной скоростью между мирами на своем маленьком и юрком эдзеловском кораблике «Дева», издаваясь над катерами Патруля и оставляя преследователей безнадежно трепыхаться в космическом эфире. Смит, Ярол и «Дева», единые в трех лицах, в прошлом причинили командирам Патруля достаточно неприятностей и обошли слугам закона в немалое количество седых волос; будущее же в тот вечер казалось Смиту весьма и весьма многообещающим.

По ночам Лакқдарол кипел и бурлил, как любой лагерь колонистов на любой планете, куда успела дотянуться Земля. Смит шел к центру, загорались огни, и веселье только начиналось. Цель его вечернего похода нас не касается. Он

смешивался с толпой там, где огни горели ярче всего, где постукивали шары из слоновой кости и позвякивало серебро, а красный сегир с заманчивым бульканьем лился из черных венерианских бутылок. Поздно ночью Смит брел домой:

спутники Марса пошатывались в небе, а если улица время от времени качалась у него под ногами, то это вполне объяснимо. Даже Смит не мог твердо держаться на ногах, отведав красного сегира во всех барах от «Марсианского ягненка» до «Нового Чикаго». Но дорогу домой, учитывая все это, он нашел без особых затруднений и минут пять, стоя перед дверью, шарил по карманам в поисках ключа — пока не вспомнил, что оставил его в замке, для девушки.

Он постучал. Шагов он не услышал, но замок вскоре щелкнул и дверь отворилась. Девушка бесшумно отступила, когда он входил, и заняла свое любимое место у окна. Стоя у подоконника, она четко выделялась на фоне звездного неба. В комнате было темно.

Смит повернул выключатель у двери и прислонился к раме, приходя в себя. Холодный ночной воздух немного отрезвил его, и голова была вполне ясной — выпивка, как правило, ударяла ему в ноги, а не в голову, иначе Смит ни за что далеко не продвинулся бы по стезе беззакония, которую избрал для себя. Опираясь о раму, он рассматривал девушку в неожиданно ярких лучах лампы, чуть слепивших глаза, как и ярко-красное пятно ее одежды.

— Значит, ты осталась, — сказал он.

— Я... ждать... — тихо ответила она, откинувшись назад и сжимая грубо дерево своими тонкими четырехпалыми руками, казавшимися светло-коричневыми на фоне ночной темноты.

— Почему?

Она не ответила, но ее губы медленно изогнулись в улыбке. У женщины это означало бы ответ — манящий, вызывающий ответ. Но у Шамбло в этой улыбке было что-то жалкое и ужасное — человеческое выражение на лице полуживотного. И все же... это нежное, смуглое, бархатисто-коричневое тело с мягкими округлостями, проглядывающее сквозь прорехи изорванного кожаного платья, и белозубая улыбка... Смит почувствовал, как в нем поднимается волнение. Ярола придется дожидаться еще долго, а время тянется так медленно. Он задумчиво скользил по девушке светло-стальными глазами, медленно, ничего не упуская. И когда он за-

говорил, голос его зазвучал глуше.

— Иди сюда, — сказал он.

Она медленно двинулась вперед, ступая совершенно бесшумно своими босыми когтистыми ногами, и остановилась перед ним, опустив глаза. Ее рот дрожал в той же трогательно человеческой улыбке. Он взял ее за плечи, бархатно-мягкие и непредставимо гладкие — таким никогда не бывает человеческое тело. Смит почувствовал, как она чуть задрожала под его руками. Он отрывисто вздохнул и притянул ее к себе... нежное, податливое, смуглое тело в его объятиях... услышал, как она тоже вздохнула и задышала быстрее, когда ее бархатистые руки обвились вокруг его шеи. И вот он уже смотрел вниз, на ее лицо, ставшее вдруг совсем близким, и зеленые звериные глаза с пульсирующими зрачками и искоркой чего-то затаенного в глубине встретились с его взглядом, и сквозь нарастающее биение крови, приближая губы к ее губам, Смит ощущил, как нечто глубоко в нем содрогнулось — необъяснимо, инстинктивно, с отвращением. Он не смог бы выразить это словами, но ее прикосновения, такие мягкие, бархатистые, нечеловеческие — внезапно показались ему отталкивающими. К его губам словно тянулся звериный лик, темное знание голодным взором смотрело из этих вертикальных зрачков, и на миг его охватило то же дикое, лихорадочное отвращение, что он видел на лицах в толпе...

— Боже! — выдохнул он, произнося, не осознавая этого — ни тогда, ни потом — древнейшее заклинание против зла. Он оторвал руки девушки от своей шеи и оттолкнул ее с такой силой, что она отлетела на середину комнаты. Смит упал спиной на дверь и тяжело дышал, чувствуя, как постепенно проходит безумный порыв отвращения.

Она опустилась на пол под окном и сидела у стены, склонив голову на грудь. Смит с удивлением заметил, что ее тюрбан — который, как он был убежден, прикрывал лысину — съехал набок, и из-под складок показался локон волос, таких же альых, как ее одежда, таких же нечеловеческих, как ее глаза. Он ошарашенно помотал головой и снова присмотрелся — ему показалось, что этот густой локон красных

волос сам по себе задвигался и прильнул к ее щеке.

Когда локон коснулся щеки, ее руки взлетели вверх. Совсем человеческим движением заправила локон под тюрбан и опустила голову на руки. Смиту почудилось, что она тайком наблюдала за ним сквозь глубокие тени своих пальцев.

Он сделал глубокий вдох и вытер рукой лоб. Необъяснимое мгновение прошло так же быстро, как и наступило, слишком быстро, и он не успел ничего понять или уяснить для себя.

— Пора кончать с сегиром, — неуверенно пробормотал он. Неужели он вообразил этот алый локон? В конце концов, она — всего лишь красивое смуглое существо женского пола, принадлежащее к одной из многих получелюческих рас на планетах Солнечной системы. И не более того. Хорошенькое, маленькое... животное. Смит немного нервно рассмеялся.

— Довольно всего этого, — сказал он. — Бог ведает, что я не ангел, но всему есть предел. Вот!

Он подошел к кровати, выудил из скомканной кучи белья два одеяла и бросил их в дальний угол комнаты.

— Ты можешь спать там.

Она молча поднялась с пола и с непонимающей звериной покорностью, читавшейся в каждой линии ее тела, стала разворачивать одеяла.

Той ночью Смиту приснился странный сон. Он будто бы проснулся, и комната была наполнена тьмой, лунным светом и движущимися тенями, ибо ближайший спутник Марса несся по небу и во тьме на планете под ним беспокойно шевелилась жизнь. И нечто... что-то безымянное и непредставимое... обвилось вокруг его шеи... что-то похожее на мягкую змею, влажное и теплое. Оно лежало на его горле расслабленно и легко... и двигалось тихо, очень осторожно, с мягким, ласкающим нажимом, и каждый нерв, каждая жилка Смита трепетали от восторга — опасного восторга, что был острее физического наслаждения, глубже духовной радости. Эта мягкая теплота обволакивала его чудовищной близи-

зостью, лаская самые корни его души. Экстаз нахлынул и оставил его обессиленным, и все же он понял — вспышка озарения пришла из того же невероятного сна — что не должен предаваться ему душой... И с этим знанием в него вторгся ужас, превращая наслаждение в отвратительный, мерзкий, жуткий и все же бесконечно сладостный восторг. Он силился поднять руки и оторвать от горла чудовище из сна — пытался, но не слишком усердствовал: хотя душу его сотрясало отвращение, тело испытывало такое блаженство, что руки отказывались повиноваться. Он снова попытался поднять руки и с ледяной дрожью почувствовал, что не может пошевелиться... его тело лежало под одеялами, как камень, как живая, но недвижная мраморная статуя, напрягшись и содрогаясь до основания в омерзительном восторге.

Отвращение нарастало, он боролся с оцепенением сна в титанической битве духа со слабеющим телом, пока в кружящейся тьме не простили светлые полосы; наконец они сгустились вокруг и окутали его, и он снова впал в забытье, что предшествовало пробуждению.

Наутро его разбудили яркие солнечные лучи, пронизывающие разреженный и чистый воздух Марса. Смит лежал, припоминая. Сон казался ярче и жизненней яви, но подробностей Смит не запомнил — только то, что ночной кошмар был приятней и ужасней всего им изведанного. Некоторое время он продолжал лежать, задумавшись; потом его отвлек тихий шорох в углу, он сел на кровати и увидел девушку. Свернувшись, как кошка, она лежала на своих одеялах и смотрела на него круглыми серьезными глазами. Он оглядел ее не без жалости.

— Доброе утро, — сказал он. — Мне приснился какой-то дьявольский сон... Ну что, проголодалась?

Она молча покачала головой, и он мог бы поклясться, что ее глаза украдкой заискрились странным весельем.

Смит потянулся, зевнул и прогнал сон из памяти.

— Что мне с тобой делать? — спросил он, вспомнив о более насущных делах. — Через день или два я уеду. С собой я тебя взять не могу, сама понимаешь. Кстати, откуда ты родом?

— Не хочешь говорить? Ладно, твоё дело. Можешь оставаться здесь, пока я не сдам комнату. Тогда тебе придется самой о себе заботиться.

Он спустил ноги на пол и потянулся к одежде.

Через десять минут, сунув лучевой пистолет в кобуру у бедра, Смит повернулся к девушке.

— В коробке на столе пищевые концентраты. Тебе хватит до моего возвращения. И лучше опять запри дверь, когда я уйду.

Неподвижный взгляд ее широко раскрытых глаз был единственным ответом. Смит не был уверен, поняла ли она — но замолк щелкнул, как и раньше, когда он вышел. Смит с легкой ухмылкой заторопился вниз по лестнице.

Вспоминание о необычайном сне мало-помалу покидало его, как обычно бывает, и на улице сложности предстоящей задачи вытеснили мысли о девушке, о сне и всем прочем, случившемся накануне.

Хитроумный план, который привел Смита на Марс, требовал полной концентрации внимания. Он выбросил из головы все остальное и занялся делом, и любое его действие с того момента, как он вышел на улицу, и до возвращения домой вечером имело свою причину. Но если бы кто-нибудь решил проследить за Смитом в течение дня, ему показалось бы, что тот бесцельно шатался по Лаккдаролу.

Часа два Смит ошивался у космопорта, наблюдая сонными бесцветными глазами за садящимися и вылетающими кораблями, пассажирами, ракетами в доках и потоком грузов — особенно грузов. Он еще раз обошел городские бары и отведал немало разнообразных напитков; при этом он лениво заговаривал с представителями всех рас и миров, чаще всего обращаясь к ним на их родных наречиях, ибо славился среди современников доскональным знанием языков. Он услышал последний анекдот об императоре Венеры, последние новости с театра китайско-арийской войны и последнюю песенку Розы Робертсон, «Розы Джорджии», как называло ее восхищенное мужское население всех цивилизованных планет. В общем, день он провел с пользой для своих дел, которые нас сейчас не касаются, и лишь поздно вечером,

возвращаясь домой, отчетливо вспомнил о смуглой девушке, хотя мысль о ней, бесформенная и неясная, весь день таилась в глубине его сознания.

Смит понятия не имел, чем ее можно накормить. Он купил жестянку с нью-йоркским ростбифом, банку венерианского лягушачьего отвара, дюжину свежих яблок и два фунта земного салата, который так пышно разросся на плодородной почве каналов Марса. Среди этого изобилия продуктов она наверняка найдет что-нибудь себе по вкусу, решил он. День выдался очень удачным и, поднимаясь по лестнице, Смит на удивление музыкальным баритоном мурлыкал себе под нос «Зеленые холмы Земли».

Дверь была заперта, как и раньше, и ему пришлось негромко постучать сапогом по нижней доске, так как руки у него были заняты. Она, двигаясь все так же беззвучно, отворила и смотрела на него в полутьме, пока он, спотыкаясь, шел к столу с грузом продуктов. Лампу она опять не зажгла.

— Почему ты не зажигаешь свет? — раздраженно спросил он, ударившись ногой о стоявший у стола стул, когда пытался избавиться от своей ноши.

— Светло и... темно... все равно... мне, — пробормотала она.

— Кошачьи глаза, да? Ты и выглядишь, как кошка. Вот, я принес тебе ужин. Выбирай. Любишь ростбиф? Или немного лягушачьего отвара?

Она покачала головой и отступила на шаг.

— Нет, — сказала она. — Я не могу... есть... твою еду.

Смит нахмурился.

— И таблетки концентрата не ела?

Красный тюрбан снова отрицательно качнулся.

— Так у тебя во рту и крошки не было больше... получается, больше суток! Ты, верно, умираешь от голода.

— Не голодная, — возразила она.

— Чем же тебя кормить? Лавки еще открыты, но нужно поторопиться. Тебе надо поесть, детка.

— Я поем... — тихо сказала она. — Скоро я буду... буду... кормиться. Не имей... беспокойства.

Затем она отвернулась, подошла к окну и стала глядеть на освещенный луной пейзаж, будто хотела закончить разговор. Смит бросил на девушку озадаченный взгляд и вскрыл жестянку с ростбифом. В ее словах прозвучала странная нотка, и чем-то эта нотка Смиту не понравилась. В конце концов, у девушки были зубы и язык, и ее пищеварительная система, судя по телу, походила на человеческую. Почему же она несет всякую чепуху и притворяется, будто для нее невозможно найти подходящую еду? Наверное, все же проглотила пару таблеток концентрата, подумал Смит, открывая термическую крышку внутреннего контейнера и вдыхая вырвавшийся наружу запах горячего мяса.

— Ну, если не хочешь ничего есть, тебе ничего не достанется, — философски заметил он.

Смит налил горячую похлебку в похожую на тарелку термическую крышку, бросил туда же кубики говядины и извлек ложку, спрятанную между контейнерами. Девушка чуть повернулась к нему и смотрела, как он придвигнул к столу шаткий стул и принял за еду. Смита раздражал неотрывный, немигающий взгляд ее зеленых глаз, и наконец он спросил, кусая большое яблоко с канала:

— Почему бы тебе не попробовать? Это вкусно.

— Моя... еда... вкуснее, — запинаясь, пробормотала она мягким голосом, и он снова скорее почувствовал, чем услышал едва заметную неприятную нотку в ее словах. Внезапное подозрение закралось в него, когда он задумался о ее последнем замечании — какое-то туманное воспоминание о жутких историях, которые он слышал у лагерных костров. Он повернулся на стуле и посмотрел на нее, ощущив легкий укол необъяснимого, нарастающего страха. В ее словах, тех, что она не произнесла, чувствовалось что-то угрожающее...

Девушка робко стояла под его взглядом и смотрела ему в глаза, не мигая, своими широко распахнутыми зелеными глазами с пульсирующими зрачками. Но губы у нее были алые, зубы — острые...

— Чем же ты питаешься? — требовательно спросил он.

И, помолчав, очень тихо добавил:

— Кровью?

Миг она продолжала смотреть на него, не понимая; после что-то похожее на усмешку изогнуло ее губы и она с презрением сказала:

— Ты думаешь, я... вампир, да? Нет... я — шамбло!

Предположение Смита она явно встретила с презрением и насмешкой, но столь же явно знала, что он имел в виду — и это подозрение показалось ей логичным... Вампир! Сказка — но сказка, с которой это нечеловеческое существо с далекой планеты было хорошо знакомо. Смит не был ни легковерным, ни суеверным человеком, но видел в своей жизни слишком много странного и не сомневался, что в основе самых диких легенд лежит зерно правды. А в этом создании было что-то невыразимо странное...

Какое-то время он раздумывал над этим, откусывая большие куски яблока. Ему о многом хотелось ее расспросить, но он не стал этого делать, зная, что все расспросы окажутся бесплодными.

Больше он не произнес ни слова, пока не доел мясо и второе яблоко. Он убрал со стола, просто выбросив в окно пустую жестянку. Затем Смит откинулся на спинку стула и стал наблюдать за девушкой прищуренными бесцветными глазами, ярко выделявшимися на лице цвета дубленой кожи. Он снова увидел смуглые, мягкие, бархатистые округлости ее тела — нежные изгибы и гладкую плоть в прорехах красного платья. Может, она вампир и безусловно не человек, но она нескованно привлекательна, особенно когда послушно сидит, как сейчас, склонив голову в красном тюрбане, сложив на коленях когтистые руки и позволяя его взгляду медленно скользить по ней. Они долго сидели молча, не двигаясь, и тишина дрожала между ними.

Она была так похожа на женщину, земную женщину — нежная, и покорная, и робкая, мягче мягкайшего меха, если забыть о ее четырехпальых когтистых руках, пульсирующих зрачках и той затаенной странности, что невозможно было выразить словами... (Неужели ему померещился этот красный, движущийся локон? Только ли сегир пробудил то острое отвращение, которое он почувствовал, держа ее в объятиях? Почему на нее охотился уличный сброд?) Он си-

дел и внимательно разглядывал ее. У нее было такое красивое, нежное, округлое тело, едва прикрытое обрывками пальца — и, несмотря на скрытую в ней тайну и неясные подозрения, осаждавшие разум, Смит начал ощущать, как его сердце забилось сильнее, в груди растекся жар... смутное создание с опущенными глазами... затем ее веки поднялись и зеленый кошачий взгляд впился в его глаза, и в нем мгновенно проснулось былое отвращение, и всякий раз, когда их глаза встречались, в нем звучал теперь тревожный колокол — она животное, в конце концов, слишком гладкая и мягкая, чтобы быть человеком, и эта ее затаенная странность...

Смит пожал плечами и выпрямился.

У него был легион недостатков, но слабость плоти не входила в число главных. Он указал девушке на ее одеяла в углу и улегся в кровать.

Спал он крепко и проснулся много позже — проснулся неожиданно и полностью, с тем чувством внутреннего возбуждения, которое предвещает нечто роковое. Комнату заливал лунный свет, такой яркий, что он видел красный цвет лохмотьев девушки. Она не спала: сидела на одеяле, повернувшись к нему плечом и склонив голову. Тревожное ощущение холодом прошло по спине Смита, когда он разглядел, что она делала. Кое-что совершенно естественное для девушки — любой девушки, в любом месте. Она развязывала свой тюрбан...

Он смотрел, затаив дыхание, охваченный необъяснимым предчувствием чего-то ужасного... Красные складки разошлись, и он понял, что ему не почудилось: алый локон снова упал вниз и коснулся ее щеки... Неужели это волосы, локон? Толстый, как жирный червяк, вздувшийся на гладкой щеке... краснее крови и толстый, как ползучий червь... он и полз, как червь.

Смит бессознательно приподнялся на локте и с каким-то болезненным любопытством и недоверием, будто зачарованный, уставился неподвижным взглядом на этот... локон. Нет, вчера ему не померещилось... До сих пор он счи-

тал, что во всем виноват сегир, что это хмель заставил локон двигаться. Но теперь... локон удлинялся, вытягивался, двигался... Пусть это были волосы, но они *ползли*, наделенные собственной тошнотворной жизнью, ползли вниз по щеке, ласкающие, отвратительно, невероятно... Он был влажным, этот локон, округлым, толстым и блестящим...

Девушка распустила последнюю складку и сорвала тюрбан с головы.

Смиту доводилось смотреть на ужасные вещи, не моргнув и глазом, но сейчас ему хотелось одного — отвернуться и не видеть. Это было легче сказать, чем сделать: он не мог пошевелиться, мог только лежать, опираясь на локоть, и смотреть на массу ярко-красных извивающихся — червей? волос? что это? — шевелящихся на ее голове, как издевательская пародия на локоны. Они удлинялись, падали вниз и словно росли прямо у него на глазах, струились по ее плечам ниспадающим каскадом, и было трудно поверить, что вся эта масса пряталась под тугим завязанным тюрбаном, но Смит, уже не удивляясь, понимал, что все было именно так. А они, эти... все извивались, удлинялись и падали, и она встряхивала головой, как ужасная карикатура на женщину, которая встряхивает распущенными волосами, пока все это невыразимое, отталкивающее красное сплетение, корчась и извиваясь, не упало к ее талии и ниже, все продолжая удлиняться бесконечным ползущим ужасом, что был прежде каким-то невозможным, непредставимым образом спрятан под тугим тюрбаном. Это походило на гнездо слепо корчащихся красных червей, на... на вскрытые внутренности, обладающие противоестественной жизненностью и невыразимо чудовищные.

Смит лежал в темноте, потрясенный, охваченный отвращением, оцепенев душой и телом.

Она отбросила за плечи эту отвратную, копошащуюся массу, и он почему-то понял, что сейчас она обернется и ему придется встретиться с ней глазами. При мысли об этом его сердце замерло от страха; это было самое худшее, ужасней всего в этом кошмаре, ибо увиденное им было, конечно же, кошмаром. Но он понимал, даже не пытаясь, что не сможет

отвести взгляд — болезненное очарование зрелища околовало его, в нем была некая красота...

Она повернула голову. Жуткие извины ползущих тварей изогнулись и задергались при этом движении; толстые, влажные и блестящие, они корчились над нежными смуглыми плечами, ниспадая отвратными каскадами, почти скрывавшими ее тело. Она продолжала поворачиваться. Смит окаменел. Он видел, как медленно уменьшилась округлость ее щеки, как показался профиль и алые ужасы зловеще зашевелились, как и профиль уменьшился, сократился, и лунный свет, яркий как день, упал на прелестное девичье лицо, робкое и нежное, обрамленное отвратным сплетением ползущих червей...

Зеленые глаза встретились с его глазами. Он будто ощущал сильный удар, по недвижному позвоночнику пробежал холод ужаса, оставляя за собой ледяное оцепенение. На коже выступили пупырышки. Но он едва заметил это оцепенение и холод, ибо зеленые глаза смотрели на него долгим, долгим взглядом, предвещая нечто неизъяснимое и не обязательно неприятное, а беззвучный голос ее разума, мурлыкая в голове, осыпал его небывалыми обещаниями...

На миг он провалился в слепую пропасть покорности; но сам вид этой копошащейся на ней, живой и полной неизбывного ужаса мерзости был так жуток, что выдернул его из соблазнительной тьмы.

Она встала, и извивающаяся алая масса того, что росло на ее голове, упала водопадом вдоль ее тела. Она окутывала ее длинным живым плащом, падая к босым ногам и волочась по полу, скрывая ее волнной ужасной, влажной, копошащейся жизни. Она подняла руки и, как пловец, разделила этот водопад, отбросив его за плечи и открыв нежные изгибы своего смуглого тела. Она улыбалась, сладостно, утонченно, и в волнах, падавших вниз от лба ужасным фоном, извивались змееподобные, влажные, живые пряди. И Смит понял, что перед ним Медуза.

Это понимание, это озарение, уходящее в колоссальные, сокрытые туманом глубины истории, на миг вывело его из ужасного оцепенения, но в этот миг он снова встретил-

ся взглядом с ее глазами, улыбающимися в лунном свете, зелеными как трава, полуприкрытыми опущенными веками. Она протянула руки сквозь извивающуюся алую маску. В ней было нечто, раздиравшее самую душу вожделением, и вдруг вся кровь хлынула Смиту в голову, и он вскочил на ноги, шатаясь, как лунатик во сне, а она потянулась к нему, бесконечно грациозная, бесконечно нежная в своем плаще живого ужаса.

И в этом была своя красота: влажные алые извины и лунный свет, скользящий и поблескивающий среди густых и толстых, как черви, локонов, теряясь в этом сплетении лишь для того, чтобы вновь заискриться и пробежать серебром вдоль извивающихся прядей — жуткая, наводящая дрожь красота, что была ужасней любого безобразия.

Но все это он не успел до конца осознать, ибо вероломное бормотание вновь прокралось в его мозг, обещая, лаская, маня, и было оно слаще меда, а прикованные к нему зеленые глаза — светло горящими, как драгоценные камни, и за пульсирующими темными разрезами зрачков он прозревал великую тьму, поглощавшую все... Он знал — смутно знал еще тогда, когда впервые заглянул в эти плоские и широкие звериные глаза — что за ними таится вся красота и весь ужас, весь страх и упоение, что глаза ее, как окна с изумрудными стеклами, открывались в эту бесконечную тьму.

Ее губы двигались, и в шепоте, неразрывно слитом с тишиной, плавным покачиванием ее тела и ужасным шевелением ее... волос... очень тихо, очень страстно звучало:

— Я буду... сейчас говорить с тобой... на моем языке... о, возлюбленный!

И, окутанная своим живым плащом, она прильнула к нему, шепот нарастал, обольщая и лаская, проникая в самые потаенные уголки сознания — обещая, зачаровывая, изливая небывалую сладость. Его плоть сжалась от ужаса, но в извращенном своем отвращении жаждала ту, которой страшилась. Его руки обняли ее под влажным живым покрывалом, влажным, теплым и омерзительно живым, нежное бархатистое тело прижалось к нему, ее руки обвили его

шею — и, нарастая вместе с шепотом, несказанный ужас сомкнулся над ними.

До самой смерти Смит вспоминал в ночных кошмарах тот миг, когда живые локоны шамбло впервые заключили его в свои объятия. Вспоминал тошнотворное, удушливое зловоние спутанной влажной массы, толстых, пульсирующих червей, обвивших каждый дюйм его тела, скользящих, извивающихся — их влага и тепло проникали сквозь одежду, словно он был обнажен.

Это был только миг, запечатлевшийся в сознании миг, а после на него в слепящей вспышке обрушился взрыв несовместимых ощущений, и пришло забытье. Он вспомнил свой сон — теперь он знал, что то была кошмарная явь — и скользящие, нежные ласки влажных червей, от которых плоть его воспаряла в невыразимом экстазе — том высочайшем экстазе, что проникает глубже тела и разума, даря противоестественный восторг самым истокам души. Он оставался недвижен, как мрамор, беспомощно окаменев, как все жертвы Медузы в старинных легендах, и ужасное наслаждение трепетало в каждой его жилке, в каждом атоме тела и каждом неощутимом атоме того, что люди именуют душой, трепетало во всем, что было Смитом. Это был истинный ужас. Он смутно понимал это, а тело его тем временем содрогалось в глубочайшем экстазе, отвечая на порочный, чудовищный зов, от которого с дрожью страха отшатывалась душа — а в глубинах души подрагивал от вожделения какой-то ухмыляющийся изменник. Но еще глубже за всем этим он ощущал бесконечный ужас, отвращение и отчаяние, и знал, что душу предавать нельзя, хотя нежнейшие ласки прокрадывались в самые заветные ее уголки, отзывааясь в них гибельным наслаждением.

И эту битву духа и тела, это смешение упоенного восторга и отвращения — все это он ощутил в один краткий миг, когда алые черви, извиваясь, поползли по нему, наполняя глубоким и непристойным трепетом бесконечного наслаждения каждую его частицу и атом. Он не мог двинуться, покоясь в этих склизких, экстатических объятиях — его охватила слабость, что становилась все ощутимей после каждой

волны острого экстаза, а изменник, затаившийся в душе, набирал силу и подавлял отвращение. И что-то в нем прекрасного борьбу, и он полностью погрузился в ослепительную темноту, в пропасть забвения, где не осталось ничего, кроме всепоглощающего восторга...

Поднявшись по лестнице, молодой венерианец остановился у двери комнаты Смита, нахмурил тонкие брови и машинально достал ключ. Как и все венерианцы, он был строен и светловолос, и выражение ангельской невинности на его лице было обманчивым, как и у большинства его соотечественников. У него было лицо падшего ангела, но лишенное величия Люцифера; в его глазах улыбался темный бес, а у рта залегли тонкие морщины, говорившие о безжалостности и беспутной жизни, о долгих, наполненных приключениями годах, сделавших его имя, наряду с именем Смита, самым ненавистным и самым уважаемым в анналах Патруля.

Теперь он стоял, удивленно наморщив лоб. Он прибыл в Лаккдарол на полуденном лайнере — «Деву» он поставил в ангар и искусно замаскировал с помощью краски и других средств. Здесь он узнал, что дела, с которыми давно должен был покончить Смит, находились в самом прискорбном беспорядке. Осторожные расспросы помогли выяснить, что Смита уже три дня никто не видел. Это было не похоже на его друга — раньше Смит никогда его не подводил. Необъяснимый промах Смита ставил под угрозу не только солидную сумму денег, но и их личную безопасность. Ярол мог найти только одно объяснение: карающий меч судьбы наконец настиг Смита. Возможно, он был ранен или убит, другого объяснения нет.

Он задумчиво вставил в замок ключ и распахнул дверь.

И в тот же миг почувствовал — что-то не так...

В комнате было темно, и какое-то время он не мог ничего разглядеть, но с первого же вдоха ощутил странный, неописуемый запах, зловонный и сладкий одновременно. И тотчас в нем проснулась память предков — древние, порожденные венерианскими болотами воспоминания из далеких, забытых было эпох...

Ярол нашупал рукоятку пистолета и шире отворил дверь. В полумраке он сперва увидел лишь непонятную груду вящей в дальнем углу комнаты... Затем его глаза привыкли к темноте и он разглядел, что эта груда почему-то вздувалась и опадала, а внутри ее что-то подрагивало... Она походила — у него перехватило дыхание — на кучу внутренностей, необъяснимо живую, движущуюся, извивающуюся. С губ Ярола сорвалось громкое венерианское проклятие. Он быстро переступил порог, захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, держа пистолет наготове. По всему его телу забегали мурашки — он знал, что это была за груда...

— Смит! — позвал он тихим, хриплым от ужаса голосом.
— Нортвест!

Движущаяся масса задергалась, содрогнулась и снова успокоилась, копошась внутри себя.

— Смит! Смит! — мягко и настойчиво звал венерианец. Его голос немного дрожал от страха.

Живая масса в углу раздраженно дернулась. Потом сно-ва зашевелилась и нехотя, прядь за прядью, стала разде-ляться и откатываться в стороны, и в глубине ее мало-пома-лу показалась коричневая кожа космического комбинезо-на, вся покрытая слизью и блестящая.

— Смит! Нортвест! — вновь настойчиво, торопясь, зашеп-тал Ярол, и кожаный комбинезон медленно, как во сне, за-двигался... Среди извивающихся червей приподнялся и сел человек — человек, который когда-то, давным-давно, был Нортвестом Смитом. С головы до ног он был покрыт слизью, оставшейся от объятий ужасающих ползучих созданий. Лицо было лицом какого-то существа, далекого от всего че-ловеческого — не живое и не мертвое, с застывшим пустым взглядом и запечатленным на нем выражением жуткого вос-торга, исходившего, казалось, из глубины его существа, из неизмеримых далей, простиравшихся за плотью. Как лунный свет, являясь всего лишь отражением обычного дневного света солнца, полнится тайной и волшебством, так и на этом сером, обращенном к двери лице был написан невыразимый и сладостный ужас, отражение восторга, недоступного по-ниманию тех, кто познал лишь земные наслаждения. И пока он сидел, повернув к Яролу опустошенное лицо и невидя-щие глаза, алые черви непрестанно вились вокруг, не пере-ставая ласкать его легкими, нежными прикосновениями.

— Смит! Иди сюда! Смит... вставай... Смит! Смит!

Шепот Ярола шелестел в темноте, бросая настойчивые, торопливые приказы — но сам он не отходил от двери.

Пугающее медленно, как встающий из могилы мертвец, Смит поднялся на ноги посреди гнезда красной слизи. Он шатался, как пьяный; две или три ярко-красных пряди, из-виваясь, оплели его ноги до колен, словно поддерживая и беспрерывно лаская — и эти ласки будто наполнили его скрытой силой, ибо Смит ровным, лишенным каких-либо интонаций голосом произнес:

— Уходи! Уходи! Оставь меня в покое!

Его мертвое, экстатическое лицо даже не дрогнуло.

— Смит! — в отчаянии позвал Ярол. — Смит, послушай! Ты слышишь меня, Смит?

— Уходи! — сказал монотонный голос. — Уходи! Уходи! Уходи...

— Я никуда не уйду, если ты не пойдешь со мной. Слышишь? Смит! Смит! Я...

Он оборвал себя на полуслове и задрожал в лихорадке наследственной памяти своей расы, когда алая масса задвигалась, вздулась и яростно задергалась...

Ярол прижался к двери и крепче сжал пистолет, невольно твердя давно забытое имя бога. Он знал, что сейчас произойдет, и это знание было чудовищней любого незнания.

Красная извивающаяся масса поднялась выше, завеса локонов разошлась в стороны, и на Ярола взглянуло человеческое лицо — нет, получеловеческое, с зелеными кошачьими глазами, которые маняще сияли в сумраке, словно ограненные драгоценные камни.

— *Схар!* — снова выдохнул Ярол и заслонил лицо рукой. Даже мгновенный укол этого зеленого взгляда наполнил его гибельным трепетом.

— Смит! — отчаянно крикнул он. — Смит, ты слышишь меня?

— Уходи! — ответил голос, который не был голосом Смита. — Уходи!

Ярол понял, не осмеливаясь взглянуть, что это был голос той... другой... раздвинувшей завесу червей и стоявшей перед ним во всей человеческой прелести смуглого и соблазнительного женского тела, одетого живым ужасом. Он почувствовал, как в него впились ее глаза; что-то внутри нашептывало, уговаривало опустить руку... Он понял, что погиб — и сознание этого наделило его мужеством, рожденным из отчаяния. Голос в его мозгу нарастал, накатывал, оглушал его грохочущим всевластным приказом — приказом опустить руку... глянуть в глаза, открывавшие тьму... подчиниться... и обещанием, несказанно нежным, сладостным и погибельным, обещанием грядущего блаженства...

Но Ярол непостижимым образом сумел это выдержать и, шатаясь, продолжал сжимать в поднятой руке пистолет. Каким-то чудом он пересек узкую комнату, отвернув лицо и нашаривая рукой плечо Смита. Секунду он слепо шарил в

пустоте, затем наткнулся на Смита и зажал в руке склизкую, отвратительную, влажную кожу — и в тот же миг что-то осторожно обвилось вокруг его лодыжки, волна омерзительного наслаждения прокатилась по нему, и все новые и новые петли стали обвивать его ноги...

Ярол стиснул зубы и крепко сжал плечо Смита; рука его поневоле дрогнула — кожа костюма истекала слизью, как и черви у ног... и в то же время это ощущение заставило его задрожать в отвратительном восторге.

Он чувствовал лишь ласкающие прикосновения к ногам, а голос в его голове заглушал все прочие звуки, и тело с трудом ему подчинялось. Непонятно как, одним исполинским рывком, он вырвал Смита из этого гнезда ужаса. Извивающиеся пряди оборвались с тихим всасывающим звуком, вся алая масса вздрогнула и поднялась вокруг Ярола, и он, совершенно позабыв о друге, направил все силы на безнадежную попытку освободиться. Ибо боролась лишь часть его — только часть его существа противилась извивающейся мерзости, а в глубине сознания звучал ласковый, соблазнительный шепот, и тело жаждало сдаться...

— *Схар! Схар и'данис... Схар мор'ларол...* — молился он, хватая воздух ртом и почти теряя сознание. Повторяя детскую, забытую много лет назад молитву, он повернулся боком к центру шевелящейся массы и стал топтать тяжелыми сапогами алых, извивающихся вокруг червей. Они отползали, дрожа и сворачиваясь; сзади, он знал, тянулись к горлу другие, но по крайней мере он мог сражаться, пока не придется взглянуть в зеленые глаза...

Он топтал, бил, давил и снова топтал, и на мгновение освободился от слизистых объятий — искалеченные тяжелыми сапогами черви, сворачиваясь, отхлынули, и он нетвердо дернулся в сторону, с отвращением и отчаянием сбрасывая с себя живые петли. Подняв глаза, он вдруг заметил на стене треснувшее зеркало. В нем тускло отражался красный ужас позади, кошачье лицо с робкой девичьей улыбкой, чудовищно человеческое, и тянувшиеся к нему алые пряди. В голове промелькнуло воспоминание о чем-то давно откуда-то вычитанном, и он издал вздох облегчения и надежды,

ослабивший на миг хватку голоса в его голове.

Не переводя дыхания, он направил пистолет назад, через плечо, навел отражение мушки в зеркале на отражение ужаса и нажал на спуск.

В зеркале он увидел, как ослепительный луч голубого огня прорезал сумрак и ударил в самую сердцевину извивающейся, тянувшейся к нему массы. Она с шипением опала, взметнулось пламя, раздался пронзительный, тонкий вопль нечеловеческой злобы и отчаяния... луч описал широкую дугу и погас, когда Ярол выронил пистолет и ничком рухнул на пол.

Нортвест Смит открыл глаза и прищурился от яркого света марсианского солнца, бившего узкими полосами сквозь грязное окно. Что-то холодное и влажное шлепало его по лицу, горло обжигал знакомый огненный вкус сегира.

— Смит! — послышался издалека голос Ярола. — Нортвест! Проснись, черт возьми! Проснись!

— Я... не сплю, — хрипло и с трудом пробормотал Смит.
— В чем дело-то?

У его губ очутился стакан, и Ярол раздраженно сказал:
— Выпей это, дурак!

Смит послушно сделал глоток, и еще одна порция обжигающего сегира прошла по его благодарному горлу. Тепло растеклось по телу, и он очнулся от оцепенения, в котором оставался до сих пор. Немного отступила и убийственная слабость, постепенно дававшая о себе знать. Несколько минут он лежал неподвижно, наслаждаясь теплом виски, и вместе с этим теплом в сознание начали медленно проникать смутные воспоминания. Кошмарные воспоминания... сладостные и ужасные... воспоминания о...

— Боже! — внезапно выдохнул Смит и попытался сесть. Слабость накатила на него, как удар, вся комната на миг закружилась, и он упал на что-то твердое и теплое — плечо Ярола. Рука венерианца поддержала его, комната перестала вращаться, и через некоторое время Смит пошевелился и посмотрел в черные глаза Ярола.

Венерианец держал его одной рукой, а в другой сжимал стакан с сегиром, откуда то и дело отпивал. Черные глаза над краем стакана встретились со взглядом Смита, и внезапно Ярол зашелся смехом, в котором чувствовалась истерика пережитого ужаса.

— Клянусь Фаролом! — воскликнул он и поперхнулся.
— Клянусь Фаролом, Нортвест! Этого я тебе не забуду! В следующий раз, когда тебе придется вытаскивать меня из передряги, я скажу...

— Ладно, будет тебе, — сказал Смит. — Что случилось?
Как...

— Шамбло. — Ярол оборвал смех. — Шамбло! Где ты нашел эту тварь?

— Что такое шамбло? — трезвея, спросил Смит.
— Ты хочешь сказать, что не знал? Но откуда ты ее взял?
Почему...

— Лучше расскажи мне, что тебе известно, — твердо сказал Смит. — И дай-ка мне, будь добр, еще глоток сегира. Он мне понадобится.

— Ты сам-то удержишь стакан? Тебе уже лучше?

— Да, немногого. Как-нибудь удержу, спасибо... Рассказывай.

— Ну... честно говоря, не знаю, с чего начать. Их называют шамбло...

— Боже правый! Значит, есть и другие?

— Это... своего рода раса, если не ошибаюсь, и одна из древнейших. Никто не знает, откуда пришли шамбло. Имя звучит как французское, верно? Но оно возникло в доисторические времена. Шамбло существовали всегда.

— Никогда о них не слышал.

— Мало кто слышал... А те, кто знает о них, предпочитают держать язык за зубами.

— Ну, половина этого города их знает. Я тогда не понял, о чем они говорили. И все еще не понимаю, но...

— Такое иногда бывает. Появляется шамбло, начинают ходить слухи, город объединяется и устраивает охоту, а потом... Эти истории не очень распространяются. Они слишком... слишком невероятны.

— Но... Боже, Ярол! Что это было? Откуда оно пришло? Как...

— Никто точно не знает, откуда они. С другой планеты — возможно, еще не открытой. Некоторые говорят, что они с Венеры. В нашей семье передавались из поколения в поколение какие-то довольно жуткие легенды о шамбло — так я о них и услышал. И когда я открыл эту дверь... я... мне показалось, что я узнал этот запах...

— Так что же они такое?

— Бог знает. Они не люди, хотя похожи на людей. А может, это одна видимость... или наваждение... Не знаю. Это разновидность вампиров, но возможно, что вампиры — один из видов шамбло. Их нормальный облик, вероятно, эта... масса червей, и в этом виде они питаются... жизненной силой людей, думаю. Они способны изменяться и обычно принимают вид женщины, и доводят тебя до экстаза, прежде

чем... начать. Жизненная сила становится более интенсивной, и это облегчает им задачу. Когда они... кормятся, человек всегда испытывает ужасное, нечестивое наслаждение. Некоторые, оставшись в живых после первого опыта, привыкают к шамбло, как к наркотику... не могут остановиться... всю жизнь, а она обычно коротка, держат существа при себе... и кормят собой ради этого чудовищного наслаждения. Это хуже, чем курить минг... или молиться Фаролу.

— Да, — сказал Смит. — Я начинаю понимать, почему те люди в толпе были так удивлены и смотрели на меня с таким отвращением, когда я сказал... ладно, не имеет значения. Рассказывай дальше!

— Ты... ты разговаривал с шамбло? — спросил Ярол.

— Пытался. Оно плохо владело нашим языком. Я спросил, откуда оно родом, и оно сказали... «издалека и из давних времен»... что-то в таком духе.

— Не знаю... Возможно, с неизвестной планеты, но я в это не верю. Понимаешь, есть много невероятных историй, основанных на каком-то факте, и я уже не раз спрашивал себя: могут ли существовать другие, более дикие и невероятные суеверия, о которых мы даже не слышали? Вещи, подобные этой, такие губительные и кощунственные, что те, кто знает о них, должны молчать? Ужасные, фантастические создания, которые разгуливают на свободе, тогда как мы не имеем о них ни малейшего представления?

Эти создания... существуют с глубокой древности. Никто не знает, когда и где они впервые появились. А те, кто их видел, как мы с тобой видели шамбло, не говорят о них. Ходят только смутные, туманные слухи, на которые иногда неясно намекают старинные книги... Я считаю, что их раса старше человеческой. Она взросла из древнего семени в эпохи, что были раньше нашей — возможно, на планетах, давно превратившихся в пыль и таких ужасных, что первооткрыватели молчат о них или стараются забыть их как можно скорее.

Шамбло родом из незапамятных времен. Думаю, ты узнал их в легенде о Медузе. Нет сомнения, что древним грекам они были известны. Означает ли это, что до нашей сущест-

вовали другие цивилизации, что люди уже покидали Землю, отправляясь исследовать другие планеты? Быть может, одна из шамбло три тысячи лет назад каким-то образом оказалась в Греции? Голову сломишь, если долго размышлять об этом! Интересно, сколько других легенд основываются на подобных вещах, о которых мы не подозреваем и никогда не узнаем?

Медуза Горгона, красавица со змеями вместо волос и взглядом, превращавшим людей в камень... Ее убил Персей. Я вспомнил об этом совершенно случайно, Нортвест, и это спасло жизнь тебе и мне. Персей убил Медузу с помощью зеркала, отражавшего то, на что он не осмеливался взглянуть. Что подумал бы древний грек, стоявший у истоков этой легенды, если бы узнал, что три тысячи лет спустя его история спасла жизнь двум людям на другой планете? И я задумываюсь о том, что было с этим греком, как он повстречал шамбло и что произошло между ними...

Многое мы никогда не узнаем. Разве не захватывающе интересно было бы прочитать хроники этой расы... существ, созданий, кем бы они ни были? Хроники иных планет, других эпох, начала человеческой истории! Но я не думаю, что они вели какие-либо хроники. У шамбло, вероятно, нет даже места для их хранения. Судя по тому немногому, что мне или другим известно о них, они подобны Агасферу: появляются с большими промежутками то здесь, то там, и я многое бы дал, чтобы узнать, где они проводят эти промежутки! Но вряд ли их ужасная гипнотическая сила свидетельствует о сверхчеловеческом интеллекте. Это лишь средство добычи пищи, как длинный язык у лягушки или аромат у плотоядного растения. Там мы имеем дело с материальными средствами, поскольку лягушка и растение питаются материальной пищей. Шамбло используют... духовные средства для добычи духовной пищи. Не знаю, как это сформулировать. И подобно тому, как зверь, пожирающий тела других животных, всякий раз становится сильнее, приобретает большую власть над телами других, шамбло, поглощая жизненную силу людей, увеличивает свою власть над сознанием и душами других жертв. Но я говорю о вещах, которые не

могу определить — я даже не уверен, что они существуют.

Я только знаю, что когда эти пряди обвились вокруг моих ног... я почувствовал... что не хочу высвобождаться... я ощущал такое... что... о, я чувствовал, что прогнил, испорчен до глубины души этим наслаждением... и все же...

— Я знаю, — медленно произнес Смит. Опьянение начало проходить, и слабость вновь волнами накатывала на него. Он говорил тихо, словно размыщляя вслух и едва замечая, что Ярол слушает. — Я знаю это... много лучше тебя... Это существо испускает что-то неописуемо ужасное, нечто настолько противоречащее всему человеческому... невозможно выразить это словами. Какое-то время я был частью этого существа, я буквально слился с ним, разделял его мысли и воспоминания, чувства и желания и... теперь все позади, я плохо помню... Свободной оставалась лишь та частица меня, что чуть не обезумела от... чудовищности этого создания. Но наслаждение было таким сладостным! Думаю, и во мне, и в каждом из нас есть зерно абсолютного зла, и нужен лишь правильный раздражитель, чтобы оно проросло и полностью овладело нами. Ведь даже тогда, когда я с ума сходил от отвращения, чувствуя прикосновения этих... этих... червей, что-то во мне... трепетало от восторга... И я увидел... узнал... ужасные, непредставимые вещи, которые я сейчас едва помню... Я побывал в невероятных местах, погружался в память этого... существа... с которым слился... и видел... Господи, как бы я хотел вспомнить!

— Благодари своего бога за то, что не можешь, — сказал Ярол.

Его голос вывел Смита из дремотного состояния, и он приподнялся на локте, чуть покачиваясь от слабости. Комната дрожала перед его глазами, и он закрыл их, чтобы не видеть этого, и спросил:

— Ты говоришь, что они... они не приходят снова? И никак нельзя найти... другое?

Ярол помолчал. Затем, сдавив плечи Смита, уложил его и сел рядом, глядя на почерневшее, изможденное лицо, на котором появилось теперь новое, странное, неописуемое выражение — он никогда не видел его раньше, но знал, слиш-

ком хорошо знал, что оно означает.

— Смит, — наконец сказал он, и его взгляд стал твердым и серьезным, а вечно ухмыляющийся бесенок исчез из глаз. — Смит, я никогда не просил тебя в чем-то поклясться, но я... сейчас я получил право требовать и хочу, чтобы ты дал мне слово...

Бесцветные глаза Смита нерешительно встретили взгляд черных глаз Ярола. Неуверенность смешалась в них со страхом перед неведомым обещанием. Какое-то миг Ярол смотрел не в знакомые глаза друга, а в бесконечную серую пустоту, где был весь ужас, весь восторг — бледное море, таящее в своих глубинах невыразимое упоение. Затем ушедший в себя взгляд Смита снова прояснился, глаза прямо взглянули в лицо Ярола, и он произнес:

— Говори. Я дам слово.

— Если ты когда-нибудь опять встретишь шамбло... когда и где бы это ни было... ты возьмешься за пистолет и спалишь это существо дотла, как только поймешь, с чем имеешь дело. Ты можешь мне это обещать?

Последовало долгое молчание. Мрачные черные глаза Ярола, не мигая, впились в бесцветные глаза Смита. На загорелом лбу Смита выступили вены. Он никогда не нарушал своего слова — клялся он раз пять или шесть в жизни, но однажды дав слово, был не в состоянии ему изменить. И вновь серое море нахлынуло смутным приливом воспоминаний, что были сладостней и ужасней любого сна. Ярол снова заглянул в пустоту, скрывавшую то, чему нет имени. В комнате было очень тихо.

Серый прилив отхлынулся. Глаза Смита, бледные и твердые, как сталь, встретили взгляд Ярола.

— Я... попытаюсь, — сказал Смит.

И его голос дрогнул.

Роберт Эштон Смит
Скелены Чех-Венгрии

Предисловие

Как интерну госпиталя для землян в Игнархе, мне был доверен загадочный случай Родни Северна, единственного оставшегося в живых члена экспедиции Октава в Йох-Вомбис; нижеследующий рассказ записан под его диктовку. Северна доставили в госпиталь марсианские проводники экспедиции. Кожа его головы и лба была чудовищно изрезана и воспалена. Порой он впадал в горячку и лихорадочно бредил, и его приходилось привязывать к кровати во время периодически повторяющихся маниакальных припадков, яростный характер которых был вдвойне необъясним ввиду его крайней слабости и истощения.

Порезы на голове, как указано в рассказе Северна, были в основном нанесены им самим. Наряду с ними были обнаружены многочисленные маленькие круглые ранки, легко отличимые от ножевых порезов и расположенные правильными кругами, через которые, очевидно, в кожу головы Северна был введен неизвестный яд. Причину появления этих ранок было трудно объяснить, если только не считать, что рассказ Северна был правдой, а не плодом его расстроенного болезнью воображения. В свете случившегося позднее лично я считаю, что у меня нет иного выбора, кроме как поверить его словам. На красной планете происходят странные вещи, и я могу лишь поддержать пожелание, выраженное обреченным археологом в отношении будущих исследований.

На следующую ночь после того, как Северн закончил рассказывать мне свою историю, на дежурство заступил другой врач, и больному удалось сбежать из госпиталя. Без сомнения, это случилось во время одного из тех непонятных припадков, о которых я вскользь упоминал; побег его вызвал крайнее удивление, поскольку Северн казался слабее обычного после длительного напряжения, вызванного ужасным повествованием, и смерть его ожидалась в ближайшие часы. Еще более поразительно то, что следы его босых ног были обнаружены в пустыне; цепочка следов шла в направлении

Йох-Вомбиса и обрывалась там, где на пути археолога разыгралась небольшая песчаная буря; однако сам Северн до сих пор не найден.

Рассказ Родни Северна

Если доктора не ошибаются в своих предсказаниях, жить мне осталось всего несколько марсианских часов. За это время я попытаюсь рассказать — в назидание тем, кто может опрометчиво пойти по нашим следам — о необычайных и страшных событиях, положивших конец нашим исследованиям руин Йох-Вомбиса. Я попытаюсь рассказать о них, хотя испытываю чрезвычайную слабость, так как сделать это больше некому. Повествование по необходимости будет утомительным для меня, вам же покажется обрывочным и неполным. Когда я завершу его, вернется безумие, и я прошу, чтобы несколько санитаров удерживали меня, иначе я, понукаемый болезнетворным и зловещим вирусом, проникшим в мой мозг, покину больницу и побреду по пустыне, за много лиг, к тем ужасным склепам. Быть может, смерть станет освобождением от чужой и жуткой воли, что побуждает меня вернуться в бездонные подземные лабиринты ужаса, равных которым не знают более безмятежные планеты Солнечной системы. Я говорю «быть может»... ибо, памятуя то, что я видел, я не могу быть уверен, что даже смерть избавит меня от рабства...

Нас было восемь человек, все профессиональные археологи с тем или иным опытом земных и инопланетных исследований. В сопровождении местных проводников мы вышли из Игнарха, торговой столицы Марса, чтобы осмотреть древний, тысячелетия назад опустевший город. Официальным руководителем экспедиции был назначен Алан Октав, знавший о марсианской археологии больше любого другого землянина на этой планете. Прочие члены нашего отряда, как например Уильям Харпер и Йонас Халгрен, сопровождали его во многих предыдущих экспедициях. Я же, Родни

Северн, был скорее новичком и пробыл на Марсе всего несколько месяцев; мои внеземные изыскания главным образом ограничивались Венерой.

Я часто слышал о Йох-Вомбисе, но в основном это были туманные легенды, и мне никогда не доводилось встречать тех, кто там побывал. Даже вездесущий Октав никогда не видел этого города. Построенный вымершим народом, чья история была забыта в поздние, упадочные эпохи жизни планеты, он оставался смутной, манящей тайной, раскрыть которую никто не пытался... и которая, я полагаю, навсегда останется недоступной для людей. Во всяком случае, я безусловно надеюсь, что никто не захочет повторить нашу попытку.

Вопреки впечатлению, сложившемуся у нас благодаря марсианским легендам, полумифические руины, как оказалось, располагались сравнительно недалеко от Игнарха с его земной колонией и консульством. Голые, мягкогрудые туземцы предостерегали нас, рассказывая, что Йох-Вомбис лежит за бескрайними пустынями, над которыми постоянно кружатся песчаные смерчи; несмотря на предложения более чем щедрой оплаты, нанять проводников было нелегко. Мы запаслись большим количеством провизии и подготовились ко всем неожиданностям, какие могли возникнуть во время долгого путешествия. Надо ли говорить, что мы были удивлены и обрадованы, когда после неторопливого семичасового перехода по плоской, лишенной растительности, оранжево-желтой пустыне к юго-западу от Игнарха достигли руин? По причине меньшей силы тяжести, дорога была далеко не такой трудной, как мог бы ожидать человек, плохо знакомый с марсианскими условиями. Однако мы не спешили — воздух здесь разреженный, как в Гималаях, и мы опасались сердечной недостаточности.

Наша первая встреча с руинами Йох-Вомбиса была неожиданной и зрелицной. Взобравшись на пологий склон тянувшейся на лигу возвышенности, сложенной из голых и изъеденных временем камней, мы увидели перед собой разрушенные стены города. Самая высокая из башен словно царапала маленькое, далекое солнце, светившее тусклыми кро-

ваво-красными лучами сквозь летучую дымку огненных песков. Сперва мы подумали, что треугольные башни без куполов и разбитые монолиты принадлежали какому-то другому, менее извесному и легендарному городу. Но местоположение руин, простиравшихся в виде дуги почти на всем протяжении низкой гнейсовой возвышенности, а также тип архитектуры вскоре убедили нас, что мы достигли цели нашего путешествия. Никакой другой древний город Марса не был выстроен подобным образом, а странные ступенчатые контрфорсы могучих стен, напоминавшие лестницы забытых анаким, были характерны для доисторической расы, создавшей Йох-Вомбис. Мало того, Йох-Вомбис был единственным уцелевшим образчиком этой архитектуры, если не считать отдельных развалившихся строений поблизости от Игнарха, которые мы уже успели осмотреть.

Я видел в пустынных Андах древние, вздымающиеся в небо стены Мачу-Пикчу; я видел теокали, похороненные в мексиканских джунглях. Видел колоссальные, замерзшие зубчатые стены Уогама в ледяной тундре ночного полуширья Венеры. Но все они казались сравнительно недавними и хранили в себе хотя бы память о некогда дышавшей в них жизни, тогда как руины Йох-Вомбиса казались внушающими трепет останками проникнутой смертью древности, вековечным фатумом окаменевшей безжизненности. Вся эта область находилась вдалеке от животворных каналов, вне окрестностей которых редко встречается даже самая стойкая и ядовитая флора и фауна; с тех пор, как мы вышли из Игнарха, мы не видели ничего живого. Казалось, никакая жизнь не могла существовать в этой юдоли вечного одиночества и запустения. Голые, выветрившиеся камни были словно нагромождены руками мертвцев, построивших эти обиталища чудовищных вурдалаков и демонов первобытной пустыни.

Думаю, у всех нас сложилось одинаковое впечатление, пока мы молча глядели на город, а бледные, кровянистогнойные лучи закатного солнца падали на темные мегалитические руины. Я помню, что немного задыхался и ловил ртом воздух, в котором был как будто разлит цепенящий хо-

лод смерти, слыша рядом такое же резкое, затрудненное дыхание остальных.

— Это место мертвее египетского морга, — заметил Харпер.

— И, конечно, гораздо древнее, — согласился Октав. — Согласно наиболее достоверным легендам, йорхи, построившие Йох-Вомбис, были стерты с лица земли нынешней господствующей расой по крайней мере сорок тысяч лет назад.

— Если я правильно припоминаю, — сказал Харпер, — одна из легенд гласит, что последние йорхи были уничтожены какой-то неведомой силой — чем-то настолько ужасным и непредставимым, что даже мифы обходят это молчанием.

— Разумеется, я слышал эту легенду, — отозвался Октав. — Возможно, мы найдем в руинах свидетельства, которые помогут нам доказать или опровергнуть ее. Йорхи могли погибнуть от какой-либо ужасной эпидемии наподобие чумы Яшта — своеобразной зеленой плесени, разъедающей все кости и твердые ткани тела, начиная с зубов и ногтей. Но нам не следует бояться заражения: даже если в Йох-Вомбисе сохранились мумии, после стольких циклов высыхания планеты бактерии так же мертвы, как и их жертвы. Айхай всегда более или менее избегали этого места. Немногие из них побывали здесь и ни один, насколько мне известно, внимательно не осматривал руины.

Солнце скрылось за горизонт с удивительной быстротой, как будто его исчезновение было сценическим трюком ловкого фокусника. Мы мгновенно ощутили прохладу голубовато-зеленых сумерек. Небеса нависали над нами, словно громадный, прозрачный купол мрачного льда, усеянный миллионами тусклых искорок звезд. Мы надели куртки и шлемы, подбитые марсианским мехом, которые обязательно носили по ночам; затем мы направились к западу от стен и разбили лагерь с их подветренной стороны, чтобы хоть немногого защитить себя от джаара, жестокого предутреннего ветра пустыни, всегда дующего с востока. Потом мы зажгли спиртовки, захваченные для приготовления пищи, и сгрудились вокруг них. Ужин был приготовлен и съеден, и мы — не

столько из-за усталости, сколько ища уюта — довольно рано забрались в спальные мешки. Двое Айхаи, наши проводники, завернулись в складки похожих на погребальные саваны серых накидок-басса; даже при минусовой температуре их дубленая кожа, похоже, не нуждалась в большей защите. Я же и в своем плотном, с двойной подкладкой мешке чувствовал пронзительный холод ночного воздуха; уверен, что именно это и ничто иное долго не давало мне заснуть, и по той же причине сон мой, когда я наконец смыжил глаза, был беспокойным и прерывистым. Понятно, что странность этого места, жутковатая близость вековых стен и башен в какой-то мере способствовали моему беспокойству. Но, как бы то ни было, у меня не было ни малейших тревожных предчувствий или ощущения надвигающейся опасности; я посмеялся бы над мыслью, что в Йох-Вомбисе может таиться какая-либо угроза, ибо среди этих невообразимых и поразительных древних руин даже сами призраки мертвых, казалось, давно истаяли и превратились в ничто.

Я мало что помню, кроме ощущения, что сон тянулся бесконечно, как бывает, когда спишь чутко и то и дело просыпаешься. Помнится, около полуночи над нами застонал ледяной ветер, отзывающийся холодом в костях, и песок обожег мне лицо, как мелкий град, когда ветер порывисто пролетел из одной древней, забытой пустыни в другую. Помню, как недвижные, немигающие звезды затмила на миг эта древняя пыль. Когда ветер утих, я снова задремал, в полусне часто вздрагивая и открывая глаза. В один из моментов пробуждения я смутно осознал, что в небе взошли обе маленькие луны, Фобос и Деймос; в свете их руины отбрасывали гигантские призрачные тени, а закутанные тела моих спутников одела мертвенно-бледная пелена.

Вероятно, я пробудился не до конца — память об увиденном кажется такой же расплывчатой, как воспоминание о любом сне. Я смотрел слипающимися глазами на маленькие луны, повисшие на треугольными, лишенными куполов башнями, видел долгие тени, почти подобравшиеся к телам моих спящих товарищей.

Повсюду царила мертвая тишина, и никто из спящих не шевелился. Затем, когда мои веки стали закрываться, я краем глаза уловил в застывшем мраке какой-то намек на движение, и мне показалось, что часть ближайшей к нам тени отделилась и поползла к Октаву, лежавшему с края, со стороны руин.

Даже сквозь тяжелую дремоту я ощутил тревожное предчувствие чего-то сверхъестественного и, возможно, зловещего. Я попытался сесть, но стоило мне двинуться, как этот темный предмет, чем бы он ни был, отполз назад и вновь слился с длинной тенью. Его исчезновение так удивило меня, что всякая сонливость прошла; и все же я не мог быть полностью уверен, что видел предмет. В то краткое мгновение, когда я бросил на него взгляд, он показался мне похожим на округлый, темный и измятый обрывок материи или кожи диаметром примерно в двенадцать или четырнадцать дюймов; он полз по земле, как гусеница, самым поразительным образом сокращаясь и распрямляясь.

Почти час я не мог уснуть и, если бы не страшный холод, наверняка бы встал и занялся осмотром местности, чтобы понять, действительно ли я видел странный предмет или же мне все это приснилось. Я лежал, глядя на глубокую черную тень, где он исчез, и прихотливые, причудливые объяснения увиденного проходили в моем сознании шутовской чередой. Но даже тогда, будучи несколько встревожен и озадачен, я не испытывал ни страха, ни предчувствия беды. Постепенно я убедил себя, что настолько невероятный и фантастический объект мог являться лишь порождением сна. С этой мыслью я снова задремал.

Меня разбудил холодный, демонический гул джаара в иззубренных стенах, и я увидел, что бледный лунный свет начал сменяться бесцветной ранней зарей. Мы встали и приготовили завтрак; пальцы так окоченели от холода, что не помогали и спиртовки. Мы ели, дрожа, пока солнце выкатывалось на небо, как мячик циркового жонглера. В сумеречном утреннем мареве руины высияли перед нами, грандиозные и мрачные, без переходов от света к теням, словно усыпальницы первобытных гигантов, которые вот-вот выс-

тупят из канувших во тьму тысячелетий навстречу последнему рассвету умирающей планеты.

В свете утра мое странное ночное видение казалось еще более фантасмагорическим и нереальным. Я не слишком задумывался над ним и ничего не сказал своим спутникам. Но даже неощущимые, искаженные тени снов часто окрашивают утренние часы, и видение, должно быть, сказалось на моем непонятном, невыносимо-гнетущем настроении, вызванном нечеловеческой чуждостью нашего окружения и черной, бездонной древностью руин. Чувство это слагалось, похоже, из миллионов призрачных эманаций, незримо, но ощутимо струившихся из величественных неземных строений; они теснились вокруг, как стаи вырвавшихся из гробниц инкубов, но были лишены формы и смысла, доступных человеческому пониманию. Меня словно окружала не открытая пустыня, а давящий мрак погребальных склепов, где я задыхался в пропитанной смертью и тысячелетним разложением атмосфере.

Мои спутники горели нетерпением поскорее приступить к исследованиям руин, и я, конечно, не мог даже упомянуть о своих переживаниях, казавшихся донельзя абсурдными и нелепыми. Люди на других планетах часто испытывают такого рода симптомы легкого нервного или психического расстройства, порожденные незнакомым характером и непривычными свойствами внеземной среды. Но, когда мы направились к руинам для предварительного осмотра, я отстал от других и, в параличе паники, несколько мгновений не мог ни пошевелиться, ни вздохнуть. Нечто темное, леденящее и вязкое будто опустилось на меня, заставив разум и тело оцепенеть. Затем приступ миновал, и я поторопился нагнать остальных.

Как ни странно, двое марсиан отказались нас сопровождать. Бесстрастные и немногословные, они не объяснили причин своего отказа, но было очевидно, что они никогда не согласились бы ступить в Йох-Вомбис. Мы не сумели определить, боялись ли они руин; их загадочные лица с маленькими раскосыми глазами и огромными раздувающимися ноздрями не отражали ни страха, ни каких-либо других

чувств, понятных землянам. В ответ на наши вопросы они лишь сказали, что уже много столетий в развалины не проникал ни один Айхай. По-видимому, с Йох-Вомбисом было связано какое-то таинственное табу.

В качестве снаряжения для предварительной разведки мы взяли с собой только ломик и две кирки. Прочее снаряжение, включая патроны с мощной взрывчаткой, мы остались в лагере, сбираясь воспользоваться им позже, когда достаточно ознакомимся с местностью. У одного или двух из нас имелось автоматическое оружие, которое мы также остались в лагере — глупо было бы считать, что среди руин может встретиться какая-либо форма жизни.

С первых минут осмотра Октав пришел в явное возбуждение и не переставал осыпать нас градом восторженных замечаний. Остальные подавленно молчали; думаю, многие в какой-то степени разделяли мои чувства. Было невозможно избавиться от мрачного благоговения и изумления при виде этих колоссальных каменных строений.

У меня нет времени детально описывать руины; я должен спешить со своим рассказом. Многое я и не смог бы описать, так как большая часть города осталась неисследованной.

Мы углубились на некоторое расстояние, следя мимо треугольных, уступчатых зданий по зигзагообразным улицам, соответствовавшим этой своеобразной архитектуре. Башни, в большинстве своем, находились в более или менее разрушенном состоянии; повсюду мы видели следы глубокой эрозии: ветер и песок на протяжении тысячелетий осаждали город и во многих местах закруглили острые углы могучих стен. Мы обследовали некоторые башни, войдя в них через узкие и высокие проемы, но внутри обнаружили одну пустоту. Обстановка, если и была, давно рассыпалась в пыль, а пыль была сметена стремительными ветрами пустыни. Кое-где мы замечали на внешних стенах следы резьбы или высеченных надписей, но все это было настолько изъедено и стерто временем, что остались лишь немногочисленные фрагментарные контуры, которые нам ничего не говорили.

Наконец мы достигли широкой улицы, выходившей к стене громадной террасы длиной в несколько сотен ярдов и высотой около сорока; в центре ее, как цитадель или акрополь, стояла группа зданий. Ряд полуразрушенных ступеней, рассчитанных на конечности более длинные, чем у землян и даже долговязых современных марсиан, позволял подняться на террасу, вырубленную, по всей видимости, прямо в скальном плато.

Посоветовавшись, мы решили отложить осмотр высоких центральных зданий, так как они более других были подвержены воздействию стихий, пострадали вдвойне сильнее и едва ли могли вознаградить нас за труды. Октав начал вслух выражать свое разочарование по поводу наших бесплодных попыток найти что-либо наподобие артефактов или резных изображений, которые могли бы пролить свет на историю Йох-Вомбиса.

Затем, правее ступеней, мы заметили проем в главной стене, наполовину заваленный древними обломками. За грудой обломков и наносов мы обнаружили верхние ступени ведущей вниз лестницы. Темнота истекала из отверстия, словно бурный поток, несущий запах плесени и первобытной затхлости разложения; мы ничего не могли рассмотреть ниже первых ступеней, казалось, висевших над черной пропастью.

Мы с Октавом и некоторые другие захватили на всякий случай электрические фонари, поскольку в Йох-Вомбисе могли обнаружиться подземные склепы или катакомбы — ведь даже в более поздних городах Марса подземная часть зачастую намного превышает наземную; в подобных катакомбах и следовало искать остатки цивилизации йорхов.

Направив в пропасть луч фонаря, Октав начал спускаться по ступеням, нетерпеливо подзывая нас.

И вновь неизъяснимый, безотчетный страх на миг привил меня к месту. Другие уже столпились сзади, а я все медлил; затем, как и раньше, ужас рассеялся и я, недоумевая, как мог поддаться чему-то столь бессмысленному и несуразному, стал спускаться вслед за Октавом. Остальные последовали за мной.

У подножия лестницы с высокими, неуклюжими ступенями располагался длинный просторный зал, похожий на подземный вестибюль. Пол был покрыт густым слоем пыли, скопившейся за бесчисленные века; местами виднелись кучки грубого серого порошка, какой мог бы оставаться при разложении определенных видов грибов, произрастающих в марсианских катакомбах под каналами. Подобные грибы, вероятно, росли некогда и в катакомбах Йох-Вомбиса, но в результате длительного и интенсивного обезвоживания давно исчезли. Не было сомнения, что в этих катакомбах долгие тысячелетия не существовало ничего живого — здесь не могло выжить ничто, даже грибы.

Воздух был на редкость спертым, как будто остатки древней атмосферы, не такой разреженной, как нынешняя атмосфера Марса, просочились под землю и сгостились в этой затхлой темноте. Дышать было труднее, чем наверху: в воздухе витали зловонные миазмы и при каждом шаге поднималась легкая пыль, распространяя слабый запах древности и тлена, подобно пыли рассыпавшихся в прах мумий.

В конце зала, перед узкой и высокой дверью, лучи наших фонарей выхватили из темноты огромную неглубокую урну или блюдо на коротких, кубической формы ножках, изготовленную из тусклого черно-зеленого материала, напоминавшего странное сочетание металла и фарфора. Урна была около четырех футов в диаметре, а ее широкий ободок был украшен глубоко, как кислотой, проправленным узором из непонятных извивающихся фигур или знаков. На дне урны мы заметили осадок, состоявший из темных, похожих на пепел или шлак частиц, издававших легкий, но неприятный остреватый аромат, подобный тени более сильного запаха. Октав, наклонившийся над урной и вдохнувший этот запах, тотчас начал кашлять и чихать.

— Вероятно, это вещество, чем бы оно ни было, являлось очень действенным препаратом для окуривания, — заметил он. — Жители Йох-Вомбиса, надо полагать, использовали его для дезинфекции катакомб.

Дверь за неглубокой урной привела нас в обширный зал; пыли здесь было меньше, а пол сравнительно чист. Мы обна-

ружили, что на темных плитах под нашими ногами были высечены разнообразные геометрические узоры; в линии была втерта охрообразная минеральная краска, а среди фигур, как в египетских картушах, встречались иероглифы и чрезвычайно формалистические рисунки. Разобраться в значении большинства из них мы не смогли, однако изображения, несомненно, представляли самих йорхов. Как и Айхай, они были рослыми и угловатыми, с широкой бычьей грудью; тела их были снабжены дополнительной третьей рукой, выходящей из середины груди, что в остаточной форме иногда встречается и среди Айхай. Их уши и ноздри, насколько мы могли судить, не были такими огромными и раздувающимися, как у современных марсиан. Все йорхи были изображены обнаженными, однако на одном из картушей, далеко уступавшем в отделанности другим, мы разглядели две фигуры, чьи высокие конические черепа были обвернуты чем-то наподобие тюрбанов, которые йорхи собирались не то снять, не то поправить. Художник, казалось, старался особо подчеркнуть странный жест, с которым гибкие четырехфаланговые пальцы цеплялись за эти головные уборы, причем сами йорхи необъяснимо корчились, как в конвульсиях.

Из второго зала во всех направлениях разбегались галереи, которые вели в настоящий лабиринт катакомб. Там, выстроившись торжественными рядами вдоль стен и оставляя лишь узкие проходы, где двое из нас, идя рядом, едва могли притиснуться, стояли громадные пузатые урны, сделанные из того же материала, что и курильница; они были выше человеческого роста и снабжены тяжелыми крышками с прямоугольным ручками. Когда нам удалось снять одну из огромных крышек, мы увидели, что сосуд был доверху наполнен пеплом и обожженными фрагментами костей. Без сомнения, йорхи (как принято и у современных марсиан) хранили в каждой такой урне кремированные останки целого семейства.

Мы шли все дальше, и даже Октав замолчал; его прежнее возбуждение уступило место задумчивому и благоговейному созерцанию. Остальные, я думаю, были все до одно-

го совершенно подавлены плотным мраком непроницаемой древности, в которую, казалось, мы погружались все глубже и глубже с каждым шагом.

Тени трепетали перед нами, как чудовищные безобразные крылья призрачных летучих мышей. Нигде не было ничего, кроме обратившейся в атомы пыли тысячелетий и урн с прахом давно вымершего народа. Но на высоком потолке одного из дальних склепов я заметил темный и сморщеный округлый нарост, похожий на высохший гриб. Достать его мы не смогли и, обменявшись множеством бездоказательных предположений, продолжали путь. Как ни странно, в этот момент я не вспомнил об измятом темном предмете, который я наяву или во сне увидел минувшей ночью.

Не могу сказать, какое расстояние мы прошли, прежде чем достигли последнего склепа; казалось, мы веками бродили по этому забытому подземному миру. Воздух становился все более спертым, зловонным и непригодным для дыхания, и наконец сделался густым и влажным, как будто в нем колыхалась какая-то гниющая взвесь. Мы едва не повернули назад — как вдруг, в конце длинного, уставленного урнами прохода, неожиданно уперлись в глухую стену.

Здесь нас ждало одно из наиболее странных и таинственных открытий. У стены, выпрямившись, стояла мумифицированная и невероятно иссушенная фигура. Она была выше семи футов ростом, темно-коричневого, битуминозного цвета, и полностью обнажена, за исключением своего рода черного капюшона, который покрывал верхнюю часть головы и спускался по бокам измятыми складками. Судя по трем рукам и общим очертаниям тела, это явно был один из древних йорхов — возможно, единственный представитель этой расы, чье тело сохранилось в нетронутом виде.

Мы ощутили невыразимое волнение при мысли о возрасте этого высохшего существа, которое пережило в сухом воздухе склепа все смены исторических и геологических эпох планеты, став связующим звеном с затерянными веками.

Направив на мумию лучи фонарей и приглядевшись поближе, мы поняли, каким образом она сохраняла вертикальное положение. Ее лодыжки, колени, талия, плечи и шея бы-

ли прикованы к стене тяжелыми металлическими обручами, такими изъеденными и почерневшими от ржавчины, что с первого взгляда мы не смогли различить их в тени. Странный капюшон на голове даже при ближайшем рассмотрении оставался загадочным. Он был покрыт тонкими, похожими на плесень ворсинками, грязными и пыльными, как старая паутина. В этом капюшоне было что-то необъяснимо отталкивающее и тошнотворное.

— Богом клянусь! вот это настоящая находка! — воскликнул Октав, поднося фонарь к высохшему лицу. Тени, как живые, забегали в бездонных впадинах глазниц, огромных тройных ноздрях и широких ушах, выступающих из-под капюшона.

Все еще поднимая фонарь, Октав протянул свободную руку и легонько дотронулся до тела. Прикосновение было чрезвычайно осторожным, однако нижняя часть бочкообразного торса, ноги, кисти и предплечья внезапно рассыпа-

лись в пыль; лишь голова и верхняя часть торса и рук остались висеть в металлических оковах. Разложение, как видно, протекало до странности неравномерно, поскольку оставшиеся части тела не выказывали признаков распада.

Октав смятенно и горестно вскрикнул и принял кашлять и чихать, когда его окутало облако поднявшейся в воздух коричневой, невесомой пыли. Все остальные отступили назад, уклоняясь от праха. Внезапно, глянув поверх расходящегося облака пыли, я увидел нечто невероятное. Черный капюшон на голове мумии начал извиваться и подергиваться по краям; отвратительно изгибаясь, он упал с высохшего черепа и, падая, стал судорожно сворачиваться и разворачиваться в воздухе. Затем он опустился на обнаженную голову Октава, который, забыв обо всем после гибели мумии, в отчаянии стоял у стены. В этот миг, испытывая глубочайший ужас, я вспомнил о предмете, выползшем из тени Йох-Вомбиса при свете лун-близнецовых, том самом предмете, что отпрянул, как порождение сна, стоило мне проснуться и пошевелиться.

Существо облепило голову Октава, как ткань, скрыв под собой его волосы, лоб и глаза. Он испуганно закричал, беспомощно призывая на помощь, и стал бешено срывать с себя капюшон. Все было напрасно; пронзительные крики Октава взмыли безумным крещендо агонии, словно он корчился под каким-то орудием дьявольской пытки; он приплясывал и метался по склепу, со странным проворством ускользая от нас, пока мы пытались схватить его и избавить от чудовищной ноши. Сцена казалась таинственной, как ночной кошмар; и однако, существо, сжимавшее голову Октава, было реальным и, очевидно, представляло собой какую-то неизвестную форму марсианской жизни, которая, вопреки всем законам науки, сохранилась в этих первобытных катакомбах. Мы должны были во что бы то ни стало вырвать Октава из его пугающей хватки.

Мы попытались окружить обезумевшего начальника экспедиции — что в отнюдь не просторном закоулке между последними урнами и стеной, казалось, не должно было составить труда. Но Октав ловко и даже вдвойне ловко, если

учесть, что он ничего не видел, бросился в сторону, обогнул нас и помчался прочь, скрывшись среди урн в лабиринте пересекающихся подземных ходов.

— Боже мой! Что с ним случилось? — воскликнул Харпер. — В него будто дьявол вселился!

Обсуждать загадку, разумеется, было некогда, и мы кинулись за Октавом со всей скоростью, какую позволяло наше изумление. В темноте мы потеряли его из виду и у первой развилки остановились, не зная, какой коридор он выбрал. Затем мы услышали пронзительный, несколько раз повторившийся крик в крайнем левом зале. В этих криках звучало что-то потустороннее, неземное; возможно, виной был застоявшийся воздух или особая акустика ветвившихся каверн. Но мне трудно было представить, что подобные вопли могли слетать с человеческих губ — по крайней мере, с губ живого человека. В них звучала бездушная, механическая агония, как будто их издавал труп, ведомый вселившимся в него дьяволом.

Направляя лучи фонарей в качающиеся, неверные тени, мы бежали между рядами громадных урн. Крики смолкли в могильной тишине, но далеко впереди мы уловили легкий приглушенный топот бегущих ног. Сломя голову, мы бросились туда, но, задыхаясь в смрадном, насыщенном миазмами воздухе, вскоре вынуждены были перейти на шаг, так и не догнав Октава. Слабые, затихающие звуки его шагов исчезали вдали, как поступь уходящего в могилу призрака. После и они смолкли, и мы больше ничего не слышали, кроме собственного судорожного дыхания и шума пульсирующей в висках крови, подобного тревожному бою барабанов.

Мы двинулись дальше и у тройной развилки каверн разделились на три группы. Харпер, Халгрен и я углубились в средний проход. Казалось, мы шли без конца, пробираясь по склепам, до потолка заставленным колоссальными урнами, хранившими, должно быть, прах сотен поколений. Не обнаружив никаких следов Октава, мы вышли наконец в огромный зал с геометрическими узорами на полу. Вскоре к нам присоединились остальные, которые также не смогли найти исчезнувшего руководителя экспедиции.

Мне незачем подробно описывать наши возобновившиеся и многочасовые поиски, что привели нас в мириады ранее не обследованных склепов. Мы не обнаружили в них никаких признаков жизни — все они были мертвы. Помню, как я вновь пересек склеп, где видел на потолке темный округлый нарост, и с дрожью заметил, что он исчез. Каким-то чудом мы не заблудились в этом подземном лабиринте и вышли в конце концов к последнему залу с прикованной к стене мумией.

Приближаясь к нему, мы услышали размеренный, повторяющийся лязг металла — тревожный, загадочный звук, как будто вурдалаки колотили молотками по какому-то забытому саркофагу. Когда мы подошли ближе, свет фонарей открыл нам зрелище, в равной степени необъяснимое и неожиданное. Рядом с тем, что осталось от мумии, спиной к нам стояла человеческая фигура; голову ее скрывал раздутый черный предмет, напоминавший по размерам и форме диванную подушку. Октав был в стену заостренным металлическим стержнем. Мы не знали, как долго он находился здесь и где нашел этот стержень. Под его яростными ударами глухая стена осыпалась грудой щебня и окаменевшей известки, обнажая маленькую узкую дверцу, сделанную из того же загадочного материала, что и урны с курильницей.

Пораженные, обескураженные, донельзя озадаченные, мы безвольно застыли на месте, не в силах что-либо предпринять. Все казалось слишком фантастическим и ужасным, и было ясно, что Октав действовал под влиянием некоего безумия. Я ощущал сильный приступ внезапной тошноты, когда опознал омерзительное существо, которое охватило голову Октава и свисало жуткой опухолью ему на шею. Я боялся даже предположить, почему оно так раздулось.

Не успели мы опомниться, как Октав отбросил металлический стержень и начал шарить по стене. Вероятно, там находилась скрытая пружина; но никакие догадки не могли объяснить, как Октав узнал о ее существовании или местоположении. Вскрытая дверь, массивная и тяжелая, как плита саркофага, с глухим отвратительным скрипом приоткрылась внутрь, и из щели хлынул адский полуночный мрак,

словно поток тысячелетиями погребенной скверны. В тот же миг наши электрические фонари почему-то замигали и потускнели, и мы вдохнули удушающее зловоние, подобное сквозняку из глубин этого мира вековечного разложения.

Октав повернулся к нам и праздно опустил руки, стоя перед открытой дверью в позе человека, завершившего порученную ему работу. Мне первому удалось сбросить парализующие чары; выхватив складной нож — единственное имевшееся у меня подобие оружия — я подбежал к нему. Октав отступил, но не успел уклониться, и я вонзил четырехдюймовое лезвие в черную раздувшуюся массу, которая охватывала всю верхнюю часть его головы и свисала на глаза.

Я не в состоянии даже вообразить, чем было это существо — если вообще можно представить себе нечто подобное. Оно было бесформенным, как большой слизень, и не имело ни головы, ни хвоста, ни каких-либо внешних органов — отвратное, раздутое, кожистое создание, покрытое тонкими, похожими на плесень шерстинками, о которых я уже упоминал. Нож пронзил его, как прогнивший пергамент, оставив длинный разрез, и это кошмарное существо, казалось, опало, как лопнувший пузырь. Из него хлынула тошнотворная струя человеческой крови, перемешанной с кусками темной массы, вероятно, полупереваренными волосами, плавающими в крови студенистыми сгустками, напоминавшими осклизлые, не до конца растворившиеся кости, и волокнами свернувшейся белой субстанции. В тот же миг Октав пошатнулся и рухнул на пол, растянувшись плашмя. Прах рассыпавшейся мумии, потревоженный его падением, поднялся клубящимся облаком и скрыл Октава; он лежал недвижно, как мертвый.

Преодолевая отвращение и задыхаясь от пыли, я склонился над ним и сорвал с его головы вяло повисшее, сочащееся кровью ужасное существо. Оно отделилось с неожиданной легкостью, как будто я снял мокрую тряпку; Господь свидетель, я пожалел, что не оставил его на месте. Под существом больше не было человеческого черепа — все было выедено до самых бровей. Когда я поднял это похожее на капюшон создание, открылся наполовину съеденный мозг.

Я выронил неведомое существо из внезапно онемевших пальцев, и в падении оно перевернулось брюхом вверх, открыв ряды многочисленных розоватых присосок, расположенных концентрическими кругами; в центре находился белесый диск, опутанный нитевидными волосками нервных волокон и, очевидно, служивший нервным узлом.

Мои товарищи струдились позади, но долгое время никто не произносил ни слова.

— Как долго, вы думаете, он был мертв? — прошептал Халгрен жуткий вопрос, который мы все себе задавали. Никто, по-видимому, не мог или не хотел отвечать — не в силах двинуться, охваченные неизъяснимым страхом, мы стояли и смотрели на Октава, как завороженные.

Наконец я заставил себя отвести глаза. Мой взгляд случайно упал на останки прикованной мумии, и я с каким-то механическим, неестественным ужасом впервые заметил, что высохшая голова была наполовину выедена. Затем в глаза мне бросилась приоткрытая дверь. Сперва я не мог понять, что привлекло мое внимание. И вдруг в луче фонаря я увидел далеко за дверью, словно в бездонной преисподней, легион извивающихся, ползущих как черви теней. Темнота, будто набухая ими, изрыгнула на широкий порог склепа омерзительный авангард бесчисленной армии существ, подобных чудовищной, дьявольской пиявке, что я сорвал с выеденной головы Октава. Некоторые были тощими и плоскими и походили на складывающиеся и распрямляющиеся округлые лоскуты материи или кожи, другие казались более или менее тучными и ползли медленно, с сытым довольствием. Не знаю, чем они могли питаться в запечатанном мраке вечной ночи, и молюсь о том, чтобы никогда этого не узнать.

В судороге ужаса и отвращения я отскочил назад, а черная армия нескончаемым потоком с кошмарной быстрой изливалась из отворенной бездны, как тошнотворная рвота пресыщенных ужасом адских подземелий. Существа, накрыв тело Октава копошащейся волной, приближались к нам. Я заметил, как казавшееся мертвым создание, которое я отбросил в сторону, стало подавать признаки жизни; с от-

вратительными усилиями оно пыталось подняться и присоединиться к остальным.

Ни я, ни мои спутники не могли больше выносить этого зрелища. Мы обратились в бегство, мчась среди рядов величественных урн. Ползучая масса дьявольских пиявок не отставала, и у первой развилки, позабыв друг о друге и мечтая лишь о спасении, мы в слепой панике рассеялись и наугад нырнули в ветвящиеся коридоры. Я услышал, как кто-то позади споткнулся и упал и как его проклятие перешло в безумный крик. Но я знал, что если остановлюсь и поверну назад, я навлеку на себя ту же ужасающую смерть, что постигла бежавшего последним.

Все еще сжимая в руках электрический фонарь и складной нож, я кинулся в небольшой проход; насколько я помнил, он шел сравнительно прямо и должен был привести меня к просторному внешнему склепу с разрисованным полом. Здесь я очутился в одиночестве. Мои спутники побежали по главным коридорам, и я слышал вдалеке приглушенное столпотворение безумных криков, как будто преследователи одновременно схватили нескольких человек.

Судя по всему, я неверно выбрал направление: проход оказался незнакомым и все время петлял и изгибался, часто пересекая другие коридоры. Вскоре я понял, что заблудился в черном лабиринте, где ноги живущих бесчисленные столетия не тревожили пыль. Похоронные звуки охоты замерли вдали, и в мертвой тишине я слышал только свое безумное, громкое и хриплое дыхание, подобное вздохам титана во тьме.

Я снова двинулся вперед, и внезапно луч фонаря выхватил из темноты приближавшегося ко мне человека. От неожиданности я вздрогнул, но не успел я совладать с собой, как человек прошел мимо длинными и ровными шагами автомата, возвращаясь, очевидно, во внутренние склепы. Думаю, это был Харпер, так как он был примерно того же роста и телосложения; но я не могу сказать наверняка, поскольку его глаза и верхняя часть головы были обвиты темным, раздувшимся капюшоном, а бледные губы плотно сжаты и будто скованы пыткой столбняка — или смертью. Кем бы

он ни был, фонарь он где-то выронил и вслепую, в полной темноте шел к средоточию освобожденного ужаса, направляемый волей потустороннего вампира. Я знал, что ему уже ничто не поможет и даже не пытался его остановить.

Весь дрожа, я снова бросился бежать. Навстречу мне попались еще двое из нашего отряда; они вышагивали с механической быстротой и уверенностью, подняв головы с сатанинскими коронами пиявок. Остальные, вероятно, направились обратно по главным коридорам — я их не встретил и больше никогда не видел.

После все превратилось в размытую муть демонического ужаса. Помню, я решил, что нахожусь уже близко к внешней каверне, но вновь обнаружил, что сбился с пути и побежал вдоль бесконечно тянувшихся рядов чудовищных урн, через уходящие в неведомую даль и неисследованные на ми склепы. Казалось, я бежал так годы; воздух мертвых тысячелетий разрывал мне легкие, ноги подкашивались. И тогда я увидел далеко впереди крошечную точку благословенного дневного света. Я кинулся к ней сквозь проклятые дрожащие тени, оставляя позади все ужасы чужеродного мрака, и оказался в склепе, который заканчивался низким полуразрушенным входом, заваленным обломками; солнечный свет узкой дугой падал на камни.

Это был, очевидно, другой вход, мы же проникли в смертоносное подземелье через главный. Я был уже в дюжине футов от него, когда неожиданно и беззвучно что-то упало мне на голову с потолка, мгновенно ослепив меня и затянувшись на голове, как сеть. В кожу головы и лба огненными уколами вонзились миллионы иголок — нарастающая агония пытки, казалось, пронзала черепные кости и сходилась со всех сторон в самой сердцевине мозга.

Ужас и страдания этого мига были хуже ада земного безумия или лихорадочного бреда. Я ощущал смрадную вампирическую хватку чудовищной смерти — нет, чего-то ужаснее смерти.

Вероятно, при нападении я выронил фонарь, но пальцы правой руки еще сжимали раскрытый нож. Инстинктивно — я был едва ли способен мыслить и действовать сознатель-

но — я поднял руку и стал вслепую бить и резать ножом, снова и снова, гибельные складки существа, сжимавшего мою голову. Лезвие, должно быть, много раз пронзило цеплявшееся за меня чудовище и нанесло мне самому множество порезов, но в пытке миллионов пульсирующих иголок я не чувствовал боли от ран.

Затем я увидел свет. Черная полоса, упавшая с глаз, свисала вдоль щеки, сочась моей кровью. Она чуть извивалась, и я сорвал ее, а после, лоскут за влажным, окровавленным лоскутом, стал сдирать со лба и головы изрезанные останки существа. Покончив с этим, я побрел к выходу и, пошатываясь, стал выбираться из склепа. Тусклый свет превратился в искру пляшущего пламени, уходившую вдали, как последняя звезда творения, что сверкает над зияющим, подбирающимся все ближе хаосом и забытьем, и я полетел вниз, в эту черную бездну...

Говорят, я недолго пробыл без сознания. Придя в себя, я увидел, что надо мной склонились загадочные лица двух марсианских проводников. Мою голову терзала режущая боль, полузабытые ужасы вставали в мозгу, как тени слетевшихся гарпий. Я приподнялся и посмотрел на вход в каверну. Марсиане, видимо, оттащили меня на некоторое расстояние от подземелья. Вход находился под уступом террасы одного из центральных зданий; поодаль был виден наш лагерь.

Черная пасть отверстия одновременно завораживала и ужасала меня, и я различил во мраке смутное движение — тошнотворные, извивающиеся корчи существ, которые наползали из темноты, но не осмеливались выйти на свет. Вне сомнения, эти создания космической ночи, эти порождения тысячелетнего разложения не могли выносить солнечные лучи.

В эту минуту я ощущил высший ужас подступающего безумия. Предельное отвращение, тошнота и страх побуждали меня бежать от этого гнусного входа, но вместе с тем во мне зародилось чудовищное и совершенно противоположное желание — вернуться, проделать обратный путь через все катакомбы по следам моих спутников, спуститься туда,

где не побывал ни один человек, кроме них, непостижимо обреченных и проклятых, разыскать под властью жуткого принуждения адский подземный мир, какой и вообразить не может человеческая мысль. Я видел черный свет, в по-таенных уголках мозга звучал безмолвный призыв, зов существ проникал в тело и ядом разливался по моим жилам, как колдовское зелье. Тот зов манил меня к подземной двери, замурованной умирающим народом Йох-Вомбиса, чтобы заточить дьявольских бессмертных пиявок, этих паразитов мрака, наделяющих своей омерзительной жизнью полусъеденные мозги мертвецов. Он манил меня в далекие бездны, где обитают Они, отвратные властители царства мрака, повелители мертвых, Они, для кого адские пиявки со всем их вампирическим могуществом являются лишь жалкими слугами...

Только благодаря двум Ахайи я не вернулся в катакомбы. Я бешено, яростно отбивался, когда они пытались удержать меня своими губчатыми руками. Видимо, я был до крайности обессилен вследствие пережитых в тот день нечеловеческих приключений, так как вскоре снова провалился в бездонное ничто; приходя время от времени в себя, я сознавал, что Ахайи несут меня через пустыню по направлению к Игнарху.

На этом заканчивается мой рассказ. Я пытался рассказать обо всем подробно и связно. Человек в здравом уме никогда не поймет, чего мне это стоило... как я боролся с подступающим безумием. О, оно скоро вернется — уже возвращается... Да, я поведал свою историю... и вы все записали, не так ли? Теперь я должен вернуться в Йох-Вомбис — пересечь пустыню и спуститься вниз через все катакомбы к громадным склепам, что лежат под ними. Что-то в мозгу приказывает мне... Оно укажет мне путь... Говорю вам, я должен идти...

Карл Эштон Смит

Охотники из преисподней

Я редко могу сопротивляться искушению заглянуть в книжный магазин, особенно в такой, куда регулярно поставляют редкие и необычные экземпляры. Поэтому я зашел к Тоулмэну, чтобы проглядеть новинки. Это был один из моих кратковременных, раз в два года, приездов в Сан-Франциско, и я в то свободное утро вышел пораньше, чтобы после осмотра книг встретиться с Киприаном Синколом, скульптором. Он приходился мне троюродным или даже четвероюродным братом, и мы не виделись несколько лет.

Его студия была в двух шагах от лавки Тоулмэна, и у меня не было особых причин спешить. Киприан предложил осмотреть коллекцию последних скульптур, но, помня неизменную посредственность его предыдущих работ, банальные попытки добиться впечатления странности и ужаса, я не ожидал ничего, кроме пары часов унылой скуки.

В маленьком магазинчике не было ни одного покупателя. Зная мои склонности, хозяин и его единственный помощник после обычных слов приветствия утратили ко мне интерес, и я беспрепятственно копался на полках, заставленных всякой всячиной. Среди других, менее пленительных названий мне попалось роскошное издание «Капричос» Гойи. Начав перелистывать плотные страницы, я вскоре был поглощен дьявольским искусством этих рисунков, напоминавших порождения ночных кошмаров.

До сих пор удивляюсь, что не закричал в голос от безумного ужаса, когда, случайно подняв глаза от книги, я увидел существо, скорчившееся передо мной в углу книжной полки. Вряд ли я мог испугаться сильнее, даже если бы вдруг одно из адских творений Гойи ожило и соскочило со страниц тома.

Моим глазам предстала сгорбленная, мрачно-серая фигура, лишенная волос и даже какого-либо пуха или щетины, но украшенная узором из размытых бесцветных колец, похожих на свернувшуюся змею, которая живет в темноте. Он обладал головой и лбом человекообразной обезьяны, песьей пастью, руки заканчивались искривленными ладонями, а черные когти гиены почти достигали пола. Существо было неописуемо свирепым и омерзительным, его пергамент-

ная кожа непередаваемо морщилась, точно у трупа или мумии, а в глубоко посаженных глазных впадинах мерцали злые полоски желтоватого, будто горящая сера, сияния. Из полуоткрытого рта, истекающего слюной, высовывались гнилые клыки, облик этого зловещего создания напоминал изготовленное к прыжку чудовище.

Хотя я много лет писал рассказы, в которых часто речь шла о каких-то таинственных явлениях, потусторонних силах и привидениях, у меня не было четких и сколько-нибудь установившихся убеждений в отношении сверхъестественных явлений. Я никогда раньше не видел чего-либо, что мог бы считать привидением или хотя бы галлюцинацией, и вряд ли стал бы безапелляционно утверждать, что книжный магазин на оживленной улице, в ясном свете летнего дня, наиболее подходящее место для такого появления. Монстр передо мной не мог существовать среди животных видов нормального мира. Он был слишком ужасающим, слишком отталкивающим, чтобы быть кем-нибудь, кроме нереального создания.

Пока я в изумленном оцепенении смотрел поверх Гойи, полумертвый от страха, привидение двинулось ко мне. Я сказал, что оно двинулось, но его положение изменилось так мгновенно, без какого-либо усилия и видимого перемещения, что это слово безнадежно неуместно. Сначала ужасающий призрак стоял примерно в пяти или шести футах от меня. Но сейчас он склонился прямо над томом, который я все еще держал в руках, его тошнотворно светящиеся глаза уставились мне в лицо, и серо-зеленая слюна капала изо рта на раскрытые страницы. В этот миг я ощутил невыносимое зловоние, точно смесь запаха гнивших змей с пленью древнего склепа и разлагающегося трупа.

В ледяном безвременье, хотя прошла всего-то, может быть, секунда или две, мое сердце, казалось, прекратило биться, когда я увидел это отвратительное рыло. Задохнувшись, я с громким шумом уронил Гойю на пол, и, как только он упал, напугавшее меня видение исчезло.

Тоулмэн, лысый гном в очках в черепаховой оправе, бросился спасать упавший том, восклицая:

— Что случилось, мистер Хастейн? Вам нехорошо?

По той дотошности, с которой он изучал переплет, отыскивая возможные повреждения, я понял, что его основное беспокойство относилось к Гойе. Было ясно, что ни он, ни его помощник не видели призрака, и ничто в их поведении не выдавало, что они уловили отвратительный запах, все еще витавший в воздухе, точно дыхание разореной могилы. И насколько я мог судить, они даже не заметили пятно сероватой слюны на развороте открытого тома. Я не помню, каким образом умудрился выйти из магазина. В моей душе бушевал вихрь ужасного смятения и сильного до дрожи отвращения к сверхъестественному созданию, которое я видел. Я шел, опасаясь за свое душевное здоровье и безопасность. С трудом припоминаю, как очутился на улице за магазином Тоулмэна, лихорадочно шагая к студии кузена с аккуратным пакетом, в котором был том с рисунками Гойи. Очевидно, пытаясь загладить свою неловкость, я в каком-то непроизвольном порыве был вынужден оплатить и купить книгу, не сознавая, что делаю.

Я подошел к дому, куда должен был войти, но еще несколько раз обошел весь квартал, прежде чем переступил его порог. Все это время я отчаянно пытался вернуть себе самоконтроль и душевное равновесие. Я помню, насколько трудным для меня оказалось даже просто замедлить свой ход и удержаться от бега, мне все время казалось, что я спасаюсь от какого-то невидимого преследователя. Я старался уговорить самого себя, убедить рациональную часть своего разума в том, что видение — всего лишь результат мимолетной игры света и тени или временного помутнения зрения. Но все эти ухищрения были напрасны, я видел уродливый ужас чересчур отчетливо, со всеми вызывающими отвращение деталями.

Что мог означать этот случай? Я никогда не принимал наркотики и не злоупотреблял алкоголем. Мои нервы, насколько я знал, были вполне крепкими. Но либо я стал жертвой зрительной галлюцинации, что могло означать начало какого-то зловещего психического расстройства, либо видел какое-то оккультное явление, что-то из областей и изме-

рений, находящихся за пределами человеческого восприятия. Это было проблемой или психиатра, или оккультиста.

Хотя все еще страшно расстроенный, я все же попытался восстановить хотя бы малую часть самообладания. Кроме того, мне подумалось, что прозаические бюсты и пресные скульптурные группы Киприана Синкола могут благотворно повлиять на мои расшатанные нервы. Даже весь его гротеск мог бы показаться вполне здравым и заурядным в сравнении с дьявольской горгульей, пускавшей слюни передо мной в книжной лавке.

Я вошел в здание и поднялся по стоптанным ступеням на третий этаж, где Киприан устроил свою студию в просторной анфиладе комнат. Поднимаясь по лестнице, я испытывал странное чувство, как будто кто-то только что проходил по этим ступеням, но не слышал и не видел никого, а холл наверху был столь же тих и пуст, как и лестница.

Киприан находился в своей мастерской, когда я постучал в дверь. После паузы, которая показалась мне чрезвычайно долгой, я услышал его приглашение войти. Он вытирая руки о старую ветошь, и я догадался, что он только что лепил. Кусок легкой мешковины покрывал то, что, очевидно, было претенциозной, но еще не оконченной группой фигур, занимавшей середину длинной комнаты. Все вокруг было заставлено другими скульптурами: из глины, бронзы, мрамора и даже терракоты, которую он иногда использовал для менее важных скульптур. В одном конце комнаты стояла массивная китайская ширма. С первого взгляда я осознал, что произошла большая перемена, как в самом Киприане, так и в его работах. Я помнил его как дружелюбного, немного вялого юношу, всегда щеголевато одетого, ничем не напоминающего мечтателя и фантазера. Трудно было бы узнать его в этом худом, суровом, страстном человеке с гордым и проницательным видом, в котором было что-то дьявольское. Грива его нечесаных волос уже была тронута сединой, а глаза неестественно блестели огнем странного знания, и в их глубине затаилось какое-то вороватое выражение, словно его терзал неотступный болезненный страх.

Перемена в работах была не менее ошеломляющей. Их респектабельная скука и совершенная заурядность куда-то исчезли, и, как ни невероятно это звучит, они стали почти гениальными. Принимая во внимание вымученно бanalьный гротеск его прошлого периода, направление, которое теперь приняло его искусство, казалось невероятным. Вокруг меня были неистовые демоны, обезумевшие от страсти сатиры, вурдалаки, почувствовавшие запах склепа, ламии, сладострастно обвившиеся вокруг своих жертв, и еще более ужа-сающие существа, принадлежащие диковинным царствам зловещих мифов и страшных преданий.

Грех, ужас, богохульство, черная магия, страсти и злоба обители демонов — все было запечатлено с безукоризненным мастерством. Они были точно живые, что отнюдь не помогло мне успокоить расшатанные нервы, и я внезапно почувствовал настоятельное желание бежать прочь из студии, чтобы спастись от этой зловещей толпы застывших исчадий ада и высеченных химер.

Выражение моего лица, вероятно, в какой-то степени выдало обуревавшие меня чувства.

— Довольно сильные работы, не так ли? — спросил Киприан высоким резонирующим голосом, в котором слышались неприятная горделивость и торжество. — Я вижу, ты удивлен — небось, не ожидал ничего подобного.

— Откровенно говоря, нет, — признался я. — Великий боже, парень, да ты станешь Микеланджело сатанизма, если будешь продолжать в том же духе. И откуда только ты это взял?

— Да, я зашел довольно далеко, — сказал Киприан, казалось, не рассыпывая моего вопроса. — Возможно, даже дальше, чем ты думаешь. Если бы ты мог знать то, что я знаю, и видеть то, что я видел, ты, возможно, сделал бы что-нибудь стоящее из твоей фантастической писаницы, Филипп. Конечно, ты очень умен и воображение у тебя богатое, но зато опыта никакого.

Я был крайне удивлен и растерян.

— Оыта? Что ты имеешь в виду?

— Именно то, что сказал. Ты стараешься описать потусторонние и сверхъестественные вещи, не имея о них даже элементарных сведений из первых рук. Я пытался делать то же самое в скульптуре, ничего не зная, и ты, несомненно, помнишь, какая посредственность у меня получалась. Но с тех времен я навидался таких видов, которые тебе и не снились.

— Звучит так, как будто ты заключил пресловутую сделку с дьяволом или что-то в этом роде, — легкомысленно заметил я.

Глаза Киприана слегка сузились, и в них мелькнуло странное, необъяснимое выражение.

— Что я знаю, то знаю. Неважно, как и откуда. Мир, в котором мы живем, не единственный, и некоторые другие лежат к нам гораздо ближе, чем ты можешь предположить. Границы видимого и невидимого иногда пересекаются.

Вспомнив омерзительный призрак, я почувствовал странное беспокойство при его словах. Всего лишь час назад я счел бы это утверждение простым словоблудием, но теперь оно приобрело зловещий и ужасающий смысл.

— С чего ты взял, что у меня нет опыта в таких вещах? — спросил я.

— В твоих рассказах нет ничего такого — ничего действительного или личного. Они все явно высосаны из пальца. Если бы ты хоть раз спорил с привидением, видел вурдалака за едой, боролся с инкубом или подставлял шею вампиру, ты мог бы достичь подлинного мастерства в искусстве создания образов и колорита в таких рассказах.

По причинам, которые должны быть довольно очевидными, я намеревался не рассказывать никому о том невероятном событии, которое произошло со мной у Тоулмэна. Но сейчас я вдруг стал описывать этот призрак со странным смешанным чувством жуткого, непреодолимого ужаса и желания опровергнуть критику Киприана. Он слушал меня с ничего не выражавшим взглядом, как будто его мысли были далеко от моего повествования. Затем, когда я закончил свой рассказ, он произнес:

— Да у тебя больше способностей, чем я подозревал. Может быть, твоё видение похоже на одного из этих?

С этими словами он поднял деревянную фигуру с закутанных фигур, рядом с которыми он стоял.

Я невольно вскрикнул, пораженный тем, что мне открылось, и чуть не упал, отшатнувшись.

Передо мной чудовищным полукругом стояли семь созданий, точно слепленные с того страшилища, которое предстало моим глазам за томом Гойи. Даже в тех, которые все еще были бесформенными или незаконченными, Киприан с дьявольским мастерством сумел передать своеобразную смесь изначальной жестокости и посмертного разложения, которой был отмечен призрак. Семь чудовищ окружили обнаженную скавшуюся девушку и тянулись к ней своими омерзительными гиеными когтями. На лице девушки был написан абсолютный, жуткий, безумный ужас, столь же невыносимый, как и голодное предвкушение нападавших на нее чудищ. Скульптура была шедевром по своей совершенной силе и технике, но шедевром, вызывающим скорее отвращение, нежели восхищение. После моих недавних переживаний она вызвала у меня чувство неописуемого волнения. Казалось, что из привычного, знакомого мира я забрел в страну невыносимой скорби, чудовищной и неестественной опасности.

Охваченный неодолимой силой притяжения этой странной скульптуры, я не мог отвести от нее взгляда. Наконец я повернулся от нее к самому Киприану. Он разглядывал меня со странным выражением, под которым я заметил тень злорадства.

— Как ты находишь моих милашек? — поинтересовался он. — Я собираюсь назвать композицию «Охотники из предисподней».

Прежде чем я успел ответить, из-за китайской ширмы неожиданно вышла женщина. Я понял, что именно с нее Киприан лепил девушку в центре неоконченной группы. Очевидно, все это время она одевалась и теперь собиралась уходить, ибо на ней был английский костюм и элегантная шляпка. Она была очень красива, смуглой романской кра-

сотовой, но ее губы были печально и неприязненно сжаты, а когда она взглянула на нас с Киприаном и открытую статую, я подумал, что ее широко расставленные ясные глаза похожи на два колодца странного ужаса.

Киприан не представил меня. Они тихо говорили о чем-то минуту или две, но я не разобрал и половины того, что было сказано. Однако я сделал вывод, что они договариваются о следующем сеансе. В голосе девушки слышались умоляющие, испуганные ноты, перемешанные почти с материнской заботой, а Киприан, казалось, спорил или пытался в чем-то убедить ее. Наконец она вышла, бросив на меня странный просиявший взгляд, о причинах которого я мог лишь догадываться.

— Это была Марта, — спохватился Киприан. — Она на половину ирландка, наполовину итальянка. Хорошая модель, но, кажется, моя новая скульптура немного ее нервирует.

Он отрывисто рассмеялся, и смех его был безрадостным и неприятным, точно кашель колдуна.

— Во имя Господа, что ты пытаешься здесь сделать? — взорвался я. — Что это все значит? Неужели такая гадость действительно существует где-то на земле или в аду?

Он зло и хитро рассмеялся и мгновенно стал уклончивым.

— Все может существовать во многих измерениях бескрайней вселенной. Все может быть реальным — или не реальным. Кто знает? Не мне судить. Выясни это для себя сам, если сможешь — здесь раздолье для предположений, и даже, может быть, больше, чем для предположений.

И он немедленно сменил тему. Сбитый с толку и озадаченный, с мучительно мечущимся в поисках объяснения умом и нервами, более чем когда-либо расшатанными мрачной загадкой всего происходящего, я прекратил расспрашивать его. Мое желание покинуть студию стало почти непреодолимым и превратилось в безумную, всепоглощающую панику, побуждающую меня сломя голову выбежать из комнаты и броситься вниз по ступеням в безопасную уютную повседневность улицы двадцатого века. Мне показалось, что лучи, проникавшие сквозь стеклянную крышу, исходят не

от солнца, но от какого-то темного светила; что комната затянута нечистой паутиной тени в тех местах, где тени не могло быть; и что каменные дьяволы, бронзовые ламии, терракотовые сатиры и глиняные горгульи размножились каким-то непонятным образом и вот-вот наполнятся губительной жизнью.

Едва понимая, что говорю, я еще некоторое время продолжал беседовать с Киприаном. Затем, под предлогом выдуманной встречи со знакомым, я неуверенно пообещал заглянуть еще раз перед отъездом из Сан-Франциско и ушел. К моему удивлению, модель кузена стояла в нижнем холле, у основания лестницы. По ее поведению и первым произнесенным словам стало очевидно, что она поджидала меня.

— Вы же мистер Филипп Хастейн, правда? — спросила она страстным, взволнованным голосом. — Я Марта Фитцджеральд. Киприан часто упоминал ваше имя, и я думаю, что он очень вас ценит.

— Возможно, вы примете меня за сумасшедшую, — продолжала она, — но мне нужно с вами поговорить. Я больше не могу вынести того, что здесь происходит, и я бы отказалась появляться в этом доме, если бы я не... не любила Киприана так сильно. Я не знаю, что произошло, но он стал совершенно другим. То, что он делает, ужасно — вы не представляете, как это пугает меня. Его скульптуры с каждым днем все кошмарней и отвратительней. Ах! Эти слюнявые, мертвенно-серые чудища в его новой группе — я едва могу находиться с ними в одной комнате. Не дело это — изображать такие вещи. Разве вам не кажется, что это ужасно, мистер Хастейн? Они выглядят так, как будто вырвались из ада, и заставляют вас верить в то, что этот ад где-то неподалеку. Даже... даже воображать такое — дурно и грехно, и жаль, что Киприан никак не может остановиться. Я боюсь, с ним что-нибудь случится, с его разумом, если он станет продолжать. И я тоже сойду с ума, если мне придется все время их видеть. Боже мой! Кто угодно свихнулся бы в этой студии.

Она запнулась и, казалось, заколебалась. Потом:

— Не могли бы вы что-нибудь сделать, мистер Хастейн? Не могли бы вы поговорить с ним и объяснить, как дурно

он поступает и как это опасно для его рассудка? Вы, должно быть, имеете большое влияние на Киприана — вы ведь его кузен, правда? И он считает вас очень умным. Я никогда не стала бы вас просить, если бы мне не пришлось видеть слишком много такого, чего быть не должно. Кроме того, я не стала бы вас тревожить, если бы могла обратиться еще к кому-нибудь. Весь этот год Киприан безвылазно просидел в этой ужасной мастерской и почти ни с кем не видался. Вы первый, кого он пригласил посмотреть свои новые скульптуры. Он хочет, чтобы они оказались полной неожиданностью для критиков и публики на его следующей выставке. Вы ведь поговорите с Киприаном, правда, мистер Хастейн? Я никак не могу остановить его. Он, похоже, воссторгается теми безумными страшилищами, которых создает. И просто смеется надо мной, когда я пытаюсь предостеречь его. Однако я думаю, что порой эти твари и ему треплют нервы, и он начинает бояться своей собственной болезненной фантазии.

Если еще что-то и было нужно, чтобы окончательно добить меня, отчаянной мольбы девушки и ее неясных мрачных намеков вполне хватило. Я отчетливо видел, что она любит Киприана, безумно беспокоится за него и панически боится — в противном случае она не бросилась бы с такой просьбой к незнакомцу.

— Но я не имею никакого влияния на Киприана, — возразил я со странным смущением. — В любом случае, что я могу сказать? Чем бы он ни занимался, это его дело, а не мое. Его скульптуры превосходны — я никогда не видел ничего более впечатляющего — в своем роде. Я не смогу привести ни одного разумного довода, и он просто выставит меня вон из мастерской. Художник имеет право выбирать сюжет для своих произведений, даже если он берет его из самых нижних кругов чистилища или царства мертвых.

Должно быть, девушка довольно долго упрашивала и убеждала меня в пустынном вестибюле. Слушая и пытаясь убедить ее в моей неспособности выполнить ее просьбу, я точно вел тщетный и скучный диалог. В течение нашей беседы она рассказала мне некоторые подробности, которые

я не хочу приводить в этом повествовании; эти подробности, касающиеся психической деформации Киприана, его нового сюжета и методов работы, были слишком отвратительными и шокирующими, чтобы поверить в них. Она прямо и косвенно намекала на растущую извращенность моего кузена, но мне почему-то казалось, что еще больше она утаивала, и даже в своих наиболее устрашающих разоблачениях она не была полностью откровенна со мной. Наконец, отдавшись неопределенным обещанием поговорить с Киприаном и переубедить его, я улизнул от нее и вернулся в свою гостиницу.

Весь день и последовавший за ним вечер прошли словно в навязчивой дымке дурного сна. Я чувствовал себя так, как будто с твердой земли ступил в бурлящую, угрожающую, сводящую с ума бездну тьмы и утратил всякую ориентировку. Все это было слишком омерзительно — и слишком неясно и нереально. Перемена, произошедшая с самим Киприаном, была не менее ошеломляющей и вряд ли менее ужасающей, чем отвратительный призрак из книжной лавки и демонические скульптуры, созданные с поразительным мастерством. Им словно овладела какая-то дьявольская сила или сущность.

Куда бы я ни пошел, я был бессилен отделаться от неуловимого ощущения, что меня кто-то преследует, от пугающего незримого ока, неусыпно следящего за мной. Мне казалось, что безжизненно-серое лицо и дьявольские желтые глаза могут снова возникнуть передо мной в любой момент, что песня морда с гнилыми клыками вдруг начнет истекать слюной прямо над столиком в ресторане, где я обедал, или на подушке моей кровати. Я не осмеливался открыть купленный том Гойи из страха обнаружить, что некоторые страницы все еще запятнаны слюной призрака. Я вышел на улицу и весь вечер слонялся по кафе и театрам — везде, где толпились люди и горел яркий свет. Уже далеко за полночь я отважился бросить вызов одиночеству моей гостиничной спальни. Затем последовали изнурительные часы бессонницы, когда я, дрожащий, покрытый холодным потом, томительно ожидал неизвестно чего в ярком свете электри-

ческой лампы, которую так и не решился погасить. Наконец, почти на рассвете, не сознавая этого и даже не пройдя через обычное дремотное состояние, я провалился в глухой сон.

Я не помню никаких сновидений — лишь безграничную зловещую подавленность, преследовавшую меня даже в глубинах забытья, чтобы затянуть меня своей бесформенной неотвязной тяжестью в бездну, о которой не знают даже самые просвещенные умы и которую не может постичь ни одно живое существо.

Был уже почти полдень, когда я очнулся и обнаружил, что смотрю в отталкивающее мумифицированное обезьянье лицо и адски светящиеся глаза страшилища, которое так напугало меня у Тоулмэна. Существо стояло в шаге от моей кровати, и позади него на моих глазах стена, оклеенная обоями с цветочным рисунком, исчезала в бескрайнем море мглы, кишащей какими-то мерзкими фигурами, подобно чудовищным бесформенным пузырям на равнинах волнующейся грязи и сводах из выującychся дымков. Это был совершенно другой мир, и мое душевное равновесие было поколеблено тем зловещим водоворотом, на который я смотрел. Мне казалось, что моя постель головокружительно взлетает вверх и медленно, точно в каком-то бреду, кувыркается в бездну, что мутное море и отвратительное видение плывут подо мной, и в следующее мгновение я упаду на них и меня безвозвратно увлечет в этот мир чудовищного уродства и непристойности.

На грани полной паники я боролся с головокружением и с чувством, что чья-то чуждая воля притягивает меня, что грязное чудовище манит меня гипнотическими чарами точно так же, как, по рассказам, змей гипнотизирует свою добычу. Я, казалось, мог прочесть зловещие намерения в его блестящих желтых глазах, в беззвучном подергивании липких губ, и я содрогнулся от отвращения, когда моих ноздрей коснулась его омерзительная вонь.

Очевидно, простой попытки внутреннего сопротивления оказалось достаточно. Серое море и устрашающее лицо исчезли, растаяв в свете дня. Я увидел орнамент из чай-

ных роз на обоях там, где только что расстилалась клубящаяся бездна, и кровать подо мной опять стала успокоительно горизонтальной. Я лежал в ледяном поту пережитого ужаса, погруженный в волны кошмарных подозрений, неземных опасностей и затягивающего меня безумия, и лишь телефонный звонок случайно вернул меня в обычный мир.

Я бросился к аппарату. Это был Киприан, хотя я едва смог узнать мертвые, безнадежные интонации его голоса, из которого исчезла его былая безумная гордость и самоуверенность.

— Мне надо немедленно тебя видеть, — произнес он. — Ты можешь прийти в мастерскую?

Я чуть было не отказался и не сказал, что меня внезапно вызвали домой, поэтому совсем не осталось времени, и я опаздываю на дневной поезд — что угодно, чтобы только избежать повторного посещения этого дьявольски зловещего места, как вдруг он заговорил снова:

— Ты просто обязан прийти, Филипп. Я не могу рассказать тебе всего по телефону, но случилась страшная вещь — Марта исчезла.

Я согласился, сказав, что пойду в студию, как только оденусь. Кошмар приблизился вплотную, неизмеримо сгущаясь после его последних слов, но постоянно преследующее меня лицо девушки, ее панический страх, отчаянная мольба и мое невнятное обещание не позволили мне отказаться с чистым сердцем.

Я оделся и вышел на улицу, терзаемый самыми страшными предположениями, жуткими сомнениями и предчувствиями тем более ужасающими, что я не понимал их причин. Я пытался вообразить, что могло произойти, старался собрать в единое целое обрывки устрашающих уклончивых намеков в ясную логическую схему, но обнаружил, что не могу вырваться из хаоса призрачной угрозы. Даже если бы у меня и было время позавтракать, я не смог бы проглотить ни крошки. Я быстро дошел до студии и увидел Киприана, бесцельно стоящего в окружении своих мрачных статуй. Он выглядел как человек, ошеломленный ударом сокрушительного оружия или же взглянувший в глаза Медузы Горгоны.

Он безучастно поприветствовал меня пустыми невыразительными словами. Затем, точно заведенный механизм, будто говорило только его тело, а не голова, он начал свое чудовищное повествование.

— Они забрали ее, — просто сказал он. — Возможно, ты не знал или не был уверен в этом, но я делал все мои скульптуры с натуры — даже эту последнюю группу. Этим утром Марта позировала мне, всего лишь час назад или даже меньше. Я надеялся, что сегодня закончу лепить ее, чтобы не нужно было приходить сюда, пока я не завершу остальные фигуры. На этот раз я не вызывал этих бестий, потому что знал, что она все больше и больше их боится. Мне кажется, что ее страх за меня был сильнее, чем за себя саму, да и меня, признаться, они немного тревожили той дерзостью, с которой иногда задерживались после того, как я приказывал им уйти, и тем, что иногда появлялись без приглашения. Я был занят завершающими штрихами в фигуре девушки и даже не смотрел на Марту, когда внезапно осознал, что эти создания уже здесь. Мне хватило одного запаха — полагаю, ты знаешь, что это за запах. Я поднял глаза и увидел, что мастерская просто заполнена ими — они никогда прежде не появлялись в таком количестве. Они окружили Марту, стеснившись вокруг и отталкивая друг друга, протягивая к ней свои мерзкие когти. Но даже в тот момент я не думал, что они могут тронуть ее. Они не материальные существа, как мы, и у них нет физической силы за границами их собственного измерения. Все, на что они способны — это только коварный гипноз, и они все время пытаются при помощи него утащить тебя в свое измерение. Упаси Бог попасть к ним, но тебе необязательно идти за ними, разве что ты слаб или сам хочешь этого. Я никогда не сомневался в своей способности противостоять им, и даже не помышлял о том, что они могут что-то сделать с Мартой. Однако я испугался, когда увидел их адскую шайку, и поэтому довольно резко велел им убираться. Я рассердился и был немного встревожен. Но они лишь гримасничали и пускали слюни с этим их медленным шевелением губ, которое так напоминает беззвучное бормотание. А потом они

сгрудились над Мартой, точно так же, как я изобразил их в этой проклятой скульптуре. Только там были десятки этих созданий, а не семеро. Я не могу описать, как это случилось, но вдруг их жуткие когти достали Марту, они схватили ее и тянули за руки и ноги. Она закричала — надеюсь, что никогда больше мне не доведется слышать другой крик, столь же полный жестокой агонии и душераздирающего страха. И я понял, что она покорилась им, сознательно или же в приступе ужаса, и они уносили ее.

На короткий миг мастерская исчезла — была лишь длинная, серая, вязкая равнина под сводами адских паров, извивающихся, как миллион омерзительно искривленных драконов. Марта тонула в этой трясине, и жуткие создания полностью закрыли ее; все новые и новые сотни раздутых бесформенных болотных тварей прибывали с каждой стороны, борясь друг с другом за место, погружаясь вместе с ней в свой родной ил. Потом все исчезло, и я остался стоять здесь, в студии, один на один с этими чертовыми скульптурами.

Он помолчал немного, глядя тоскливыми безутешными глазами в пол. Затем:

— Это было ужасно, Филипп, и я никогда себе не прошу, что связался с этими чудищами. Я, верно, был не в себе, но я всегда стремился создать что-то действительно стоящее в области гротеска и мистики. Я не думаю, что ты когда-либо предполагал, принимая во внимание мои прошлые нудные работы, что я испытывал подлинную тягу к таким вещам. Я хотел достигнуть в скульптуре того, чего По, Лавкрафт и Бодлер добились в литературе, а Ропс и Гойя — в изобразительном искусстве.

Вот что привело меня в потусторонний мир, когда я осознал свои пределы. Я понял, что, прежде чем изображать жителей невидимых миров, я должен увидеть их. Я хотел этого. Я жаждал этой силы воображения больше всего на свете. И тогда однажды я обнаружил, что обладаю даром вызывать невидимое...

Магия в обычном смысле этого слова была ни при чем — я не использовал ни заклинаний, ни магических кругов, ни пентаграмм и горящей смолы из старинных колдовских

книг. В сущности, это была всего лишь сила воли, думается мне — воли предугадать дьявольское, вызвать неизмеримое зло и потусторонние силы, населяющие другие измерения или невидимо переплетенные с человеческим миром. Ты и представить себе не можешь, что я видел, Филипп. Эти мои статуи, эти дьяволы, вампиры, ламии, сатиры — все было сплелено с натуры или, по меньшей мере, с недавних воспоминаний. Оригиналы, которые оккультист назвал бы изначальными, я полагаю. Есть миры, соприкасающиеся с нашим или существующие одновременно с ним, где обитают такие твари. Все создания из мифов и сказок, все охраняющие духи, вызванные колдунами, живут в таких мирах. Я стал их повелителем, я собирал с них дань как хотел. Затем из измерения, которое, несомненно, находится ниже, чем все остальные, чуть ближе к сердцу преисподней, я вызвал безымянных существ, которые позировали мне для этой скульптурной группы. Я не знаю, что они собой представляют, но у меня есть кое-какие предположения. Они отвратительны, как черви, пожирающие грешников в преисподней, злобы, как гарпии, они никогда не могут утолить свой отвратительный невообразимый и неописуемый голод. Но я думал, что они бессильны сделать что-то вне границ своего мира, и все время смеялся, когда они пытались меня заманить, хотя временами испытывал дрожь от этого их змеиного мысленного зова. Это было похоже на мягкие, невидимые, зыбкие руки, пытающиеся затянуть тебя с твердого берега в бездонную трясину. Они охотники — я уверен в этом, охотники из преисподней. Один Бог ведает, что они сделают с Мартой, когда она оказалась в их власти. Этот бескрайний, отравленный миазмами мир, куда ее забрали, гораздо страшнее того, что пришло бы в голову самому Сатане. Возможно, даже там они не смогут причинить какой-то вред ее телу. Но им нужны не тела: не ради человеческой плоти они протягивают свои омерзительные когти, разевают ужасные пасти и пускают зловонную слону. Разум и душа — вот что служит им пищей: эти создания терзают потерявших рассудок мужчин и женщин, они пожирают бесплотные души, выпавшие из круговорота перевоплощений и утратившие

возможность нового рождения. Одна мысль о том, что Марта оказалась в их власти, хуже сумасшествия. Она любила меня, и я тоже любил ее, хотя у меня не хватало ума осознать это, я был охвачен своим низким стремлением и нечестивым эгоизмом. Она так боялась за меня, что я считаю: Марта добровольно отдалась в руки этих тварей. Наверное, она решила, что они оставят меня в покое, если найдут в этой студии другую добычу.

Он замолчал и начал лихорадочно расхаживать по комнате. Его запавшие глаза светились мукой, как будто механический пересказ того, что случилось, вновь воскресил его подавленный разум. Приведенный его ужасающим рассказом в полное смятение, я не мог ничего сказать и только стоял и смотрел на его искаженное мукой лицо.

Вдруг это выражение сменилось диким ошеломлением, мгновенно превратившимся в радость. Проследив за его взглядом, я увидел, что в центре комнаты стоит Марта. Она была обнажена, если не считать испанской шали, в которой позировала. В ее лице, напоминавшем лицо мраморного ангела на надгробии, не было ни кровинки, а глаза широко открыты и пусты, точно из нее высосали жизнь, все эмоции и воспоминания, и даже печать пережитого ужаса не лежала на этом смертельно бледном челе. Это было лицо живого мертвеца, бездушная маска полного идиотизма, и выражение радости померкло в глазах Киприана, когда он подбежал к девушке.

Взяв за руку, он обратился к ней с отчаянной, любящей нежностью, со словами утешения и успокоения. Она не отвечала, и ни одно движение не говорило о том, что она нас узнала или хотя бы услышала. Девушка смотрела сквозь Киприана своими бессмысленными глазами, в которых дневной свет и тьма, пустое место и лицо возлюбленного отныне и навсегда не отличались друг от друга. В этот самый момент мы оба поняли, что никогда больше она не отреагирует ни на один человеческий голос, на любовь или ужас, что девушка стала подобна пустому савану, сохраняющему внешнюю форму того, чье тело в темноте склепа сожрали гробовые черви. Она ничего не смогла бы нам рассказать о

преисподней, в которой побывала, о том бескрайнем царстве тьмы, куда ее заманили призраки, агония Марты завершилась ужасным милосердием полного забвения.

Точно взглянувший в лицо Медузы Горгоны, я заледенел, встретив взор ее широко раскрытых невидящих глаз. И вдруг комната позади нее, где стояло полчище высеченных из камня дьяволов и ламий, расступилась, стены и пол, казалось, растворились в бурлящей бездне, а статуи с омерзительной неотчетливостью перемешались с кровожадными лицами и искаженными голодом живыми фигурами. Они, точно дьявольский смерч из Малебольги, потянулись к нам из своего чистилища в дальнем измерении.

Силуэт Марты, стоявшей в объятиях Киприана, четко вырисовывался на фоне этого кипящего котла губительной бури, точно образ леденящей смерти и тишины. Спустя несколько секунд страшное видение поблекло, оставив лишь дьявольскую скульптуру.

Я думаю, что один видел страшное нашествие и исход, потому что Киприан не замечал ничего, кроме помертвевшего лица Марты. Он прижал ее к себе, повторяя безнадежные слова нежности и утешения, потом внезапно выпустил ее из своих объятий и зарыдал в отчаянии. Девушка безучастно смотрела, как он схватил со стола с инструментами тяжелый молоток и начал чудовищными ударами крушить только что выплеченную группу страшилищ. Вскоре не осталось ничего, кроме фигуры обезумевшей от страха девушки, скорчившейся над кучей жалких обломков и бесформенной, не высохшей до конца глины.

Тэд Уильямс

Сны древнего города

— Аллах милосердный! Я как теленок, откормленный на убой! Так набил утробу, что ходить не могу, — проревел Масрур аль-Адан и треснул кубком по столу — раз, второй, третий.

От ударов на гладкой древесине отпечатались вмятины в виде полумесяца.

Огонь еле теплился, и по стенам ползали тени. Стол Масрура — хозяина этого дома — устилали разбросанные кости мелкой дичи.

Наклонившись вперед, Масрур с прищуром оглядел остатки трапезы:

— Теленок. Откормленный, — повторил он и, рассеянно рыгнув, утерся заляпаным вином рукавом.

Ибн Фахад выдавил тонкогубую, холодную улыбку:

— Да, старый друг, знатную бойню мы устроили голубиному роду-племени. — Его изящная ладонь обвела россыпь объедков. — Вдобавок, повергли в бегство тех отважных воинов, что сторожат твои винные погреба. По обыкновению, приношу тебе благодарность за гостеприимство. Но не посещает ли тебя временами мысль, что жизнь не сводится к наращиванию жиров на службе у халифа?

— Ха! — Масрур сделал большие глаза. — Выполняя волю нашего повелителя, я сделался богатым. Сделался толстым.

На его губах мелькнула улыбка.

Другие гости, посмеявшись, зашушукались.

Абу Джамир, еще более дородный мужчина, чем хозяин, и в столь же заляпанной одежде, развалил башенку из голубиных костей.

— Ночь только началась, любезный Масрур! — воскликнул он. — Пусть кто-нибудь сходит за вином, и давайте послушаем истории!

— Баба! — взревел Масрур. — Эй, старый пес, поди сюда!

Почти мгновенно в дверях возник старый слуга и с третьей посмотрел на своего чересчур веселого господина.

— Тащи сюда остальное вино... или ты все выжрал?

Баба огладил седой подбородок:

— Эээ... но ведь вы сами его выпили, хозяин. Вы и господин ибн Фахад забрали последние три бутыли, когда пошли пострелять из лука по флюгеру.

— Так я и думал, — кивнул Масрур. — Ладно, отправляйся за базар к дому абу Джамира, пробуди его слугу и тащи сюда несколько кувшинов. Наш славный Джамир хочет получить их прямо сейчас.

Баба исчез. Огорченного абу Джамира весело оттеснили другие гости.

— Рассказ, давайте рассказ! — выкрикнул кто-то. — Историю!

— Да, господин Масрур, расскажите нам о своих странствиях! — прокричал безбожно пьяный юноша по имени Хасан.

Возражений не последовало.

— Кто-то мне говорил, вы посещали зеленые земли на севере, — продолжал он с наивной, глупой настойчивостью. Глаза его горели.

— Север? — буркнул Масрур, брезгливо взмахнув рукой.

— Нет, парень, нет... об этом я рассказывать не стану.

На его лицо словно набежала туча. Он откинулся на подушки, голова в феске упала на грудь.

Ибн Фахад знал Масрура, как своих лошадей. Более того, лишь его дал себе труд изучить. В прошлом старый приятель не раз выпивал на глазах ибн Фахада вдвое больше и все равно отплясывал на стенах Багдада, будто дервиш. Но ибн Фахад догадывался о причине столь внезапной слабости перед вином.

— О, Масрур, пожалуйста! — не унимался Хасан. От него было не отделаться — вцепился, как молодой сокол в первую добычу. — Расскажи нам о севере. Расскажи о гяурах!

— Не пристало доброму правоверному проявлять к северянам такой интерес. — Абу Джамир, с ханжески-благочестивым видом понюхав кувшин, вытряс из него последние капли. — Раз Масрур не хочет рассказывать, оставь его в покое.

— Ха! — слегка оправившись, фыркнул хозяин. — Ты, Джамир, просто пытаешься меня отвлечь, чтобы мое горло не

так сильно пересохло к тому времени, когда прибудет твое вино. Нет, я не боюсь говорить о неверных. Ежели Аллах отвел им место в мире, значит, хоть какой-то прок от них есть. Скорее, меня удерживает кое-что... другое. — Он благодательно посмотрел на Хасана.

Юноша так захмелел, что, казалось, вот-вот раскинет.

— Не отчайвайся, малыш. Пожалуй, мне пойдет на пользу выговориться. Я долго держал в себе подробности этой истории. — Масрур слил в кубок остатки из еще одного кувшина. — Правда, чувства до сих пор так сильны... и вспоминать порой горько. Дружище, а почему бы не рассказать тебе? — бросил он через плечо ибн Фахаду. — Ты точно такой же участник.

— Нет, — ответил ибн Фахад.

Пьяный молокосос Хасан сдавленно вскрикнул от разочарования.

— Но почему, друг мой? — Масрур в изумлении повернулся к давнему приятелю. — Неужели даже у тебя леденеет сердце от воспоминаний?

— Просто я знаю, чем это чревато, — сердито поглядел на него ибн Фахад. — Стоит мне начать, как ты станешь вмешиваться, добавлять подробностей там, сгущать краски сям, а потом скажешь: «Нет, я не в силах об этом рассказывать! Продолжай, старина!». А потом, не успею я сделать вдох, как ты перебьешь меня снова. Ты ведь знаешь, Масрур, кончится тем, что говорить будешь один ты. Так почему бы тебе сразу не начать, чтобы я не тратил дыхание зря?

Рассмеялись все, только Масрур напустил на себя обиженно-озабоченный вид:

— Конечно, старина. Вот уж не думал, что подвергнусь таким нападкам. Конечно, я расскажу историю. — Он широко улыбнулся гостям. — На какие только жертвы не пойдешь ради такой дружбы, как наша. Эй, Баба, не поворотишь угли? Ах, да, он же ушел. Хасан, тебя не затруднит?

Когда юноша вернулся на место, Масрур сделал глоток и, огладив бороду, начал:

— В те дни я состоял на службе у Гаруна аль-Рашида, пусть Аллах дарует ему здоровье. Я был скромный солдат,

не более. Молодой, сильный, вино любил не в меру — но какой солдат не любит? — ну, и выглядел куда стройнее и привлекательней, чем сейчас.

Мой отряд получил приказ сопровождать караван, который шел на север, в земли за кавказскими горами. Один армянский князь прислал халифу в дань уважения много подарков и предлагал открыть торговый маршрут между своим княжеством и нашим халифатом. Гарун аль-Рашид, будучи мудрейшим из мудрейших, не заставил верблюдов стонать под тяжестью ответных даров. Он послал несколько придворных, включая младшего визиря Валида аль-Саламеха, и велел им заверить армянского князя, что, как только откроется кавказский маршрут, богатая награда не заставит себя ждать.

Мы покинули Багдад с большой пышностью: знамена трепетали на ветру, солдатские щиты сверкали, что твои золотые динары, подарки халифа везла на своих спинах шайка злых, своенравных ишаков.

Проследовав вдоль берега верного Тигра, мы несколько дней отдохнули в Мосуле и через восток Анатолии устремились дальше. Местность постепенно менялась, сплошные пески уступали место каменистым холмам и кустарнику. Воздух похолодел, небо стало серым. Казалось, Аллах отвернулся от этого края, но не сказать, чтобы наши люди огорчились тому, что их перестало палить солнце пустыни. Караван шел споро. Ничто не предвещало опасность, разве что по ночам из темноты за лагерными кострами нет-нет да и доносился волчий вой. Не прошло и двух месяцев, как мы достигли предгорий Кавказа... так называемых степей.

Для тех из вас, кто не высывал нос дальше нашего родного Багдада, должен сказать, что северные земли совершенно другие. Деревья растут так густо, что, швырни камень на пять шагов — обязательно в какое-то да попадешь. А под ними все время темно, потому что задолго до заката солнце уже не может пробиться сквозь кроны, да и почва всегда сырая. Но, по правде говоря, новизна быстро приедается, и вскоре тебя повсюду начинает преследовать запах гниения. Наш караван шел уже больше восьми недель, и тоска по

дому давала о себе знать. Но мы утешались мыслью о благах жизни, которыми нас окружат, как только мы доберемся до дворца князя, доставив добрые пожелания нашего халифа и... веское доказательство оных.

Когда случилась беда, мы уже оставили позади высокогорные перевалы и спускались к подножию хребта.

Однажды ночью мы разбили лагерь в ущелье с отвесными стенами, в тысяче локтей от вершин высоких кавказских гор. Костры, считай, прогорели, и почти весь лагерь, кроме двух часовых, дремал. Я завернулся в одеяло и смотрел сон, как трачу жалование, и вдруг мои мечты прервал душераздирающий крик. Я осоловело сел, и меня тут же сбило наземь что-то крупное. Через миг я с ужасом понял: передо мною наш часовой. Из его горла торчала стрела, в выпущенных глазах навечно застыло недоумение. Внезапно откуда-то сверху донеслись завывания. Небось, волки, это волки спускаются к нам в ущелье, была моя первая мысль. В своем огороженном состоянии я совершенно не подумал о стреле.

Даже когда вокруг стали падать другие стрелы и по лагерю с улюлюканьем заметались тени, я еще не сознавал, что она означает. Еще одна стрела просвистела прямо у лица, а затем что-то обрушилось на мою непокрытую шлемом голову, и ночь озарилась яркой вспышкой, которая не освещала ничего. Я без чувств упал навзничь.

* * *

Затрудняюсь сказать, как долго я пребывал в забытьи, пока меня не привел в чувство болезненный пинок в ребра.

Надо мной стояла высокая грозная фигура, вычерченная черным на фоне затянутого облаками утреннего солнца. Когда глаза немного привыкли к свету, я увидел худое, узкое, будто нож, лицо, отмеченное печатью жестокости, хмутое чено и усы, длинные, как у степного кочевника.

«Кто бы меня ни ударил по голове, он явно вернулся закончить работу», — подумал я, и еще слабый, потянулся к поясу за кинжалом.

Ужасающая фигура мягко наступила мне на запястье ногой в остроносом сапоге и на безупречном арабском сказала:

— Бесконечны чудеса твои, о, Аллах! Большего неряхи я в жизни не видывал!

Как вы уже поняли, это был ибн Фахад. В нашем большом караване он ехал рядом с армянским посланником и младшим визирем, а не сзади, с простыми смертными, поэтому мы никогда не разговаривали. Так мы с ним впервые и познакомились по-настоящему: я лежал на спине, весь грязный, окровавленный и оплеванный, а ибн Фахад стоял надо мной с видом богача, выбирающего морковь на базаре. Унизительно донельзя!

Ибн Фахаду в тот день улыбнулась его обычная удача. Когда на караван посреди ночи напали разбойники, которые, видно, следовали за нами уже несколько дней, ибн Фахад облегчался в стороне от лагеря. При первых же криках он бросился назад и, благодаря любезности своего стремительного меча, отправил не одного супостата в ад, однако враги сильно превосходили нас числом. Тогда ибн Фахад собрал вокруг себя горстку выживших и вместе с ними пробился на свободу. Они спасались бегством, кляня малочисленность своего отряда и незнание местности, а из темноты вслед неслись крики, гулко отражавшиеся от стен ущелья.

Когда ибн Фахад возвратился при свете дня, чтобы собрать остатки припасов и выяснить, кто же на нас напал, он нашел меня... обстоятельство, о котором он без устали напоминает мне и за которое теперь всегда предо мной в ответе.

Пока лекарь врачевал мои раны и злость на разбойников выветривалась, Ибн Фахад познакомил меня с горсткой выживших — остатками некогда многолюдного каравана.

Одним был Сусри аль-Дин — жизнерадостный парень в одеждах богатого купеческого сына, свежий лицом и гладкощекий, точно наш малыши Хасан. Выжившие солдаты Сусри любили и, поддразнивая за большие красивые глаза, прозвали «Олененочком». Также спаслись тощий, как жердь,

старший писарь по имени Абдулла — человек с поджатыми губами и стальным взглядом — и до неприличия дородный молодой мулла, только что из медресе, чье знакомство с настоящей жизнью теперь проходило в довольно грубой форме. Руад, мулла, выглядел так, словно ему милее пить и веселиться с солдатами — не считая меня и ибн Фахада, их было еще четверо-пятеро — тогда как Абдулла, чопорный писарь, производил впечатление человека, самой судьбой предназначеннного на роль того, кто никогда не поднимает головы от Корана. Что ж, в некотором роде оно и понятно, ведь для людей вроде Абдуллы счетные книги, что твое Святое писание, да простит меня Аллах за подобное богохульство.

Был еще один человек, примечательный исключительным богатством своих одежд, необычайно белоснежной бородой и увесистым обилием украшений. Звали его Валид аль-Саламех, и служил он младшим визирем у владыки нашего, халифа Гаруна Аль-Рашида. Валид был самым важным человеком во всем отряде. К тому же, как ни странно, оказался совсем неплохим малым.

Вот такая участь постигла нас, остатки халифского посольства. Вся надежда была на то, что как-то удастся найти путь домой через чужие, враждебные земли.

* * *

Верховья Кавказа — место холодное и нечестивое. Туманы там густые и промозглые, наползают поутру, ненадолго рассеиваются, когда солнце стоит в зените, и задолго до заката наползают снова. С первого мгновения в предгорьях наша одежда была пропитана влагой, словно у колодцекопателей. Коварный край эти горы: дом родной медведям да волкам и покрыты столь густыми лесами, что местами вниз совершенно не пробивается солнце. Проводника у нас не было... да и о каком проводнике могла идти речь, если признаки жилья мы увидели только через несколько дней? Мышли наобум, зачастую возвращаясь на то же место и пони-

мая, что бродим кругами.

Наконец пришлось признать, что без помощи местного жителя никак не обойтись. На полпути к вершине пошли такие чащи, что мы часами не могли вернуться на правильный путь. Чтобы помолиться, мы определяли положение Мекки большинством голосов и — да простит меня Аллах снова! — наверное, по ошибке частенько совершали намаз в сторону Алеппо. Выбирать приходилось между возможной отгадкой и верной гибелью.

К ночи мы спустились в долину и, увидев одинокую пастушью лачугу, умыкнули из нее парня. Все было проделано тихо, как и надлежит бывшим разбойникам вроде нас (прости, ибн Фахад, в том караване и впрямь было много таких). Семья не проснулась, собака не залаяла. Еще до рассвета мы отошли, наверное, лиги на две.

Мне было по-своему жаль похищенного деревенского увальня. Парень был славным, хоть и непроходимо тупым... Хотел бы я знать, может, мы теперь для него старая, скучная история, которой он надоедает своим детям? Имя его, на мой взгляд, цивилизованный язык попросту не в состоянии выговорить. Так вот, как только наш пленник понял, что мы не призраки и не джинны и ему не грозит опасность погибнуть на месте, он успокоился и стал довольно полезным. Дело сдвинулось с мертвой точки и за два дня мы достигли ближайшей вершины.

В тот вечер мы немного воспрянули духом, потому что впервые за долгое время вышли под открытое небо. Солдаты кляли отсутствие крепких напитков, но настроение все равно было праздничным... даже ибн Фахад расщедрился на улыбку.

Пока младший визирь Валид рассказывал смешную историю, я оглядел лица слушателей. Мрачны были всего двое: писарь Абдулла, чего и следовало ожидать от этого безнадежного зануды, и похищенный крестьянин. Я подошел к нему:

— Привет, юноша. Ты чего невесел? Неужто еще не понял, что мы люди добrosердечные и богобоязненные, и не причиним тебе вреда?

Он так и остался сидеть, по-пастушески уткнувшись под-

бородком в колени, но глаза на меня поднял:

— Не в том дело, — ответил он на ломаном арабском. — Вы, солдаты, тут ни при чем, это... место такое.

— Н-да, горы и впрямь мрачные, — кивнул я. — Но ты живешь в них с рождения. С чего вдруг тебя это обеспокоило?

— Не само место. Мы никогда сюда не ходим... оно проклятое. По этим вершинам бродит вампир.

— Вампир? Это еще что за крестьянские выдумки?

Он не произнес больше ни слова. Я оставил его в покое и вернулся к огню.

Когда я рассказал нашим о вампире, они дружно покатались от хохота и шутливо принялись строить догадки, что это за зверь, но Руад, тот молодой мулла, тут же замахал руками.

— Я наслышан об этих ифритах. Не смеялись бы вы, безбожники, над тем, чего не разумеете.

Это прозвучало как грубая шутка, но на круглом его лице мелькнуло странное выражение, и мы, заинтересовавшись, стали слушать дальше.

— Вампир — это неприкаянный человек. Он не живой и не мертвый, и душа его полностью принадлежит Шайтану. Днем он спит в гробнице, а с восходом луны выбирается на охоту, чтобы подкрепить силы кровью какого-нибудь путника.

Некоторые снова заржали, но на этот раз смех был столь же наигранным, как улыбка торговца медной посудой.

— Я слышал о вампирах от одного чужеземца, — прошептал младший визирь. — Они стали настоящей чумой для какой-то деревни близ Смирны. Все ее обитатели бежали, и по сей день там никто не живет.

Кто-то, может, и я, вспомнил о демоне с зубами по обе стороны головы. Затем последовали другие истории о всякой нечисти. Разговоры не стихали допоздна, и мы разошлись, только когда костер совсем прогорел.

К полудню следующего дня мы спустились с верховий обратно в темные, лесистые ущелья. Той ночью на привале густые кроны снова прятали нас от звезд, от всевидящего ока Аллаха и неба.

Помню, как я проснулся в предутренней темноте. Борода отсырела от росы, а плащ, будь он неладен, опутался вокруг ног. Надо мной нависала огромная тень и, признаюсь, я взвизгнул от страха.

— Это я, — прошипела тень: она оказалась Рифахом, солдатом из нашего отряда.

— У меня аж сердце в пятки ушло.

— Что, за вампира меня принял? — хмыкнул Рифах. — Извини. Просто иду отлить.

Он перешагнул через меня и захрустел кустарником. Постепенно меня опять сморил сон.

Едва солнце выглянуло из-за горизонта, как меня разбудили. На сей раз это был ибн Фахад, который дергал меня за руку.

— Отцепись, — проворчал я.

Однако он оказался приставучим, как уличный попрошайка.

— Рифах исчез. Просыпайся. Ты его видел?

— Он переступил через меня среди ночи, когда шел полить деревце. Возможно, упал где-то в темноте и ударился головой. Вы его искали?

— Несколько раз. Облазили вокруг лагеря все. Рифах как сквозь землю провалился. Он тебе что-нибудь говорил?

— Ничего особенного. Может, он повстречал сестру нашего пастуха и сейчас ее где-нибудь дрючит.

— А может, и нет. — Ибн Фахад поморщился от моей пошлости. — Может, его самого кто-нибудь вздрючил.

— Не волнуйся. Раз он не валяется где-то неподалеку, значит, вернется.

Но Рифах не вернулся. Когда проснулись остальные, мы вновь предприняли долгие поиски, но без успеха. В полдень, понадеявшись, что он нас нагонит, мы, скрепя сердце, решили двигаться дальше.

Наш отряд спускался в долину, все больше углубляясь в лесную чащу. Рифах так и не объявился, хотя время от времени мы останавливались и звали его. Мы не боялись привлечь внимание. Та темная долина была пустой, как кошельк нищего, но нам все равно вскоре стал неприятен звук собственных голосов, гулявших эхом над заболоченными прогалинами. Дальше мы шли молча.

В горных ущельях сумерки наступают рано, и к полудню обычно уже темно. И вдруг Олененочек — кличка приклеилась к парню, несмотря на его бурные возражения — больше всех взбудораженный исчезновением Рифаха, остановился и заорал: «Смотрите!»

Мы дружно посмотрели, куда он показывал, но за густыми деревьями, да еще и в сумерках, ничего не смогли разглядеть.

— Я видел тень! — выпалил юноша. — Кто-то следует за нами по пятам. Возможно, наш пропавший солдат.

Естественно, все бросились смотреть, но, прочесав кусты, не обнаружили ничего. Мы решили, что нехватка освещения сыграла с юношем злую шутку: он видел лань или другую живность.

Еще дважды он кричал, что кого-то заметил. В последний раз одному солдату тоже показалось, что на расстоянии полета стрелы среди деревьев мелькнула похожая на человека тень. Однако тщательный осмотр места снова ничего не дал, и отряд устало вернулся на тропу.

Валид повернулся к Олененочку и, сурово посмотрев на него, молвил:

— Молодой господин, будет лучше, если вы прекратите говорить о призрачных тенях.

— Но я видел! — с горячностью воскликнул парень. — И солдат Мухаммед тоже!

— Не сомневаюсь, — ответил Валид аль-Саламех, — но подумайте сами: мы несколько раз обыскивали местность и не нашли ни следа живого человека. Возможно, наш Рифах погиб. Возможно, он упал в ручей и утонул или ударился головой о камень. И теперь его дух преследует нас, потому что не хочет оставаться в незнакомом месте. Только это не

значит, что нужно идти на поиски.

— Но... — промямлил другой солдат.

— Хватит! — прошипел главный писарь Абдулла. — Вы слышали визиря, юный шутник. Больше никаких разговоров о ваших нечестивых духах. Бросайте-ка свои выдумки!

— Я ценю ваши хлопоты, Абдулла, — холодно оборвал его Валид, — но разберусь и без вашей помощи.

С этими словами визирь пошел прочь.

Я почти обрадовался, что писец отчитал Олененочку. Мысли такого рода сильно мешают путешествию... но, как и младшего визиря, меня покорило высокомерие писца. Наверняка и другие разделяли мои чувства, ибо за весь вечер на эту тему никто больше не заговаривал.

Однако последнее слово всегда остается за Аллахом... Да и кто мы такие, чтобы пытаться понять Его пути? Тем вечером мы укладывались спать в тишине, но мысль о том, что нас преследует душа бедного Рифаха, безмолвно витала в воздухе.

Когда я вынырнул из зыбкого, тревожного сна, в лагере царил хаос.

— Это Мухаммед, тот солдат! — рыдал Олененочек. — Его убили! Он умер!

И точно. Мулла первым проснулся поутру и обнаружил, что постель Мухаммеда пуста, а затем в нескольких шагах от прогалины наткнулся на его тело.

— У него горло рассечено, — заметил Ибн Фахад.

Выглядело так, будто на беднягу напал дикий зверь. Земля под трупом потемнела от крови, глаза были распахнуты.

Внезапно ругательства солдат и молитвы позеленевшего муллы перекрыл другой звук. Юный пастух, который весь день накануне ходил мрачнее тучи, катался по земле у кухонного костра и стенал:

— Вампир... вампир... вампир....

Как вы легко можете догадаться, после таких событий все мои спутники впали в полное уныние. Пока мы хоронили Мухаммеда в торопливо выкопанной могиле, кто-нибудь нет-нет да и бросал через плечо взгляд в сторону леса. Даже Руад, читавший священный Коран, с трудом держал глаза

долу. Мы с ибн Фахадом условились, что будем считать Мухаммеда жертвой волка или еще какого-нибудь зверя, но наши товарищи даже не пытались притвориться, что в это верят. Только младший визирь и писец Абдулла полностью сохранили голову на плечах, причем Абдулла не скрывал своего презрения к остальным. Мы постарались тронуться в путь как можно скорее.

В тот день отряд пребывал в мрачном настроении... оно и немудрено. У нас не было ни желания обсуждать очевидное, ни присутствия духа для пустой болтовни... Молчаливой вереницей шли мы через негостеприимные горы.

Когда на землю начала опускаться ночь, темная фигура возникла опять: мелькала, тут же скрывалась и возвращалась снова, прыгая за нами, будто галка. Как легко догадаться, по коже у меня ползали мурашки, но я старался не подавать виду.

Мы разбили лагерь, развели большой костер и, сгрудившись вокруг него, мрачно поужинали. Я, ибн Фахад, Абдулла и визирь все еще говорили о нашем преследователе как о звере. Абдулла, возможно, в это даже верил... но не из глупости, а потому, что люди вроде него не желают признавать то, что выходит за пределы их понимания.

Пока мы по очереди стояли на часах, наш молодой мулла призвал к молитве мучимых бесконницей людей. Ветер подхватывал голоса, и те уносились вверх вместе с дымом, столь же бестелесные, как и он, в этих древних, холодных горах.

Я подсел к пастуху. После утренних событий юноша стал неразговорчивей прежнего.

— Этот вампир, о котором ты говорил, — тихо начал я.
— Как вы от него защищаетесь?

— Запираем двери, — глянул он на меня с печальной улыбкой.

Я окинул взглядом спутников. Олененочек поджал губы и нахмурил лоб. Толстощекий Руад молился в поте лица. Ибн Фахад хладнокровно глядел вдаль.

— У нас нет дверей и окон. Нечего запирать, — ответил я парню со столь же грустной улыбкой. — Какие-нибудь дру-

гие способы?

— Есть одна трава. Мы вешаем ее возле наших домов... — он запнулся, подыскивая слово на чужом языке: — Не важно. У нас ее нет. Она тут не растет.

Подавшись вперед, я наклонился к нему.

— Ради бога, парень, не томи.

Я знал, знал, что нам противостоит не обычный земной зверь. Я видел мелькавшую тень.

— Ну, — пробормотал пастух, отворачиваясь, — они, некоторые люди, то бишь, говорят, что можно рассказывать истории...

— Что?

Я подумал, что он лишился разума.

— Так я слышал от дедушки. Вампир остановится послушать рассказ, если тот увлекательный, разумеется, а там и вернется в свое царство мертвых, если продолжать до рассвета.

Неожиданно кто-то заорал. Я вскочил и бросился искать нож, но тревога оказалась ложной: Руад угодил ногой в горячие угли. Я снова уселся на место. Сердце грохотало.

— Истории? — спросил я.

— Это лишь разговоры, — сказал он, усиленно подыскивая слова. — Мы стараемся вампиров так близко не подпускать... им ведь надо подойти, чтобы услышать, о чем мы говорим.

Позже, когда догорели угли и мы, поставив часовых, разбрелись по своим постелям, я еще долго лежал без сна, думая о том, что рассказал армянин.

* * *

Незадолго до рассвета меня разбудил пронзительный визг.

На этот раз никто не обжегся о горячий уголек. Один из наших двух часовых лежал на земле, и на голове у него зияла огромная кровоточащая рана. В свете факелов череп

выглядел так, словно его размозжили тяжелой дубиной. Второй часовой исчез, но из кустов за лагерем доносился страшный шум и крики — будто раненый зверь рвался из капкана, только время от времени проскакивали невнятные обрывки слов.

Припав к земле, мы, словно испуганные кролики, сбились в кучу. Крики начали угасать. Внезапно встрепенувшись, Руад грузно и неуклюже поднялся на ноги. В его глазах стояли слезы.

— Н-н-нельзя... вот так вот б-б-бросать товарищей н-на муки! — вскричал он, окидывая нас взглядом.

Вряд ли этот взгляд кто-то выдержал, разве что Абдулла. Я, по крайней мере, не смог.

— Заткнись, дурак! — рявкнул писарь, не утруждая себя подбором слов. — Это обычный дикий зверь. Пришел по ваши трусливые душонки, но божьему человеку бояться нечего!

Мулла ошарашенно посмотрел на него и вдруг поменялся в лице. На щеках Руада еще не просохли слезы, но я впервые обратил внимание, какая у него волевая челюсть и широкие плечи.

— Нет, — сказал он. — Мы не можем бросить товарища на расправу слуге Шайтана. Если вы не идете его вызывать, я пойду один.

Он прекратил теребить свиток в руках, скатал его и поцеловал. Золотые буквы заиграли, выхваченные из темноты столбом лунного света.

Я попытался остановить Руада, когда тот проходил мимо, но он с неожиданной силой вырвался и зашагал к кустам, где визг к тому времени перешел в низкий надломленный стон.

— Эй, дурак! Вернись! — заорал ему Абдулла. — Твое геройство бессмысленно! Возвращайся!

Юный слуга Аллаха оглянулся и, метнув на Абдуллу такой взгляд, что мне сложно его описать, двинулся дальше, держа перед собой пергаментный свиток, будто свечу, привезенную разогнать мрак ночи.

— Нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммед пророк его! — услышал я, и на этом мулла исчез в лесной чаще.

После долгой тишины до нас донеслись святые слова Корана, произносимые с дрожью в голосе. Мы слышали, как Руад ломился назад через лес. Дыхание затаил не только я.

Затем что-то треснуло, захрустели ветви — будто какой-то огромный зверь прыгнул сквозь кустарник. Распевные молитвы муллы превратились в вой. Мы беспомощно выругались. Но прежде чем этот крик стих, послышался другой, леденящий громкий — крик ярости могучего чудовища, полный потрясенного удивления. В нем угадывались слова, но язык был незнакомым... я не слыхивал такого ни раньше, ни позже.

Затем снова звуки борьбы и — тишина. Мы разожгли новый костер и не смыкали глаз до самого рассвета.

* * *

Поутру, несмотря на то, что я торопил спутников в дорогу, они отправились искать следы часового и муллы. Нашлись оба.

И поверьте моему слову, друзья, перед нами предсталася страшная картина. Они свисали вниз головами с ветвей большого дерева. Разорванные шеи, меловая белизна кожи... в телах не осталось ни капли крови. Мы оттащили окоченевшие трупы товарищей в лагерь и вскоре предали их земле вместе со вторым часовым, умершим от раны на голове.

И вот что любопытно: на земле под муллой лежали остатки его священного свитка. Пергамент обгорел до черноты и рассыпался, едва я его коснулся.

— Значит, мы и вправду слышали крик боли, — услышал я из-за спины голос ибн Фахада. — Получается, это бесское отродье уязвимо.

— Уязвимо, да, но так просто не отступается, — заметил я. — К тому же у нас не осталось ни святых писаний, ни рук, достойных их держать, ни уст, достойных их произносить.

Я многозначительно посмотрел на Абдуллу, который докучал двум оставшимся солдатам советами, как копать

могилу. В глубине души я надеялся, что кто-нибудь из них не выдержит и проломит старому зануде голову.

— Твоя правда, — буркнул ибн Фахад. — И еще: меня гложут сомнения, поможет ли против него хладная сталь.

— Меня тоже. Однако, возможно, есть еще один способ спасти. Мне поведал о нем наш пастушеский сын. Расскажу подробнее днем на привале.

— Буду с нетерпением ждать, — одарил меня ибн Фахад своей полуулыбкой. — Радостно видеть, что тут не я один умею думать и строить планы. Но не рассказать ли тебе о своем замысле по дороге? Дневные часы в последнее время стали драгоценными, как кровь. И вообще, мне кажется, нам лучше вперед обходиться без погребальных церемоний.

Что ж, положение у нас было сквернее некуда. По дороге я объяснил отряду свою задумку. Они слушали молча, понурив головы, будто шли на собственную казнь — не столь уж неразумное поведение, по правде говоря.

— Тут дело вот в чем, — начал я. — Если затея этого деревенского болвана окажется толковой, придется травить по ночам байки. А для сна можно вставать на привал днем. Так что каждое мгновение в пути на вес золота... нам нужно выдерживать скорость, не то сдохнем в этих треклятых горах. И еще, пока идем, придумывайте истории. Судя по тому, что говорил этот парень, нам еще топать по этим землям недели две. Скоро рассказывать станет не о чем, так что напрягите память.

Некоторые начали было роптать, но они настолько пали духом, что даже возмутиться толком не смогли.

— Если нет ничего получше, помолчите, — рявкнул ибн Фахад. — Масрур совершенно прав, хотя, насколько я вижу, в такую заваруху он попал впервые в жизни.

Ибн Фахад лукаво мне ухмыльнулся, а один из солдат прыснул. Приятный звук.

Среди дня мы устроили короткий привал, с час поспав на жесткой земле, а затем шли до наступления сумерек. Дорога привела нас на дно длинного, заросшего густым лесом оврага, и там, чтобы немного разогнать лесной мрак, мы тут же разожгли большой костер. Огонь — такой хороший друг!

Усевшись вокруг пламени, наши люди жарили на прутиках кусочки оленины, добытой на охоте. По кругу передавался бурдюк с водой, и мы в который раз жалели, что в нем не плещется что-то покрепче.

—Так вот, — сказал я, — начну первым, потому что дома меня чаще всех просили рассказывать сказки, и у меня накопилось немало разных небылиц. Кто хочет, может идти спать, но не все. Двоим-троим всегда нужно бодрствовать: вдруг рассказчик потеряет нить истории. Неизвестно, сможем ли мы оградиться от чудовища, но искушать судьбу не стоит.

Итак, я начал первым со сказки «О четырех искусственных братьях». Время было раннее, и пока никто не хотел спать. Все внимательно слушали, как я плету историю, там и сям добавляя подробности и затягивая описания.

За первый рассказ слушатели наградили меня рукоплесканиями, и я стал повествовать о торговце коврами Салиме и его неверной жене. Наверное, не самый лучший выбор, ведь в истории говорится о мстительном джинне и смерти, но я все равно довел ее до конца, а затем рассказал еще две.

К концу четвертой — о храбром сиротке, который находит пещеру с драгоценными каменьями — я заметил нечто странное.

Костер уже догорал, и вдруг по ту сторону от него что-то прошмыгнуло в лесу. Младший визирь сидел прямо напротив, и за его спиной, обтянутой некогда роскошными одеждами, возникла какая-то тень. Она держалась у опушки, избегая зыбкого света костра. На мгновение я запнулся, но тут же подхватил нить истории, закончив рассказ. Наверняка никто не заметил заминки.

Попросив передать бурдюк с водой, я взмахом предложил Валиду аль-Саламеху продолжить. Тот начал с расска-

за о соперничестве двух богатых родов в его родном Исфахане. Некоторые, закутавшись в плащи, улеглись на землю и слушали его, наблюдая, как искры костра поднимаются в темноту.

Я надвинул капюшон на лоб, чтобы спрятать глаза и, щурясь, глянул за плечо Валида. Тень придвигнулась чуть ближе к неверному свету костра.

Ее очертания напоминали мужские, я в этом не сомневался, хоть она и жалась к стволу на краю поляны. Лицо скрывала темнота, а из нее, отражая пламя, смотрели два красивых, как угли, немигающих глаза. Их обладатель казался одетым в лохмотья, но это могло быть лишь пляской теней. Он стоял на расстоянии полета камня и слушал, сгорбившись в темноте.

Я медленно оглядел спутников. Большинство глаз смотрело на визира, веки Олененочка смеяли сон, но ибн Фахад тоже вглядывался во мрак и, вероятно, почувствовав мой взгляд, повернулся ко мне и слегка кивнул: он тоже заметил тень.

Мы не смолкали до рассвета. Одни спали, другие, заняв их место, развлекали отряд историями: в основном сказками, знакомыми с детства, или чем-нибудь о своих приключениях. Мы с ибн Фахадом никому не говорили о тени, наблюдавшей за нами. Примерно за час до рассвета она исчезла.

В тот день в дорогу отправился полусонный отряд, зато мы не потеряли ни одного человека. От одного этого люди воспрянули духом и покрыли большой отрезок пути.

Ночью мы снова сели вокруг костра. Я поведал о короле газелей и волшебном павлине, и о маленьком человечке без имени, причем каждая история была длиннее и замысловатее прежней. Все, кроме писаря Абдуллы, что-то да рассказали... ну, Абдуллы и пастушеского парнишки. Писарь не раз отнекивался, заявляя, что никогда не тратил время на глупости вроде заучивания историй. Мы же, видя недостаток желания, не хотели доверять ему то, от чего зависела наша жизнь.

Армянин, наш проводник, тихо сидел весь вечер и слушал, как люди болтают на незнакомом ему языке. Когда

над верхушками деревьев вставала луна, тень появлялась снова и молча стояла за лагерем. Крестьянский парнишка частенько поглядывал в ту сторону. Он явно ее замечал, но, подобно мне с ибн Фахадом, хранил молчание.

* * *

На следующий день произошло две больших беды. Пока мы поутру сворачивали лагерь, чувствуя себя такими же счастливыми, как вечером накануне, когда его разбивали, наш местный проводник пошел с бурдюками к реке, что вилась по дну ущелья. Минул целый час, а его все не было, и мы, встревожившись, отправились на поиски.

Армянин исчез. А с ним и один из бурдюков, лежавших на берегу речки.

Народ перепугался:

— Его забрал вампир!

— Зачем этой мерзкой твари бурдюк? — недоуменно спросил аль-Саламех.

— А ведь правда, — сказал я. — Боюсь, наш юный друг, как говорится, попросту спрыгнул с корабля. Видно, думает, что в одиночку вернуться будет проще.

Мне было любопытно... любопытно до сих пор, удалось ли нашему армянину воротиться домой. Он был неплохим парнем. В пользу этого говорит то, что он забрал только один бурдюк и оставил остальные.

Вот так мы вновь остались без проводника. К счастью, я в общих чертах успел обсудить с ним дорогу, и он рассказал нам с ибн Фахадом о самых заметных ориентирах. И все равно мы продолжали путь с тяжестью на сердце.

А позже, в полдень, на нас обрушился второй удар.

Мы покидали долину, наискось карабкаясь по крутому склону ущелья. От проклятущих кавказских туманов камни осклизли и земля пропиталась влагой. Приходилось смотреть в оба.

Ахмед, старший из выживших копьеносцев, весь день еле плелся. У него были больные суставы, во всяком случае, он так сказал. После холодных ночей ему стало совсем плохо.

Мы разбили лагерь на голой каменной площадке, что выпирала из стены ущелья. Ахмед шел последним в ряду и как раз нас догонял, но вдруг поскользнулся на глинистом склоне и съехал на несколько шагов.

Иbn Фахад кинулся за веревкой, но пока доставал ее со дна мешка, другой солдат — если не изменяет память, Бекир — спустился на помощь товарищу и схватил его за одежду.

Бекир как раз поворачивался за веревкой, но тут Ахмед подвернул ногу и упал навзничь. Бекир тоже упал, запутался в одежде Ахмета и покатился с ним по склону. Не успели мы опомниться, как они свалились с обрыва, будто винная бутылка со стола. Вот так вот неожиданно.

Упав с такой высоты, оба, конечно, разбились насмерть.

Тела мы не нашли... не смогли даже спуститься на поиски. Давнишние слова ibn Фахада об отмене похорон стали ужасной, издевательской правдой. Нашему отряду не оставалось ничего иного, как двигаться дальше. От него остались всего пятеро: я, ibn Фахад, младший визирь Валид, писарь Абдулла и Олененочек. Наверняка не у меня одного мелькали мысли о том, кому следующим суждено найти смерть в этом безлюдном месте.

* * *

Клянусь великим Аллахом, меня никогда не тошило от звука собственного голоса больше, чем тогда, после девяти ночных непрерывной болтовни. Но мой давний друг ibn Фахад наверняка скажет, что их тошило от моего голоса куда сильнее... угадал, старина? Но я действительно устал, устал говорить ночами напролет, устал вымучивать из себя истории, устал слушать надтреснутые голоса ibn Фахада и Валида, устал до тошноты от промозглых, гнетуще-серых гор.

Теперь все знали о зловещей тени, что ждала и слушала, стоя по ночам за кругом света от костра. Олененочек, например, едва сдерживал дрожь в голосе, когда подходила его очередь рассказывать.

Абдулла вел себя все холоднее, застывая, как топленый жир. Та тварь, что нас преследовала, не испытывала никакого почтения к его язвительности и математике и, сколько бы писарь ни насмешничал, колкости бы ее не изгнали. Однако Абдулла не примкнул к нашим ночным посиделкам, а молчал и держался особняком. Несмотря на постоянную опасность для всех, он старательно избегал нашего общества.

На десятую ночь после гибели Ахмеда и Бекира запас истории иссяк. Под гнетом обстоятельств мы до того измучились, что стали похожи на ту призрачную тень, которой боялись.

Сидя у костра, Валид аль-Саламех бубнил о древнем мелком заговоре при дворе персидского царя Дария.

Иbn Фахад наклонился ко мне и понизил голос до шепота, чтобы не слышали ни Абдулла, ни Олененочек, на лице которого было написано полное и безнадежное отчаяние.

— Ты заметил, что сегодня наш гость не объявился?

— Да, от меня это не ускользнуло. Только вряд ли его отсутствие — хороший знак. Если наши байки эту тварь больше не занимают, значит, вскоре она вернется за кое-чем другим.

— Боюсь, ты прав, — ответил он со скрипучим, неприятным смешком. — До предгорий еще добрых три-четыре дня пути, причем тяжелого, а там выберемся на равнину. Тогда появится надежда, что это бесовское отродье оставит нас в покое.

— Ибн Фахад. — Покачав головой, я посмотрел на бледное, осунувшееся лицо Олененочка. — Боюсь, нам не спраться...

Словно для того, чтобы подтвердить обоснованность моих страхов, Валид сильно закашлялся, и я передал ему воды. Попив, он не возобновил рассказ, а мрачным, потерянным взглядом уставился в лес.

— Дражайший визирь, вы не могли бы продолжить? — попросил я.

Он не ответил и я, поспешил занять его место, постарался подхватить нить рассказа, хотя за ним вообще не следил. Валид же откинулся назад, устало и неровно дыша. Абдулла с отвращением пощекал языком. Не будь я так ужасно занят, точно бы ему врезал.

Едва я нашупал собственный путь, придумав продолжение замысловатых интриг при персидском дворе, как нас будто обдало ледяным ветром. На краю поляны стало одной тенью больше. К нам присоединился вампир.

Валид, застонав, придвигнулся к огню. Я запнулся, но тут же продолжил. Глаза, полыхавшие, как пламя свечи, не мигая, осмотрели нас, и тень на мгновенье вздрогнула, словно складывая огромные крылья.

Внезапно Олененочек вскочил на ноги. Его шатало. Совершенно потеряв нить истории, я в изумлении воззрился на него.

— Ты, тварь! — закричал он. — Адское отродье! Зачем ты нас мучаешь? Зачем, зачем, зачем?

Иbn Фахад хотел усадить юнца, но тот отгарцевал от него, как пугливая лошадь. Рот у него был открыт, глаза, обведенные темными кругами, округлились от ужаса.

— Ты же здоровая зверюга! — продолжал визжать он. — Так зачем с нами играешься? Почему бы просто не убить меня... нас всех, освободить нас от этого... этого кошмара!..

Тут он шагнул вперед: прочь от огня, к той твари, что притаялась на краю поляны.

— Кончай уже! — выкрикнул Олененочек и, зарыдав как ребенок, рухнул на колени всего в нескольких шагах от пылающих красных глаз.

— А ну прочь от него, глупый мальчишка! — воскликнул я.

Но не успел я его оттащить — а я бы оттащил его, клянусь Аллахом — как тень с громким шелестом исчезла. Глаза-светильники больше не горели. Уже после того, как мы вернули дрожащего юнца к огню, в лесу что-то хрустнуло. Напротив костра одна из ближних веток внезапно прогну-

лась под весом странного нового плода — черного фрукта с пламенно-красными глазами, который издавал мерзкие каркающие звуки.

От потрясения до нас не сразу дошло, что его низкий скрежет — это речь. Причем все слова были на арабском!

— ...вы... сами... решили... играть... вот... так... — сказал фрукт.

Как ни странно, я готов был дать руку на отсечение, что эта тварь никогда не говорила на нашем языке, более того, до нас его никогда не слышала. Произносила она слова, запинаясь, и как-то неуверенно, словно научилась арабскому по нашим рассказам у костра.

— Демон! — выкрикнул Абдулла. — Что же ты за существо?!

— Ты знаешь... и очень хорошо, что я... такое. Вы все можете не понимать как... или-зачем... но теперь знаете, кто я.

— Почему... почему ты нас мучаешь?! — выкрикнул Оленинечек, пытаясь вырваться из тисков ибн Фахада.

— А почему... змей убивает... кролика? Он... делает это... не из ненависти. Он убивает, чтобы жить, как и я... как и вы.

Абдулла шагнул вперед:

— Мы не убиваем наших собратьев ради пищи, бесовское ты отродье!

— Пис-с-сарь! — прошипела черная фигура и спрыгнула с дерева. — З-з-закрой свой глупый рот. Ты выводишь меня из себя! Ты слишком на меня давишь! — Вампир подсказывал, словно от волнения. — Проклятые людишки с их правилами! Ты, жалкий клоп! Даже сейчас ты безмерно меня злишь. Довольно!

Он подпрыгнул и, щурша листвой, удрал по ветке высокого дерева. Я зашарил в поисках меча, но не успел я его отыскать, как эта тварь снова заговорила со своего высокого насеста.

— Юноша спросил, почему я с вами «играю». Это не игра. Если я вас не убью, мне будет плохо. Даже хуже, чем сейчас. Несмотря на слова писаря, я вовсе не... бесчувственный. Мне все больше и больше не хочется вас убивать. Впер-

вые за очень долгое время мне довелось услышать человеческие голоса, причем не какие-нибудь крики страха. Я приблизился к людям без лая собак и слушал их разговоры. Как будто я снова стал человеком.

— Так вот как ты вызываешь свою радость? — стучал зубами от страха, спросил Валид. — Уб-б-биваешь нас!

— Я такой, какой есть, — отвечало чудовище. — Но при этом вы вызвали у меня определенное желание поговорить. Напомнили о давно забытом. Предлагаю заключить... сделку.

— Сделку?

К этому времени я нашел свой меч, ибн Фахад также выхватил свой, но мы оба знали, что не сможем убить такую тварь... красноглазого демона, который способен с легкостью подпрыгнуть на пять локтей и научился говорить на нашем языке за две недели.

— Никаких сделок с Шайтаном! — рявкнул Абдулла.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я у вампира, с трудом веря, что веду столь необычный разговор. — Не обращай внимания на... — я поморщился, — ...святошу.

Абдулла одарил меня убийственным взглядом.

— Тогда слушайте, — сказало чудовище, и в глубоко в короне дерева будто вновь расправились огромные крылья. — Выслушайте меня. Я вынужден убивать, чтобы жить, а выбрать смерть я не могу — так уж устроен. Вот и все. Однако сейчас я вам предлагаю возможность целыми и невредимыми покинуть мои владения, эти горы. Мы устроим соревнование, заключим, так сказать, пари. Если выиграете у меня — идите, я вас не трону, снова вернусь к пресным, вялопровальным крестьянам из местных долин.

— Предлагаешь сражаться с тобой? — горько рассмеялся Ибн Фахад. — Да будет так!

— Я бы переломил твой позвоночник, как сухую ветку, — прохрипела черная фигура. — Нет, вы в течение многих ночей сдерживали меня своими историями, и эти истории помогут вам уйти беспрепятственно. Мы проведем соревнование и, чтобы потешить мой вкус, будем рассказывать самые грустные истории. Это мое условие. Три ваших против

одной с моей стороны. Если хотя бы одна окажется лучше, можете идти с миром.

— А если хуже? — воскликнул я. — И судьи кто?

— Судить мог бы и ты, — в его сиплом голосе прозвучали нотки мрачного веселья. — Если сумеешь посмотреть мне в глаза и сказать, что превзошел мою печальную историю... что ж, я тебе поверю. Ну, а если проиграете, заберу кого-то в качестве платы за поражение. Таковы мои условия, иначе я начну отлавливать вас по одному. По правде говоря, ваши последние байки уже не такие увлекательные.

Иbn Фахад с тревогой глянул на меня. Олененочек вместе с остальными в немом ужасе удивленно глазел на демона.

— Мы... мы объявим наше решение завтра на закате, — сказал я. — Нам нужно разрешение все обсудить и обдумать.

— Ваша воля, — ответил вампир. — Но если вы примете мой вызов, состязание начнется тут же. Все-таки нам осталось провести вместе только несколько дней. — На этом ужасное чудовище скрипуче рассмеялось — будто кто-то отрывал кору от ствола трухлявого дерева.

Затем оно исчезло.

* * *

Как вы понимаете, кончилось тем, что нам пришлось принять условия pari. Мы сознавали, что он видел нас насквозь: мы просто мололи языками у вечернего костра и больше даже не слушали собственные рассказы. Какое бы волшебство ни удерживало вампира от нападений, оно утекло, словно зерно из дырявого мешка.

Я весь день ломал голову над печальной историей, но не смог придумать ничего подходящего, ничего достаточно значительного для такой жизненно важной цели. Несколько ночей напролет рассказывал в основном я и по сути уже выжал все, что можно, из любой знакомой истории... сочи-

нитель же из меня не ахти какой, ибн Фахад подтвердит. Да, старина, валяй, улыбайся.

Вообще-то рассказывать первую историю вызвался Ибн Фахад. Я спросил, о чем она, но тот отказался говорить, ответив:

— Позволь приберечь тот заряд, который в ней, возможно, есть.

У младшего визиря тоже было что-то подходящее. Я продолжал тщетно ломать голову, и тут Олененочек пискнул, что у него есть рассказ. Я оглядел парня, его румяные щеки, его длинные ресницы и спросил, что такой, как он, может знать о печали. Еще не закончив, я осознал всю жестокость своих слов, ведь над нами всеми висела тень смерти, а то и чего-то похуже, однако забирать их назад было слишком поздно.

Олененочек и бровью не повел. Он подобрал плащ, уселился, скрестив ноги, на землю, поиграл им и, подняв глаза, сказал:

— Я поведаю печальную историю о любви. Истории о любви самые печальные.

Ох уж эти молокососы со своими печальными историями о любви, подумал я, хотя между нами не было и десяти лет разницы. Однако лучшего придумать не мог и волей-неволей уступил.

В тот день мы постарались пройти побольше, словно таким образом, вопреки здравому смыслу, могли вырваться из тех мрачных, промозглых мест. Однако к сумеркам над нами по-прежнему нависали громады гор. Лагерь мы разбили под защитой огромного стоячего камня, как будто, имея его за спиной, могли от чего-то уберечься.

Едва солнце спряталось за холмы, даже костер толком не разгорелся, как ветви деревьев закачались под порывом холодного ветра. Мы без слов, не переглядываясь, поняли, что наш ночной гость снова с нами.

— Решили что-нибудь? — скрипучий голос в кронах звучал странно, точно его обладатель пытался говорить с небрежной легкостью, но я услышал в этих холодных слогах только смерть.

— Да. — Ибн Фахад, за мгновение до этого невольно пригнувшийся, встал прямо. — Мы принимаем пари. Желаешь начать?

— О, нет... — сказала тварь и будто что-то захлопнула. — Так не осталось бы никакой... перчинки, верно? Нет, я настаиваю, чтобы начинали вы.

— Тогда я первый. — Ибн Фахад окинул нас взглядом: не возражаем ли.

Вампир внезапно двинулся к нам, но не успели мы броситься в рассыпную, как он остановился в нескольких шагах и проскрипел:

— Не бойтесь.

Вблизи, над ухом, его голос звучал даже более неестественно.

— Я приблизился, чтобы послушать и видеть лицо рассказчика, — продолжал он. — Ведь без этого история не история, но дальше я не пойду. Начинайте.

Все, не считая меня, испуганно обхватили колени и смотрели в огонь, стараясь не замечать густок тьмы за плечами. Мне было легче: между мной и этой тварью плясало пламя, и я чувствовал себя в большей безопасности, чем Валид и Абдулла, которых от нее отделяла только полоска холодной земли.

Вампир сидел сгорбившись, словно подражая нашей позе. Из-под его прикрытых век лишь изредка вспыхивал алый взор — как огонь на догорающей головне. Оно, это похожее на человека существо, было черным, только не как негр, а, скорее, как закопченная сталь или черный зев пещеры. Чем-то вампир напоминал умершего от чумы. Тело прикрывали ветхие лохмотья, крошечные лоскуты ткани, гнилые, как старый хлеб... но изгиб спины свидетельствовал об ужасной жизненной силе — вампир был будто огромный черный сверчок, готовый прыгнуть в любой миг.

Рассказ ибн Фахада

— Много лет назад, — начал он, — я хорошо проводил время в Египте. В те времена у меня ничего не было за душой и я ехал туда, где обещали платить за хорошее владение мечом.

В конце концов я устроился в гвардию богатого Александрийского купца. Жил я там довольно неплохо и полюбил гулять по людным улицам, так непохожим на улицы родной деревни.

Однажды летним вечером я забрел на незнакомую и она вывела меня на маленькую площадь у старой мечети. Площадь была полна людьми: продавцы, рыбаки, несколько жонглеров, но большая часть народа толпилась у входа в храм.

Сначала я прогуливался по площади, решив, что они просто собрались на молитву, но до заката было еще далеко. Возможно, к ним обращается со ступеней какой-то знаменитый имам, подумал я и подошел. Однако все, задрав головы, смотрели вверх, будто само солнце зацепилось за минарет по пути к своей западной стоянке.

Но это было не солнце. С купола-луковки оглядывала горизонт темная человеческая фигура.

— Кто это? — спросил я у соседа.

— Суфий Хааруд аль-Эмвия, — ответил он, не сводя глаз с купола.

— Он там что, застрял? Не свалится?

— Смотрите, — одним словом ответил он.

Так я и поступил.

Буквально через мгновение, к моему ужасу, маленькая темная фигура Хааруда аль-Эмвии словно выпрямилась и вдруг камнем полетела вниз с минарета. Я потрясенно ахнул, и не один я, но многие просто молча смотрели.

Затем произошло невероятное. Суфий раскинул руки, словно птица крылья, и падение превратилось в плавный спуск. Достигнув нижней точки высоко над толпой, Хааруд взмыл, как листик, подхваченный ветром, покувыркался,

покружился и в конце концов пушинкой слетел вниз.

Мы тем временем дружно кричали: «Боже великий! Боге великий!».

Когда суфий голыми ногами коснулся земли, его обступила толпа. Все старались прикоснуться к грубой одежде святого и выкрикивали его имя. Он же ничего не отвечал, а только улыбался, и вскоре толпа начала расходиться, переговариваясь между собой.

— Это же настоящее чудо! — сказал я соседу.

— Хааруд аль-Эмвия летает перед каждым праздником, — пожал тот плечами. — Удивительно, что вы впервые о нем слышите.

Я решил поговорить с этим удивительным человеком, и, как только толпа рассеялась, подошел и спросил, не позовлит ли он угостить его чашкой чаю. Вблизи вид у него был проказливый, что немало меня удивило, учитывая ту великую милость, которой удостоил его Аллах. Суфий с улыбкой согласился и проследовал за мной в чайхану неподалеку от улицы Ткачей.

— Не обижайтесь за прямолинейность, но как вышло, что именно у вас такой дар?

Он поднял взгляд от пиалы и ухмыльнулся. Зубов у него было только два.

— Весь секрет в равновесии.

Меня эти слова удивили.

— Кошки тоже умеют его держать, — ответил я, — но все равно ждут, пока голуби приземляются.

— Я говорю о другом равновесии, — сказал он. — Равновесии между Аллахом и Шайтаном, которого, как вы знаете, Всеведущий Аллах создал в качестве своего идеально точно-го противовеса.

— Вы бы не могли объяснить?

Я заказал вина, но Хааруд от выпивки отказался.

— Чем бы вы ни занимались, всюду нужна осторожность. Так и у меня с полетами. Есть много людей святее меня, но они привязаны к земле, будто камни. А многие жили так скверно, что своими грехами заткнут за пояс самого Дьявола, но тоже не могут подняться в воздух. Только я, не

сочтите это бахвальством, нашел идеальное равновесие. Каждый год перед святыми праздниками я подвожу итоги и либо немного грешу, либо совершаю богоугодные поступки, пока равновесие не становится точным, поэтому, когда я прыгаю с мечети, ни Аллах, ни враг человеческий не могут потребовать мою душу и подхватывают меня, не давая разбиться. Возможно, в следующий раз будет яснее, куда его определить, думают они.

Суфий снова улыбнулся и допил чай.

— Так вы... в некоем роде шахматная доска, на которой сражаются Бог и Дьявол? — недоуменно спросил я.

— Да, летающая шахматная доска.

Мы говорили долго. Улицу Ткачей уже пересекли длинные тени, но суфий Хааруд аль-Эмвия упорно настаивал на своем объяснении. Вероятно, вид у меня был не очень доверчивый, потому что в итоге суфий предложил подняться на купол мечети, где он сможет подтвердить свои слова делом. Я к тому времени довольно сильно захмелел, а он, хоть и пил только чай, странно развеселился.

По многочисленным винтовым лестницам мы поднялись на узкую площадку, что окружала минарет, словно корона. От ночной прохлады и тысячи мигающих огней далеко внизу мое опьянение как рукой сняло.

— Знаете, я внезапно понял, что все ваши правила очень здравые, — сказал я. — Давайте спустимся.

Однако Хааруд не внял моей просьбе и, легко шагнув за край купола, словно шмель завис в ста локтях над пыльной улицей.

— Весь секрет в равновесии, — с глубоким удовлетворением повторил он.

— А доброго дела — того, что вы устраиваете ради меня этот показ — хватит перевесить гордыню, с которой вы передо мной красуетесь? — спросил я.

Мне было холодно, я хотел спуститься и надеялся таким образом заставить его закончить скорее.

Вместо этого, услышав мой вопрос, Хааруд поморщился: видно, он о таком просто не думал. А мгновением позже с удивленным вскриком ухнул вниз и скрылся из виду. По-

зднее я увидел его на каменных ступенях мечети. Он был мертвее мертвого. — Ибн Фахад рассеянно поворотил костер. — Такая вот история с вопросом идеального равновесия.

— Занимательный рассказ, — прошелестел наш темный гость, возвращая нас к действительности. — Да, грустно. Но достаточно ли грустно? Что ж, увидим. Кто следующий?

От этих слов меня бросило в холодный пот, словно при лихорадке.

— Я... я следующий, — ответил Олененочек голосом напряженным, как тетива. — Начинать?

Вампир, промолчав, только кивнул черной, похожей на шишку головой. Юноша, прокашлявшись, начал.

* * *

Рассказ Олененочка

— Когда-то... — начал Олененочек, но запнулся и начал снова. — Когда-то давным-давно жил был молодой принц по имени Зуфик, который приходился вторым сыном одному великому султану. Не видя для себя будущего в отцовских владениях, принц отправился в неисследованные края искать удачу. Он проехал много стран, повидал много диковин и наслушался рассказов о еще больших диковинах.

В одном месте ему поведали о соседнем султане, у которого была красавица-дочь — единственное дитя, оберегаемое как зеница ока.

В стране этой приключилась большая беда: несколько лет назад там появился ужасный зверь — громадный белый леопард, каких раньше никогда не видывали. Он был настолько грозен, что убивал всех охотников, посланных его поймать, и вместе с тем настолько хитер, что прямо из-под носа задремавших матерей крал младенцев из колыбели. Жители султаната пребывали в страхе, а султан, чьи лучшие воины пытались и не смогли убить зверя, совсем отчаялся.

ся. В конце концов, после долгих размышлений, он велел объявить на рыночной площади, что отдает свою дочь Расориль, а с ней, когда умрет, и бразды правления страной, в награду тому, кто уничтожит белого леопарда.

Юный Зуфик слушал рассказы о том, как лучшие юноши страны и чужих земель один за другим встречали смерть в когтях леопарда и... и... от его зубов.

Тут Олененочек запнулся, словно картина смертоносных зубов, которую он рисовал, напомнила ему об опасности собственного положения, и Валид успокоительно погладил юношу по плечу.

— Итак... — Олененочек слегка сглотнул. — Принц Зуфик отправился в эту страну и вскоре прибыл ко двору султана.

Правитель оказался усталым стариком, огонь в его запавших глазах давно погас. Большую часть власти сосредоточил в своих руках бледный, узколицый юноша по имени Сифаз, который приходился дочери султана двоюродным братом. Когда Зуфик, подобно многим до него, объявил о цели своего прибытия, глаза Сифаза заинтересованно блеснули.

— Без сомнения, вас ждет такой же конец, как и предшественников, но вы можете попытаться... и получить приз, если победите.

Тут Зуфик впервые увидел Расориль, сразу пленившую его сердце.

Черные волосы девушки соперничали блеском с отполированным гагатом, а лицо настолько потрясало красотой, что сам Аллах, наверное, взирая на нее, с удовлетворением думал: «Вот оно, самое совершенное мое творение». Изящные ручки, лежащие на коленях, походили на пару крошечных горлиц, а в омутах карих глаз мужчина мог утонуть безвозвратно... что и произошло с Зуфиком, и он не ошибся, подумав, что Расориль вернула его страстный взгляд.

От Сифаза это тоже не укрылось, и его тонкие губы изогнулись в подобие улыбки.

— Отведите этого князька в его покой, — прищурив свои желтые глаза, приказал он. — Пусть поспит, а с восходом луны его пробудите. Прошлой ночью леопард рычал у стен дворца.

И точно, проснувшись в вечерней темноте, Зуфик под самым окном услышал леденящий душу рык леопарда. Опоясавшись ножнами с оружием, юноша выглянул в сад и увидел, как среди теней мелькает белое. Взяв заодно в руку кинжал, он перепрыгнул через подоконник.

Едва ноги принца коснулись земли, как из темноты за живой изгородью к нему с жутким рыком подскочил леопард. Зуфик никогда не видел столь больших леопардов, и даже не слышал, чтобы такие бывали. Его громадность поражала, мех поблескивал, будто слоновая кость. Зверь прыгнул. Сверкнули когти. Принц едва успел пригнуться. Чудовище пролетело над ним, словно облако, задев только своим дыханием. Дворцовые собаки залились лаем, а леопард повернулся, снова прыгнул, оцарапал Зуфику грудь и сбил его с ног. Кровь тут же пропитала рубашку и так сильно текла, что юноша еле встал на ноги. Бежать он не мог: за спиной была садовая ограда. Леопард медленно приближался, и его желтые глаза горели, словно адские лампады.

Внезапно из дальнего конца сада послышался оглушительный треск: собаки вырвались из вольера и понеслись сквозь деревья. Леопард заколебался — Зуфик почти видел, как тот раздумывает — а затем с прощальным ревом вскочил на стену и растворился в ночи.

Зуфика унесли во дворец, перевязали ему раны и уложили в постель. Дочь султана Расориль, которая действительно влюбилась в юношу по самую макушку, горько плакала подле него, умоляя вернуться к отцу и отказаться от смертельно опасного противоборства с леопардом. Однако для Зуфика, несмотря на слабость, это было столь же неприемлемо, как воровство или предательство, и он заявил, что следующей ночью вновь отправится на охоту. Тут Сифаз, ухмыльнувшись, увел девушку, и Зуфику показалось, что он слышал, как тот весело насвистывает.

Незадолго до рассвета Зуфик, которому не спалось из-за боли в ранах, услышал, как дверь его комнаты тихо отворилась в темноте. К его удивлению, вошла дочь султана и знаком велела ему молчать. Когда дверь затворилась, деву-

шка подбежала к нему и, осыпая поцелуями его лицо и руки, стала говорить о своей любви и снова молила уехать. Зуфик признался ей в своих чувствах, но напомнил, что честь не позволит ему отказаться от цели, и он готов умереть, пытаясь ее достичь.

Видя, что молодого принца не переубедить, Расориль вынула из складок платья черную стрелу с серебряным наконечником и соколиным оперением.

— Возьми, — сказала она. — Этот леопард волшебный, иначе его не убить. Лишь серебро способно пронзить его сердце. Возьми стрелу и, возможно, сумеешь исполнить клятву.

С этими словами она выскользнула из комнаты.

Следующей ночью Зуфик снова услышал в саду рев леопарда, но на этот раз взял с собою также лук и стрелу. Сначала принц не хотел их использовать, поскольку считал это не совсем мужественным, но потом зверь снова его ранил и три удара мечом не нанесли ему вреда, так что юноша все же выстрелил из лука, когда леопард собирался напасть в очередной раз. Серебряная стрела попала прямо в сердце зверя, и тот с жутким воем снова отпрыгнул к ограде, но на этот раз за ним потянулся кровавый след.

Поутру Зуфик отправился к султану и попросил дать воинов, чтобы те пошли с ним по этому следу к логову леопарда и засвидетельствовали смерть зверя. К неудовольствию султана, его визирь, бледный двоюродный брат прекрасной Расориль, на зов не явился. Однако, когда султан со своими людьми и Зуфик спускались в сад, из спален наверху раздался душераздирающий крик — крик человека, терзаемого смертной мукой. Похолодев от страха, поисковый отряд бросился туда и нашел пропавшего Сифаза.

Сифаз поднял дрожащий, измазанный красным палец и указал им на Зуфика. Остальные стояли, оцепенев от ужаса.

— Это все он, жалкий чужестранец! — выкрикнул визирь.

В руках Сифаза лежало тело дочери султана, Расориль, из груди которой торчала серебряная стрела.

После того, как Олененочек закончил, все долго молчали. Юноша сидел прямее, видимо, расхрабрившись от собственной истории.

— А-а, — наконец протянул вампир, — любовь и ее цена... в этом соль? Или, может, в действии серебра на потусторонних созданий? Не бойтесь, я не связан подобными условностями и совершенно не страшусь серебра, стали и прочих металлов.

Он издал неприятный скрежет — по всей видимости, смех. Я, хоть и чувствовал, что нахожусь на волоске от смерти, вновь удивился тому, как быстро вампир овладел незнакомым языком.

— Что ж... — медленно продолжал он. — Печально. Но... достаточно ли печально? Вот в чем опять-таки вопрос. Итак, кто ваш последний... рассказчик?

Право, у меня заледенело сердце. Я чувствовал себя так, будто проглотил камень. И тут взял слово Валид аль-Саламех.

— Я. — Он глубоко вздохнул. — Моя очередь.

* * *

Рассказ визиря

История эта подлинная, по крайней мере, так мне говорили. Она произошла во времена моего деда, и ему поведал ее тот, кто знал действующих лиц. Дедушка пересказал ее мне в назидание, как сказку-предостережение.

Некогда жил-был один старый халиф, человек, наделенный редкими талантами и удачей. Страной он правил маленькой, но богатой, ибо Аллах щедросыпал ее своими дарами. Да и наследником он наградил халифа таким, что лучше не бывает: послушный, но храбрый и любимый народом почти так же самозабвенно, как его отец. При этом у халифа было много других прекрасных сыновей, две сотни

прелестных жен и воинство на зависть соседям. В сокровищнице под крышу громоздились золото, драгоценные камни и куски благовонного сандаля, перемежавшиеся изделиями из слоновой кости и рулонами драгоценных тканей. Дворец стоял у источника с ароматной, чистой водой, и все говорили, что это, наверное, не иначе как сама вода жизни, до того удачлив и любим был наш халиф. Его печалило только одно: с возрастом он потерял зрение, но хоть слепота его и угнетала, он считал ее невысокой платой за милости Аллаха.

Как-то раз халиф прогуливался по саду, наслаждаясь изысканным благоуханием цветущих апельсиновых деревьев. Его наследник также в то время находился в саду, беседуя со своей матерью, первой, а значит, самой главной женой халифа. О присутствии халифа они не догадывались.

— Он ужасно старый, — жаловалась жена. — Мне противно даже прикасаться к нему. Для меня это просто мука.

— Ты права, мама.

Халиф же спрятался за деревьями и потрясенно слушал.

— Мне тошно смотреть, как он днями сидит и пускает слюни в чашу либо слепо шатается по дворцу, — продолжал наследник. — Но что нам делать?

— Я об этом долго и много думала, — отвечала жена халифа. — Долг перед собой и нашими близкими велит его убить.

— Убить? — ужаснулся сын. — Мне это нелегко, но, кажется, ты права. Я все еще его в какой-то мере люблю, но... возможно, мы хотя бы сумеем покончить с ним быстро, чтобы он не почувствовал боли?

— Отлично. Только не тяни... сегодня вечером. А то я сана умру, если снова почувствую его зловонное дыхание.

— Значит, сегодня вечером, — согласился наследник, и они ушли, оставив слепого халифа в саду, за апельсиновым деревом. Тот дрожал от ярости и ужаса, но не видел, что на садовой дорожке сидит предмет их разговора — старая ручная собачонка жены, болезненное создание весьма преклонного возраста.

Итак, халиф отправился к своему визирю, единственному, кому еще мог доверять в мире внезапно ставших коварными сыновей и жен, и велел ему взять обоих под стражу и обезглавить. Визирь потрясенно осведомился о причине, но халиф лишь сказал, что они намеревались его убить и взять власть в свои руки, и тому есть неопровергимые доказательства. «Ступай, выполний приказ», — велел он визирю.

Визирь поступил, как сказано. Сына халифа и его мать тут же тихо схватили, а затем, после пыток, во время которых оба так и не назвали имена своих сообщников, передали палачу.

Затем визирь удрученно пришел к халифу и доложил, что выполнил приказ. Старик был доволен, но вскоре поползли неизбежные слухи, и братья казненного наследника начали шептаться между собой об отцовском поступке. Многие считали, что халиф лишился разума, ибо все знали, как была преданна ему убиенная пара.

Молва об этом разладе дошла до самого халифа, и он убрался, как бы и другие сыновья не начали подражать брату-изменнику. Призвав визиря, халиф потребовал взять под стражу остальных сыновей и обезглавить. Визирь попытался переубедить халифа, рискуя собственной жизнью, но тот был непреклонен. Наконец визирь ушел. Через неделю он вернулся, опустошенный и постаревший.

— Все исполнено, о, Владыка, — сообщил визирь. — Всех ваших сыновей казнили.

Халиф недолго радовался безопасности. Вскоре его ушей достигли слухи о ропоте жен, неимоверно разгневанных убийством своих детей.

— Уничтожь и их! — настаивал слепой халиф.

Визирь снова ушел и вскоре вернулся.

— Все исполнено, о, Владыка, — доложил он. — Ваши жены обезглавлены.

Вскоре и придворные закричали «убийца!», так что халиф отправил визиря разобраться и с ними.

— Все исполнено, о, Владыка, — заверил тот халифа.

Однако теперь халиф боялся разгневанных горожан, поэтому велел визирю взять армию и всех истребить. Визирь тщетно попытался его образумить, а потом пошел выполнять приказ.

— Все исполнено, о, Владыка, — спустя месяц доложил визирь.

Однако халиф понял, что теперь, когда его наследников и жен не стало, и главные придворные сановники мертвы, угрозу власти представляет сама армия. Он приказал визирю посеять между воинами рознь, чтобы те убивали друг друга, а сам заперся в своих покоях, намереваясь пересидеть беспорядки.

Через полтора месяца визирь постучал в дверь.

— Все исполнено, о, Владыка.

Радость халифа длилась недолго. Все враги были мертвы, а он сам заперся: никто не убьет, никто не украдет сокровища, не отберет власть. Только один живой человек знал, где прячется халиф... его визирь.

Слепец нашупал ключ в двери. Вдруг кто-то обманом выманит из комнаты? Надо бы от этого обезопаситься. Он протолкнул ключ под дверь и велел визирю выбросить его так, чтобы никто не нашел. Когда визирь вернулся, он подозвал его к запертой двери, ставшей границей его крохотного мирка темноты и безопасности.

— Визирь, — через замочную скважину сказал халиф, — я приказываю тебе убить себя, потому что в живых остался лишь один человек, способный представлять для меня угрозу. И это ты.

— Убить себя, мой повелитель? — ошарашенно спросил визирь. — Убить... себя?

— Именно так, — подтвердил халиф. — Ступай, выполняй. Таков мой приказ.

Повисла долгая тишина.

— Ладно, — наконец сказал визирь. И снова тишина.

Долгое время халиф просто сидел — ликующий слепец, уничтоживший всех, в ком сомневался. Его верный визирь выполнил все приказы, а теперь убил себя...

Но вдруг халифа кольнула тревожная мысль: а что, если визирь ослушался? Что, если он не выполнял приказы, а вступил в сговор с врагами и лгал, докладывая о казнях? Как удостовериться, что это не так? Халиф чуть не лишился чувств от тревоги.

Наконец он взял себя в руки и, на ощупь добравшись до закрытой двери, припал ухом к замочной скважине и прислушался. За дверью стояла полная тишина.

— Визирь? — позвал он дрожащим голосом в замочную скважину. — Ты выполнил мой приказ? Ты покончил с собой?

— Все исполнено, о, Владыка, — последовал ответ.

Закончив свой не только печальный, но и ужасный рассказ, визирь Валид то ли от стыда, то ли от изнеможения повесил голову. Мы напряженно ждали, что скажет наш гость, и в то же время все, наверное, тщетно надеялись, что больше его не услышим, что вампир попросту исчезнет, подобно ночному кошмару при свете солнца.

— Вместо того, чтобы обсуждать достоинства ваших печальных рассказов... — вернула нас к действительности оборванная черная тень, давая понять, что не будет никакого пробуждения от кошмара. — Вместо того, чтобы спорить об итоге незавершенной игры, я сделаю собственный ход. Ночь еще молода, а моя история не долгая, но я хочу, чтобы у вас было время, не спеша, принять решение.

По мере того, как он говорил, в его глазах будто распускались алые розы. За кругом, очерченным светом костра, заклубился туман, одев вампира плащом из струящейся дымки — будто гнилое черное яйцо в мешочке из шелковой сетки.

— Можно начинать? — спросила тень, но никто не вымолвил ни единого слова. — Отлично....

Рассказ вампира

В моем рассказе речь пойдет об одном ребенке — ребенке, который родился в древнем городе на берегу реки. Произошло это столь давно, что не только сам город превратился в пыль, но и поселения, построенные на его руинах — крошечные городки и огромные крепости с толстыми каменными стенами — тоже исчезли, как и их предшественник, перемолотые жерновами времени в тончайшие песчинки, которые с ветром унеслись прочь, занося илом течение извечной реки.

Ребенок этот жил в глинобитной хижине, крытой соломой, и играл с друзьями на отмелях той медленной коричневой реки, а его мать тем временем рядом стирала одежду и сплетничала с соседками.

Даже тот древний город уже стоял на останках предшественников, и было там одно особое место — куча громадных обломков песчаника, куда ребенок ходил играть с друзьями. Именно туда, в эти развалины, став немного взрослеем — почти сверстником вашего юного, романтичного товарища — он привел одну юную красавицу с наивным взором.

Его первое путешествие за грань известного... посвящение в тайны женщин. Сердце юноши колотилось от волнения. Девушка шла впереди средь разбитых колонн, и игра теней раскрашивала ее стройное смуглую тело тигриными полосами. Внезапно она что-то увидела и вскрикнула. Наш герой подбежал.

Девушка словно сошла с ума. Она рыдала и показывала на что-то пальцем. Юноша удивленно остановился. На земле чернело какое-то пятно... скучоженные останки, возможно, человеческие, но иссохшие и почерневшие, будто кусок кожи, оставленный у огня. И вдруг этот кусок кожи открыл глаза.

Девушка, задыхаясь от ужаса, бросилась прочь, но наш герой не последовал за ней, заметив, что эта черная мумия не может двигаться. Ее губы шевелились, словно пытаясь

что-то сказать. Слабый голос будто просил о помощи, умолял о чем-то. Юноша наклонился, чтобы лучше расслышать еле слышное шипение, и мумия, изогнувшись, впилась ему в ногу острыми зубами, словно крючками для ловли рыбы. Человеческое дитя закричало, беспомощно ощущая, как тварь своим ужасным ртом высасывает у него кровь. Проникшая в раны зловонная слюна огнем бежала по телу, пока он пытался отцепить от себя извивающуюся мумию. Яд поднимался все выше. Юноша чувствовал, как хрупкой, беспомощной птичкой трепещет и умирает его сердце. Последним, отчаянным рывком ему удалось высвободиться. Черная тварь, хватая ртом воздух, свернулась в клубок и сотрясалась всем телом, словно жук на раскаленном камне. Мгновением позже она распалась, превратившись в груду праха и маслянистых хлопьев.

Но тварь держала меня своими зубами достаточно долго, чтобы уничтожить — ибо, как вы понимаете, я и был этим юношем. Она впрыснула в меня свои зловонные соки, высосала мою человечность, заменила ее отвратительным, нежеланным вином бессмертия. Мое юное сердце уподобилось ледяному кулаку.

В руках того подыхающего вампира... такого же создания, как я сейчас, я стал собой нынешним. Измученный ходом тысячелетий, он избрал нового носителя для своего отвратительного недуга, а потом умер... и я, несомненно, тоже так когда-нибудь поступлю, охваченный каким-нибудь ужасным, слепым, примитивным порывом... но это будет еще не скоро. Не сегодня.

Вот как ребенок, такой же, как все другие дети — любимый семьей и сам любивший шумные игры и сладости — стал детищем тьмы, боящимся солнечного света.

Вначале я прятался в сырых тенях под камнями и пыльном сумраке заброшенных мест, но вскоре их покинул, мучимый беспощадным, неодолимым голодом. Первым делом я выпил кровь своей семьи — моя ничего не понимающая мать зарыдала, увидев, что ее дитя вернулось и стоит подле ее убогого ложа, залитого лунным светом — а потом принялся за других горожан. Не последней и не самой мучитель-

ной для меня жертвой стала та темноволосая девушка, что сбежала из руин. Другим я тоже перегрызal горло, а потом обливался теплой, соленой, как море, кровью, но плененный внутри меня ребенок беззвучно плакал. Я словно стоял за ширмой, но не мог ни уйти, ни вмешаться, пока на моих глазах творились ужасные преступления...

Так прошли годы — песчинки на берегах той реки, неисчислимые в своем однообразии. Казалось, в каждой такой песчинке заключено бесконечное число убийств, и каждое было ужасно, несмотря на их ошеломительную схожесть. Насытить меня могла лишь человеческая кровь, и сто поколений я держал людей в ужасе.

Я силен, по сути бессмертен и, насколько знаю, неубиваем — клинок проходит сквозь меня, как через пелену дыма; ни огонь, ни вода, ни яд меня не берут... и все же солнечный свет причиняет мне настолько мучительную боль, что вам, простым смертным, чьи страдания, по крайней мере, заканчиваются со смертью, этого просто не понять. С тех пор, как я в последний раз видел дневной свет, возникли и обратились во прах многие человеческие царства.

Вы задумайтесь, разве не грустная история? К восходу солнца мне нужно быть в темноте, так что, пока я обхожу свои владения в поисках добычи, моим жильем пользуются жабы и слизни, летучие мыши и ящерицы. Люди для меня всего лишь пища. Я не знаю ни одного подобного себе существа, разве что ту тварь, которая меня заразила. В моих ноздрях всегда стоит запах собственного разложения.

Вот и вся история обо мне. Я не могу умереть, пока не пришел мой час, а кто знает, когда он придет? Пока же я буду одинок, одинок одиночеством, недоступным обычным людям: только я и моя презренная природа, и зло, и отвращение к себе до тех пор, пока мир не рухнет и не возродится в очередной раз...

Тут вампир поднялся. Он стоял над нами, напоминая трепещущий на ветру черный парус, руки, а может, громадные крылья, а может, еще что-то были раскинуты, словно собираясь сгрести нас в охапку.

— Неужели ваши истории могут с этим сравниться? — вскричал он. Грубость его речи каким-то образом стала не такой очевидной, пусть он и говорил все громче и громче.

— Ну, и чья история самая печальная? — В его отвратительном голосе звучала боль, от которой разрывалось даже мое испуганно грохочущее сердце. — У кого? Ну же! Время решать!..

И несмотря на то, что правда могла стоить мне жизни, в тот миг я не сумел солгать. Я отвернулся от дрожащей черной тени, этого существа, будто состоявшего из одних лохмотьев и красных глаз. Все вокруг костра молчали... даже писарь Абдулла просто сидел, обнимая колени, да клацал зубами, выпучив глаза от страха.

— ...так я и думал, — наконец сказал вампир. — Так я и думал.

Ночной ветер зашуршал в ветвях над нашими головами. Казалось, вверху нет ничего, кроме беспространной тьмы... ни неба, ни звезд, ничего, только нескончаемая пустота.

— Очень хорошо, — удовлетворенно сказала черная тень. — Ваше молчание говорит само за себя. Я выиграл. — В ее голосе не прозвучало ни единой нотки ликования. — Выдайте мне мой приз, и, возможно, я позволю остальным покинуть мои горы.

Вампир слегка отступил.

Мы переглянулись, радуясь тому, что ночной мрак скрывает наши лица. Я взял было слово, но ибн Фахад, перебив меня, с мукой в голосе проскрежетал:

— Давайте не станем говорить о добровольцах. Кинем жребий, другого пути нет.

Он быстро разломал тонкую веточку на пять частей, одна из которых была короче, и зажал их в кулаке.

— Тяните, — сказал он. — Я возьму последнюю.

Пока я в глубине души недоумевал, пытаясь понять, в припадке какого безумия мы согласились на это пари и

чего ради тянем жребий, кому из нас умереть, все мы взяли у ибн Фахада по веточке. Другие еще выбирали, а я сжимал палочку в кулаке, не желая торопить Аллаха с решением моей судьбы.

Короткую палочку вытянул Олененочек.

Как ни странно, узнав о своей ужасной судьбе, он никак не изменился в лице: ни следа огорчения... более того, он даже не откликнулся на наши беспомощные слова и мольбы. Просто встал и медленно подошел к сгорбленной черной тени в дальнем конце поляны. Вампир встал ему на встречу.

— Нет! — раздался внезапный крик и, к нашему полнейшему удивлению, Абдулла, вскочив, бросился через поляну и заслонил юношу от тени своим телом. — Мальчик еще слишком молод! — с болью в голосе воскликнул Абдулла.

— Не трогай его! Возьми лучше меня!

Мы с ибн Фахадом и визиром остолбенели от такого поворота событий, но вампир тут же приблизился со стремительностью гадюки и одним мимолетным движением сбил писаря на землю.

— Ну вы и сумасшедшие, жалкие смертные! — прошипел вампир. — Вот он пальцем не пошевелил ради собственного спасения, ни разу не подал голос, пока вы рассказывали истории, а теперь бросается в пасть смерти вместо другого! Безумец! — Чудовище оставило Абдуллу тяжело дышать на земле и повернулось к молчащему Олененочку.

— Идем. Я выиграл состязание, и ты мой приз. Я... извини... но иначе никак.

Юношу окутала тьма.

— Идем, думай о лучшем мире, куда направляешься... ты ведь в него веришь? Скоро ты... — Чудовище замолкло.

— Почему ты так странно смотришь, дитя человеческое? — наконец озабоченно спросило оно. — Ты плачешь, но где же страх? В чем дело? Ты не боишься смерти?

— А вы действительно живете так долго? — странно растерянным тоном ответил Олененочек. — И всегда, всегда в одиночестве?

— Да, я же говорил. Зачем мне врать? Думаешь избавиться от меня этими странными вопросами?

— Неужто наш добрый Бог способен поступить настолько немилосердно? — Его слова были не громче вздохов.

Темная тень напряглась.

— Ты... горюешь... обо... мне? Обо мне?!

— Я чем-нибудь могу вам помочь? — спросил юноша. — Даже Аллах, наверное, разрыдался бы от жалости... такая несчастная судьба, один, вечно в темноте...

На мгновение ночной воздух словно задрожал. Затем с мучительным вздохом тварь отшвырнула юношу, и тот, споткнувшись, упал перед нами, прямо на стонущего Абдуллу.

— Вон! — прокрежетал вампир голосом, подобным грому и треску молний. — Чтобы в моих горах вашего духу не было! Пошли прочь!

Совершенно изумленные, мы поставили писаря и Олениночка на ноги и, спотыкаясь, побрали вниз по склону. Ветви хлестали нас по лицу и рукам, и мы боялись, что за спиной вот-вот раздастся шелест крыльев и наши шеи обдадут холодным дыханием.

— Эй, людишки, стройте свои дома хорошо! — донесся до нас голос, похожий на завывания яростного ветра. — Жизнь у меня долгая и... когда-нибудь я пожалею, что отпустил вас!

* * *

Мы бежали и бежали, пока не стало казаться, что еще чуть-чуть и мы испустим дух, пока легкие не стали гореть, пока ноги не покрылись волдырями... пока над вершинами на востоке не показалось солнце...

Масрур аль-Адан позволил концовке повиснуть в тишине на тридцать ударов сердца, а затем отодвинул кресло от стола.

— Уже на следующий день мы покинули те горы, — продолжал он. — И через несколько месяцев вернулись в Баг-

дад. Кроме нас, из каравана никто не выжил.

— Аахах!.. — выдохнул молодой Хасан, издав долгий тягучий звук, полный удивления и тревоги. — Какое чудесное и страшное приключение! Сам бы я в таком точно не выжил. До чего же жутко! А он... та тварь... он что, и впрямь может однажды вернуться?

Масрур торжественно кивнул своей большой головой.

— Клянусь душой! Верно, ибн Фахад, старина?

Ибн Фахад ответил слабой улыбкой, видимо, означавшей согласие.

— Да, — продолжал Масрур, — у меня от этих слов по сей день леденеет кровь. Много ночей я просидел в этой комнате, глядя на дверь... — он показал, — и думал: вдруг она однажды откроется и я снова увижу перед собой то жуткое, уродливое исчадие ада, вернувшееся за своим призом.

— Да помилует нас Аллах! — выдохнул Хасан.

Гости взволнованно зашептались. Абу Джамир с раздраженным видом наклонился над столом.

— Любезный Хасан, — рявкнул он, — будь добр, успокойся. Все мы благодарны нашему хозяину Масруру за развлечение, но это прямо оскорбительно — намекать разумным благочестивым людям, что их в любой миг может утащить какой-то кровососущий ифрит...

Дверь с грохотом распахнулась, и в проеме, ко всеобщему ужасу, возникла дрожащая, скособоченная фигура, вся забрызганная красным. Комната наполнилась визгом гостей.

— Хозяин?.. — пошатнулся темный силуэт. Один кувшин Баба удерживал на плече, а второй лежал разбитым у его ног, расплескав повсюду отборное вино из запасов абу Джамира. — Хозяин, — снова начал он. — Боюсь, я один кувшин уронил.

Масрур посмотрел на абу Джамира, без чувств во весь рост растянувшегося на полу.

— Да ладно, Баба, пустяки, — улыбнулся Масрур, подкручивая черные усы. — Похоже, нам понадобится меньше вина, чем я думал. Мой рассказ убаюкал часть гостей.

КОММЕНТАРИИ

Ф. Браун. Кровь

Впервые: *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*, 1955, февраль. Пер. А. Шермана.

Ф. Браун (1906-1972) — американский фантаст (отметился также в жанрах детектива и хоррора), журналист, сценарист, автор более 30 книг. Известен как виртуоз «ультракороткого», зачастую иронического рассказа.

Л. Р. Картер. Исчезающий вид

Впервые в антологии *The Curse of the Undead* (1970) под назв. «Vanishig Breed» и псевд. «Нил Струм». Пер. А. Шермана.

Л. Р. Картер (р. 1946) — американский писатель-фантаст, автор произведений в жанре фэнтэзи (некоторые из них написаны в соавторстве с женой, писательницей Маргарет Л. Картер). Изучал физику, в 1971-2002 гг. служил в ВМС США, в том числе командовал противолодочным фрегатом.

С. 12. ...«Варни-вампир» — «Варни-вампир или Пиршество кро-ви» — анонимный викторианский роман (1845-47), выходивший изначально в serialных «грошовых» брошюрах, один из наиболее известных образчиков бульварной готики и влиятельное произведение вампирического жанра. Чаще всего приписывается перу Д. Раймера (1814-1884).

С. 16. ...лорда Рутвена — Лорд Рутвен — вампир, центральный персонаж «Вампира» Д. Полидори (1795-1821); позднее это имя и самого героя использовали авторы многих других вампирических произведений.

С. 19. ...Жиля де Рэ — Жиль де Рэ, также де Рэ или де Реп (ок. 1405-1440), французский барон, военачальник, сподвижник Жан-

ны д'Арк. Был казнен по обвинениям в серийных убийствах детей и чернокнижии; считается прототипом Синей Бороды.

Р. Блох. Девушка с Марса

Впервые: *Fantastic Adventures*, 1950, № 3, март, под назв. «*Girl from Mars*». Пер. М. Фоменко. Илл. Р. Рута.

Р. Блох (1917-1994) — американский фантаст, виднейший мастер жанра ужасов, сценарист. Дебютировал в 1934 г., в молодости входил в т. наз. «круг Г.Ф. Лавкрафта». Автор сотен рассказов, более тридцати романов, лауреат ряда почетных премий.

Р. Желязны. Пиявка из нержавеющей стали

Впервые: *Amazing Stories*, 1963, № 4, апрель, под назв. «*The Stainless Steel Leech*» и под псевд. «Гаррисон Денмарк». Пер. И. Гуровой. Илл. Д. Блейра.

Р. Желязны (1937-1995) — американский фантаст, один из лидеров «Новой волны» в фантастике США, поставившей во главу угла переживания и внутренний мир человека. Учился в Кливлендском Западном и Колумбийском университетах, защитил диссертацию о елизаветинской драме. Позднее работал в системе социального страхования, с 1969 г. — профессиональный литератор. Автор пяти десятков книг, лауреат 6 премий Hugo, 3 премий Nebula и др. наград.

А. Кларк. Паразит

Рассказ патриарха научной фантастики, футуролога, популяризатора науки А. Кларка (1917-2008) был впервые опубликован в *Avon Science Fiction and Fantasy Reader*, 1953, апрель. Пер. П. Ехилевской взят из сетевых источников.

Р. Сильверберг. Вампиры космических глубин

Впервые: *Super-Science Fiction*, 1959, № 3, апрель, под назв. «*Vampires from Outer Space*» и под псевд. «Ричард Ф. Уотсон». Пер. М. Фоменко. Илл. Э. Эмшвилиера.

Р. Сильверберг (р. 1935) — крайне плодовитый и титулованный американский фантаст, автор десятков романов и сб. рассказов. Выпускник Колумбийского университета, публиковаться начал еще в юности, в молодые годы был успешным инвестором. Помимо фантастики, обращался и к другим жанрам от научно-популярных кн. по истории и археологии до исторических романов и эротики. Публикуемая новелла относится к «паль»-периоду его творчества.

Д. Уондри. Огненные вампиры

Впервые: *Weird Tales*, 1933, № 2, февраль. Пер. А. Вий и Л. Козловой.

Д. Уондри (*Wandrei*, 1908-1987) — американский писатель, поэт, издатель. Автор научной фантастики, фэнтэзи, рассказов ужасов, детективов и т. д. Первую книгу (сборник стихотворений) опубликовал в возрасте 20 лет. Входил в «круг Г. Ф. Лавкрафта» и был другом и протеже последнего. Наиболее известен, однако, не благодаря своим сочинениям, а знаменитому издательству «*Arkham House*», основанному им совместно с А. Дерлетом в 1939 г.

С. 91. ...*Маунт-Вилсон* — Астрономическая обсерватория на горе Вилсон в Калифорнии (США), открытая в 1908 г.

К. Мур. Шамбло

Впервые: *Weird Tales*, 1933, № 5, ноябрь, под назв. «*Shambleau*». Пер. А. Шермана. Илл. Ж.-К. Фореста.

К. Мур (1917-1987) — американская писательница, работавшая в жанрах НФ и фэнтэзи. В 1940 г. вышла замуж за фантаста Г. Катт-

нера, в соавторстве с которым написала немало произведений, одновременно продолжала писать самостоятельно. После смерти Каттнера в 1958 г. прекратила писать художественную прозу, преподавала писательское мастерство в университете Южной Калифорнии и до 1963 г. работала сценаристкой на телевидении.

Рассказ «Шамбло» является не только первым профессионально опубликованным, но и наиболее известным произведением Мур, а также считается «малой классикой» вампирического жанра. К сожалению, существующие на русском языке переводы рассказа (за исключением относительно точного перевода В. Портянниковой) представляют собой произвольно сокращенные, пестрящие ошибками и откровенными выдумками фантазии бездарных переводчиков, возомнивших себя писателями и безжалостно искалечивших текст. Мы надеемся, что представленный перевод по крайней мере адекватно отражает написанное К. Мур.

С. 118. «Ворожеи не оставляй в живых» — Исх. 22:18.

С. 130. ...«Зеленые холмы Земли» — Впоследствии это придуманное К. Мур название песни подхватил знаменитый фантаст Р. Хайнлайн, назвавший так свой рассказ (1947), а позднее и сборник рассказов.

К. Э. Смит. Склепы Йох-Вомбиса

Впервые: *Weird Tales*, 1933, № 5, май, под назв. «The Vaults of Yoh-Vombis». Пер. М. Фоменко.

К. Э. Смит (1893-1961) — прозаик, поэт, художник, скульптор, виднейший фантаст круга Г. Ф. Лавкрафта. Автодидакт и ненасытный читатель, Смит начал писать в детском возрасте, публиковаться — с 17 лет. В 1910-х гг. приобрел большую известность как поэт. В 1925-1936 гг. написал и опубликовал около 100 прославивших его рассказов и новелл в жанрах НФ и фэнтэзи. Позднее занимался скульптурой, фантастической живописью и графикой.

Данный рассказ, по настоянию редактора *Weird Tales* Ф. Райта, подвергся серьезной авторской правке и был существенно сокращен. В частности, был опущены многие, по выражению Смита, «атмосферно-подготовительные» описания из первой трети рассказа, а введение, написанное от лица больничного врача, превра-

тилось в «постскрипту». Публикуемая нами полная авторская версия была впервые восстановлена по рукописям и опубликована С. Беренцом в 1988 г.

С. 156. ...*анаким* — букв. «гиганты» (ивр.), в Библии доханаанское племя великанов, населявшее часть Израиля и филистимской равнины.

С. 156. ...*теокали* — четырехгранные усеченные уступчатые пирамиды, памятники древней религиозной архитектуры tolтеков и ацтеков.

К. Э. Смит. Охотники из преисподней

Впервые: *Strange Tales of Mystery and Terror*, 1932, № 6, октябрь, под назв. «The Hunters from Beyond». Пер. И. Тетериной взят из сетевых источников.

С. 177. ...«*Капричос*» — серия из 80 сатирико-фантастических офортов (1797-98) великого испанского художника Ф. Гойи (1746-1828).

С. 191. ...*Rops* — Ф. Ропс (1833-1898), бельгийский художник-символист, часто использовавший в своем творчестве мотивы эротизма и сатанизма.

С. 194. ...*Малебольги* — В «Божественной комедии» Данте Малебольга (Malebolge) — восьмой круг Ада.

Т. Уильямс. Дитя древнего города

Впервые: *Weird Tales*, 1988, № 292, осень.

Т. (Роберт Пол) Уильямс (р. 1957) — американский писатель, автор романов и новелл в жанрах фэнтэзи и НФ. Новелла «Дитя древнего города» была в 1992 г. переработана в небольшой роман, написанный Уильямсом совместно с Н. Хоффман.

Оглавление

Ф. Браун. Кровь. <i>Пер. А. Шермана</i>	7
Л. Картер. Исчезающий вид. <i>Пер. А. Шермана</i>	10
Р. Блох. Девушка с Марса. <i>Пер. М. Фоменко</i>	22
Р. Желязны. Пиявка из нержавеющей стали. <i>Пер. И. Гуровой</i>	32
А. Кларк. Паразит. <i>Пер. П. Ехилевской</i>	39
Р. Сильверберг. Вампиры космических глубин. <i>Пер. М. Фоменко</i>	99
Д. Уондри. Огненные вампиры. <i>Пер. А. Вий и Л. Козловой</i>	89
К. Мур. Шамбло. <i>Пер. А. Шермана</i>	111
К. Э. Смит. Склепы Йох-Вомбиса. <i>Пер. М. Фоменко</i>	152
К. Э. Смит. Охотники из преисподней. <i>Пер. И. Тетериной</i>	176
Т. Уильямс. Дитя древнего города. <i>Пер. А. Вий и Л. Козловой</i>	195
К о м м е н т а р и и	243

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.